ПИСЬМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО

(1855 - 1879)

Предисловие* и публикация Ива Мийе (Франция)

Статья К. И. Тюнькина

Комментарии Ива Мийе и Л. С. Журавлевой

В апреле 1855 г., когда началась переписка Тургенева с Писемским, последнему было 35 лет. Он недавно, в декабре 1854 г., с женой и двумя сыновьями, переехал в Петербург и жил на скромные средства, состоявшие из дохода с небольшого имения и литературного заработка. Писемский в это время уже был известным писателем. После успеха «Тюфяка», изданного в 1850 г., ряд его произведений появился в «Москвитянине» и «Современнике». В 1853 г. выход «Повестей и рассказов» Писемского послужил поводом к частым сравнениям обоих писателей. Так, критик «Москвитянина» (Б. Н. Алмазов) не скрывал, что он предпочитает Писемского.

До 1854 г. Писемский жил вдали от столицы. Тургенев же, как известно, с 1852 до декабря 1853 г. находился в ссылке в Спасском. Только зимой 1854/55 г. они встретились в Петербурге. За несколько месяцев пребывания в столице у Писемского установились довольно прочные отношения с Некрасовым и группой «Современника». Первые его встречи с Тургеневым, вероятно, и состоялись в кругу Некрасова, с которым Тургенев в ту пору был дружен. До этого Тургенев читал произведения Писемского, но о самом авторе ничего не знал, кроме не очень лестных отзывов Некрасова, писавшего ему 21 октября 1852 г.: «"Батманов" (особенно первая половина) очень хорош, но какое грубое существо этот господин (т. е. автор)» (Не к р а с о в, т. Х, стр. 179). Другие письма Некрасова свидетельствуют о том, что он ценил талант Писемского.

По-видимому, Тургенев часто встречался с Писемским с декабря 1854 г. до апреля 1855 г., и все свидетельствует о том, что эти встречи были дружескими. В письме к Островскому от 30 марта 1855 г. Писемский уже говорит о Тургеневе как о своем друге: «Что тебе сказать о моем житье-бытье в Петербурге? (...) Милейший Тургенев едет скоро в Москву и, вероятно, увидится с тобою и расскажет тебе, как я подвизаюсь в чтении у разных сильных мира сего моего нового романа "Тысяча душ" и очерка "Плотничья артель"» (П и с е м с к и й, стр. 80).

Публикуемые письма позволяют проследить различные стадии взаимоотношений этих двух писателей. К сожалению, из-за отсутствия документальных данных, мы не можем судить о первых месяцах их знакомства. Но, видимо, Писемский был сразу пленен умом и талантом Тургенева; с самого начала письма его выражают восхищение, граничащее с обожанием. Несомненно, Тургенев был холоднее.

6 апреля 1855 г. Тургенев уехал из Петербурга в Спасское. Писемский намеревался тотчас написать ему, чтобы тот по приезде в деревню сразу получил письмо; болезнь помешала осуществлению этого намерения. 29 апреля Писемский сообщал: «Начинаю письмо мое полубольной, полувыздоравливающий (...) Писать я к вам давно собирался». Затем письма часто следуют одно за другим до самой осени. Ответы Тургенева на четыре письма за три с лишним месяца до нас не дошли, но о них можно судить по письмам Писемского, который упрекал своего корреспондента за короткие и редкие послания: «Я так откровенно пишу к вам о повести (...), чтобы вызвать вас на

^{*} Перевод с французского М. И. Беляевой.

таковую же откровенность» (29 апреля) или: «Вот видите, почтеннейший Иван Сергеевич, какие я вам строгие и откровенные письма пишу, а вы мне ничего не пишете о моих произведениях, тогда как для меня это более, чем для кого другого, необходимо» (30 мая). Писемский все время повторяет, как ему нужен Тургенев, его присутствиеи советы. Весна и лето 1855 г. были для него исключительно трудными материально; он задыхается от жары в Петербурге, погружен в хлопоты, болен, но больше всего страдает от отсутствия Тургенева. Эти проявления симпатии и восхищения особеннопримечательны, если принять во внимание, что к этому времени Писемский завоевал одно из первых мест среди молодых писателей и что имя его почти затмевало имя Тургенева. Преданность, искренность и ясный ум Писемского постепенно преодолели сдержанность Тургенева, по, несомненно, что излишняя откровенность и бесцеремонность его должны были в начале раздражать Тургенева. Возможно даже, что он поддерживал эти отношения только из вежливости. Когда осенью возобновилась петербургская жизнь, Писемский постоянно бывал у Тургенева. Но эти встречи вскоре прекратились, так как через месяц с небольшим Писемский был командирован Морским министерством на Нижнюю Волгу.

С января 1856 г. по июнь 1858 г. Тургенев и Писемский не встречались, а только переписывались. Писемский постоянно сетует в своих письмах на отсутствие Тургенева. Наконец, в начале июня 1858 г. Тургенев приезжает в Петербург, но он спешит уехать в Спасское. Все же он обещает провести зиму в столице. Около 10 ноября 1858 г. Тургенев возвращается из Спасского и остается в Петербурге до весны; в следующем году он проводит все лето в Париже. В письме от 13 августа 1859 г. Писемский говорит о своей радости вновь увидеть его в начале сентября. Но Тургенев был в столице только проездом, по пути в деревню, где он собирался охотиться всю осень. В письмах от 1 и 21 октября и 6 ноября Писемский советует ему: не охотиться слишком много, чтобы не погубить здоровья, побольше работать. Но тон его писем менее восторжен.

Тургенев остается в России до весны 1860 г., ровно столько, сколько нужно, чтобы закончить «Первую любовь», обещанную Писемскому для «Библиотеки для чтения», а затем уезжает во Францию. Положение Писемского в Петербурге сильно пошатнулось. Единственную радость ему в это время доставляли мимолетные свидания с Тургеневым. Когда, в начале 1862 г., разразился скандал с «безрыловскими» фельетонами, Тургенева ожидали в Россию. Два февральских письма показывают, до какой степени Писемский рассчитывал на его вмешательство, чтобы заставить замолчать своих противников, ему казалось, что все нападки прекратились бы, если бы Тургенев был тут. Писемский только что был вызван на дуэль В. С. Курочкиным (издателем «Искры») и твердо решил отказаться от редактирования «Библиотеки для чтения», когда Тургенев приезжает в Петербург, но он не думает вмешиваться. Расстроенный неприятностями, Писемский весной уезжает в Дрезден, Лондон и Париж и не переписывается с Тургеневым до января 1863 г. В это время он ведет переговоры с П. Д. Боборыкиным о продаже «Библиотеки для чтения» и собирается договориться в Москве об условиях сотрудничества в «Русском вестнике». Но он держит эти переговоры втайне и не сообщает о них своему корреспонденту до 19 февраля 1863 г., а 4 июня объявляет, что окончательно обосновался в Москве.

В течение приблизительно года отношения между Тургеневым и Писемским оставались довольно холодными, но Писемский неспособен на злое чувство по отношению к другу. Письмо от 22 января 1864 г. опять полно доверия и оптимизма: он «оживает», он «молодеет» в Москве, он полон радостью снова увидеть Тургенева, который собирается покинуть Францию. Но долго еще ему придется ждать Тургенева — до марта 1867 г. Два горьких письма следуют одно за другим в начале 1864 г.: Тургенев в Петербурге, но не хочет затруднить себя поездкой в Москву. Затем письма прекращаются до весны 1866 г. Тургенев делит свое время между Парижем, Баден-Баденом и Петербургом. Писемский чувствует себя совершенно заброшенным. 8 мая 1866 г., нарушая двухлетнее молчание, он пишет Тургеневу: «Неужели вы для нас и мы для вас совершенно и пропали?..» Конечно, Тургенев был тронут преданностью и искренним огорчением, о котором свидетельствовало это письмо. Он ответил на него в июне, а на следующий год они встретились в Москве.

С тех пор отношения между обоими писателями не прерываются надолго. Переписка неравномерно перемежается пребываниями Тургенева в Москве и двумя посещечиями Парижа Писемским. Последний сообщает 2 января 1870 г. Анненкову: «Нашему милейшему Ивану Сергеевичу я пишу довольно часто». Любой слух о здоровье Тургенева или Полины Виардо тревожит Писемского (см. письма № 38 и 41). Тургенев, со своей стороны, не пропускает возможности повидать своих старых друзей Писемских: «...у меня сидел целый вечер Ив. С. Тургенев, только что приехавший из Петербурга в Москву» (письмо к В. Дерели от 20 апреля 1880 г.); «Вчера ко мне заезжал Тургенев» (к С. А. Усову от 30 апреля 1880 г.); будучи больным, Тургенев принимает у себя Писемского: «Иван Сергеевич Тургенев тоже здесь, но болен ⟨...⟩ Еду нарочно в город сегодня, чтобы повидать его» (к Е. И. Бларамберг от 30 мая 1880 г.— П и с е м с к и й, стр. 462, 466, 476—477).

Неуравновешенность отношений первых лет знакомства позволяла предположить, что никогда не сможет быть преодолено то, что разделяло этих двух людей. Но на деле случилось по-иному. Возможно, что Тургенев с самого начала почувствовал к Писемскому некоторую симпатию. Мы не знакомы с содержанием его писем к Писемскому до 1867 г., и это, конечно, досадный пробел, но Тургенев ведь умел, притом гораздолучше, чем его корреспондент, скрывать свою антипатию или безразличие. Даже когда Писемский раздражал Тургенева, он никогда, как нам кажется, не проявлял своих чувств. Во всяком случае очевидно, что приблизительно до 1867 г. Писемский не находился в числе знакомых Тургенева, которыми тот очень дорожил; он был не из тех друзей, ради которых откладывают путешествие, для свидания с которыми меняют свои планы. Дружеские чувства Тургенева возникли позже, и о настоящей близости между обоими писателями речь может идти только с 1870 года.

Нужно отметить, что по мере того, как критика стала враждебнее относиться к его произведениям, Тургенев все более и более сближался с Писемским. 31 мая/12 июня 1867 г. он пишет Писемскому: «Вы легко мне на слово поверите, когда я вам скажу, что ваше письмо меня весьма обрадовало, тем более, что я до сих пор, кроме осуждения моего романа, даже от приятелей ничего не слыхал...» (речь идет о «Дыме», которым Писемский восхищался в письме от 25 мая). Кроме того, с приближением старости Тургенева все больше одолевали болезни. Писемский неоднократно упоминает в письмах о предстоящих свиданиях, когда они смогут поговорить о «своих болезнях», поплакаться на судьбу. Сходство между этими двумя стариками становится все разительнеь. С самого начала их знакомства Тургеневу приходилось выслушивать рассказы о всех неприятностях Писемского и жалобы на его муки. Заболев неизлечимой болезнью, Тургенев должен был почувствовать себя ближе к Писемскому и лучше его понять.

Тургенев всегда ценил ум, доброту и мужество Екатерины Павловны, жены Писемского. Она помогала мужу в делах материальных, терпела трудности его характера, поддерживала в нем стойкость; она умела привлекать его друзей, внося в беседы спокойствие и веселую нотку. Если Тургенев охотно посещал дом Писемского, то в какой-то степени это объясняется обаянием Екатерины Павловны. Тургенев неоднократно напоминал Писемскому, какой он получил «выигрыш» в жизненной «лотерее», по его выражению.

Оба сына, Павел и Николай, сумели также возбудить к себе симпатию и живой интерес Тургенева. Работая над романом «Новь», он думает о них. В 1874 г. Писемский с женой — гости Тургенева в Буживале. Младший их сын недавно застрелился, и они едут к Павлу, студенту Геттингенского университета; затем увозят его в Париж, где вскоре оставляют на отеческое попечение Тургенева, который охотно принимает на себя роль опекуна. В следующем году Писемские проводят апрель и май в Париже. Тургенев знакомит их со своими друзьями; Писемский читает свои пьесы и возвращается домой в восторге от пребывания там.

В течение последних лет дружба писателей была безоблачной. Писемский с трудом пишет, так как не может шевелить рукой, и теперь Тургенев ждет известий: «Как поживаете? — пишет В. Дерели Писемскому 22 ноября/4 декабря 1879 г. — Уже долгие месяцы я слышу о вас только от г-на Ивана Тургенева, который и сам только

изредка получает о вас косвенные известия через приезжих московских знакомых (оригинал по-франц.— Писемский, стр. 781). Требовательная привязанность Писемского нашла, наконец, отклик в сердце Тургенева.

Оригиналы публикуемых писем хранятся в парижской Национальной библиотеке. Они были описаны А. Мазоном в издании: М а z о п, р. 108. Коллекция эта содержит 56 писем. Из них 3 письма следует исключить, как не принадлежащие Писемскому. Это письма его старшего сына — Павла Алексеевича, жившего в Париже в 1874—1875 гг. и обменявшегося там несколькими короткими записками с Тургеневым.

Остальные 53 письма охватывают 24-летний период, начинающийся 29 апреля 1855 г. и кончающийся 18 марта 1879 г. Эти 53 письма неотделимы от 15 писем Писемского к Тургеневу, опубликованных в России. Итак, число известных нам писем Писемского к Тургеневу доходит до 68. Автографы, находящиеся в СССР, вошли в издание: А. Ф. П и с е м с к и й. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. К л е м а н а и А. П. М о г и л я н с к о г о (М.—Л., 1936). Кроме того, здесь опубликовано 6 черновиков писем, тождественных с их беловиками, хранящимися в Париже. Таким образом, в коллекции Национальной библиотеки оказывается 47 неизданных писем.

Из 21 письма, входящего в издание 1936 г., 9 были уже опубликованы в 1888 г. в журнале «Новь» (№24, стр. 216—220) и перепечатывались в полных собраниях сочинений Писемского (см. П и с е м с к и й — №427, 532, 561, 571, 604, 674, 686, 722, 895). Эти 9 писем и еще 4 других, опубликованных в 1936 г. (№ 403, 405, 411 и 552), известны лишь в черновиках. Только 8 писем из 21 воспроизведены по беловому тексту подлинников, оставленных Тургеневым в России (№ 299, 302, 321, 325, 327, 343, 512, 524). Эти автографы хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде. Из 13 черновиков, опубликованных в СССР, 6 соответствуют парижским беловым автографам (№403, 405, 427, 571, 604, 674), а 7 дошли до нас лишь в черновиках. Итак, надо предположить потерю 7 беловых писем Писемского к Тургеневу.

У Писемского была привычка набрасывать черновики писем, а затем переписывать их начисто. Он не пользовался листочками для черновиков, а только тетрадками, содержавшимися им в полном порядке. Та же склонность к порядку сказывалась и в том, как он хранил получаемые им письма, отмечая на них дату получения. Тургенев также, как правило, очень аккуратно хранил письма своих корреспондентов (хотя Писемский специально просил его уничтожить два письма). Поэтому не представило особого труда восстановить без значительных пробелов письма Писемского к Тургеневу. Конечно, можно допустить потерю или уничтожение нескольких писем. Но для того, чтобы установить все пробелы, надо было бы располагать полностью ответами Тургенева, тогда как не сохранилось, по-видимому, никаких следов его писем, относящихся к первому периоду переписки, до 1867 г.

Как объяснить потерю доброй половины писем Тургенева к Писемскому? Во всяком случае, приписывать ее небрежности адресата нет оснований. Известные ныне письма извлечены главным образом из архива, переданного Е. П. Писемской Анненкову после смерти мужа. В числе документов было много писем, адресованных покойному, и на первом месте были письма Тургенева, числом около 30, судя по утверждению С. А. Венгерова, который пользовался теми же бумагами, что и Анненков (С. А. В е нгеров. А.Ф. Писемский. СПб., 1884, стр. 1-2). Вполне вероятно, что вдова Писемского передала не все письма к ее мужу. Что сталось с остальными? Уничтожила ли Е. П. Писемская часть переписки? З письма Тургенева, не вошедшие в состав архива, переданного Анненкову, были обнаружены после Октябрьской революции и хранятся в настоящее время в Институте русской дитературы АН СССР. Эти документы относятся, по-видимому, к периоду после 1867 г. Они опубликованы М. К. Клеманом в примечаниях к «Письмам» Писемского. 30 писем было опубликовано в «Нови» 1886 г. (№23), как будто бы по автографам, о которых говорил Венгеров. Первое из этих писем датировано 31 мая/12 июня 1867 г. Следовательно, в руки биографов Писемского попали только письма, написанные после этой даты. Нам представляется возможным предположить сознательное уничтожение писем первого периода, поскольку ни одно из них не было передано Е. П. Писемской и ни одно не найдено после ее смерти.

ПИСЕМСКИЙ И ТУРГЕНЕВ В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

Статья К. И. Тюнькина

Большая часть публикуемых в настоящем томе «парижских» писем Писемского к Тургеневу (34 из 47) относится к 1855—1864 гг., т. е. к тому времени, когда Писемским были созданы самые значительные произведения («Тысяча душ», «Горькая судьбина», «Старческий грех», «Старая барыня», «Батька» и др.), когда он как редактор «Библиотеки для чтения» принимал активное участие в литературной жизни. Письма Писемского к Тургеневу, известные ранее (напечатаны в издании 1936 г.), —более позднего времени (первое из них — от 8 мая 1866 г.). Уже это говорит о большом историколитературном значении публикуемых писем.

Писательская и человеческая судьба Писемского была трудной. Художник, так много сделавший для русской литературы в годы расцвета своего таданта, ставившийся в 50-х годах критикой и читателями рядом с Тургеневым, Толстым, Гончаровым, Островским, был почти забыт к концу жизни, оказался вне основного русла литературного развития. Объяснение причин такого поворота писательской судьбы Писемского давалось неоднократно. Публикуемые письма не колеблют сложившихся в науке представлений о Писемском-художнике, литературном деятеле, политическом мыслителе1. Однако они серьезно дополняют эти представления. Именно письма обнажают внутренний процесс «самоопределения» Писемского, оформления его мировоззрения, прежде всего политических взглядов, в «петербургский» период жизни, в годы революционной ситуации (1859-1861). Многие из публикуемых писем дают очень яркое представление о большом своеобразии, силе, значительности таланта Писемского проницательности многих его суждений и оценок и, в то же время, позволяют очень остро почувствовать «потолок» его как человека, мыслителя, художника; это-«потолок» — ограниченность, выявившаяся в сложной литературной и политической борьбе начала 60-х годов, ощущается, например, в его грубых «антинигилистических» письмах 1862 г. (пп. № 26 и 27).

Как известно, до переселения в Петербург Писемский печатался и в «Москвитянине» и в «Современнике» — журналах очень разных и по смыслу деятельности, и по традициям. И та и другая редакции видели в нем сотрудника, творчество которого соответствовало направлению издания, хотя, конечно, суть творчества Писемского они понимали не совсем одинаково. Что касается Писемского, его эстетическое кредо уже в то время было достаточно определенно — это было следование традициям натуральной школы, «гоголевского направления», хотя и понятым своеобразно. Однако политические позиции писателя отличались тогда большой неясностью, точнее — не были им сформулированы. Впрочем, сама действительность еще не требовала безусловной ясности в этой области. Позднее Писемский был вынужден определить свое место в политической борьбе.

Февральское письмо 1856 г., посланное из Астрахани, где Писемский находился в «литературной экспедиции», довольно точно обрисовывает тот литературный круг, в который он вошел в конце 1854 г. по приезде в столицу. В удалении от Петербурга, в обстановке, контрастной со столичной, Писемский вспоминал литераторов, наиболее близких ему, или во всяком случае тех из них, с которыми он чаще всего встречался за последние полтора года. Представляя себе «покойное и приятное положение» своих «добрых петербургских друзей и собратов», Писемский называет среди этих друзей Тургенева, Анненкова, Дружинина, Гончарова, И. И. Панаева, А. Н. Майкова. Отношения с первыми тремя оказались наиболее значительными в биографии Писемского конца 50-х годов. Публикуемые письма еще раз подтверждают это. Тургенев, Анненков, Дружинин близки ему больше остальных, но далеко не одинаково. Тургенев был самым близким и, пожалуй,— из всех троих — самым далеким. Писемский благоговел перед Тургеневым; это был учитель, наставник, правственный авторитет. Анненков, Дружинин — приятели, часто — единомышленники, соратники в литературной борьбе, но не больше; с ними он работал, обсуждал литературные и житейские дела, но вряд ли

открывал перед ними душу. Тургеневу — исповедовался (все письмо от 27 ноября/9 декабря 1856 г. — такая исповедь), в письмах своих к нему был предельно искренен (недаром три письма — изложение «безрыловской истории» и отзыв об «Отдах и детях» — просил уничтожить). После шестилетнего знакомства Писемский обращался к Тургеневу (17/29 января 1861 г.): «...вы для меня весь мой свет, все мои выезды <?>, и правственно мы вряд ли не самые близкие с вами люди, потому что один перед другим не станем себя ни прикрашивать, ни подмазывать...». Думается, эти слова не преувеличение — именно таково действительное, хотя и несколько экзальтированное отношение Писемского к Тургеневу*.

И вместе с тем Писемский остро ощущал расстояние, разделявшее его и Тургенева прежде всего как художников. «Не знаю, как и благодарить вас за книжки², которые я прочитал все вдруг залном и, господи! какая везде прекрасная подкладка. Всеми этими теплыми и благоухающими рассказами я точно елеем полил на свои сердечные раны, и тут, как нарочно, принесли мне мои собственные "Очерки из крестьянского быта", изданные Печаткиным. Я перелистовал их и готов был плюнуть самому себе в лицо, так мне все показалось сухо и прозаично. Говорят, правды много! Да чёрт ли в этой правде, когда ее ешь, как немазаную кашу» (письмо от 27 ноября/9 декабря 1856 г.). Точно так же, прочитав тургеневского «Якова Пасынкова», Писемский развивает целую программу создания идеального, «романтического» характера, на что способен, по его мнению, только Тургенев и что не под силу ни Островскому, ни ему, Писемскому (письмо от 30 мая / 11 июня 1855 г.).

Письма Тургенева к Писемскому за первые годы их знакомства не сохранились, но, очевидно, он был в них довольно сдержан и, не всегда принимая свойственную Писемскому творческую манеру, «слишком объективную»³, избегал высказываться о его произведениях, хотя Писемский,как это видно из письма от 30 мая/11 июня 1855 г., вероятно, не раз просил совета и оценки: «... вы мне ничего не пишете о моих произведениях, тогда как для меня это более, чем для кого другого, необходимо. Я очень еще мало устоялся: у меня взболтано внутри, но и только покуда».

Однако мастерство Писемского росло, «объективизм» некоторых ранних произведений, причиной которого в значительной мере была «взболтанность» и «неустойчивость» таланта и взгляда, исчезал. Писемский создает «Очерки из крестьянского быта», «Старую барыню», «Тысячу душ», «Горькую судьбину», «Старческий грех», «Батьку». И Тургенев дает весьма высокую оценку творчества Писемского: «Вот Писемский—мастер. Как рисует этот человек! Его "Старая барыня" изумила меня твердостью и верностью очертаний, Писемский—профессор литературного рисунка»⁴. Очевидно, высокоположительным было и мнение Тургенева о повести Писемского «Старческий грех» (см. письмо Писемского к Тургеневу от 24 марта / 5 апреля 1861 г.).

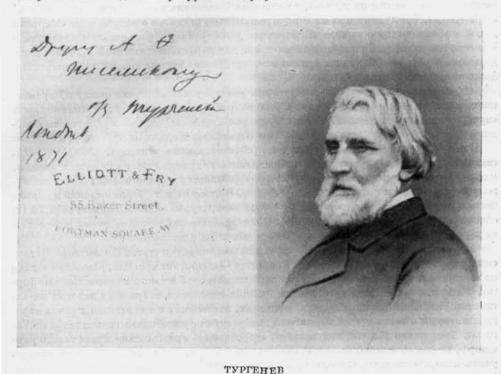
Тургенев заметил характерное для Писемского неумение «ломать себя» ⁵, в известной мере мешавшее ему идти в ногу со временем. В такой своей «распущенности» Писемский мучительно признавался Тургеневу в одном из публикуемых писем: «Тяжелей всего для меня подумать, что во всем почти виноват я сам (...) Дал мне бог и ум недюжинный, и я его от неряшества и лени не образовал; выпала, наконец, на долю искорка таланта, и я им сначала не дорожил, а потом стал торговать им и сделал из него ремесло...» и т. д. В этом письме от 27 ноября/9 декабря 1856 г. весь характер Писемского отралился, пользуясь словами Гоголя, «как ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». И недаром такое письмо написано именно Тургеневу.

Петербургские литераторы, в круг которых Писемский вошел в конце 1854 г., были так или иначе связаны с «Современником», но в большинстве своем всё более и более отчуждались от журнала, по мере того как тот становился трибуной революционно-демократических идей, когда его возглавили Чернышевский и Добролюбов. Перешедший в конце 1856 г. в руки «либерала-консерватора» Дружинина журнал «Библиотека для чтения» стал представителем направления, враждебного «Современнику». Таково было на-

^{*} История личных отношений Писемского и Тургенева изложена в предисловии Ива Мийе, и мы здесь на ней не останавливаемся.

мерение его главного редактора. Как «противовесие» «Современнику» обновленная «Библиотека для чтения» воспринималась и современниками 6,

В неприятии линии «Современника» Писемский оказадся солидарен с Дружининым. Писатель был среди тех, от кого зависело лицо «Библиотеки для чтения»; став вторым редактором (с 1857 г.), а затем редактором журнала, он взял на себя ответственность за определение его направления. Редактирование «Библиотеки для чтения» — один из центральных эпизодов литературной биографии Писемского.

Фотография Эллиот и Фрай, Лондон, 1870-1871 гг.

На обороте дарственная надпись: «Другу А. Ф. Писемскому от Тургенева. Лондон. 1871» Литературный музей, Москва

Обстоятельства, связанные с участием Писемского в «Библиотеке», не могли не отразиться в его письмах к Тургеневу. Публикуемые письма прежде всего позволяют проследить, так сказать, внешнюю историю редакторства Писемского. Он с энтузиазмом поддерживает Дружинина, который принимается «за свое дело превосходно, и, насколько достанет во мне сил, я готов для него работать», т.е. писать для журнала (27 ноября/ 9 декабря 1856 г.). Почти через год, в начале октября 1857 г., Писемский принимает преддожение Дружинина и о сотрудничестве в качестве редактора «Библиотеки для чтения». о чем он сообщает Тургеневу 11/23 ноября 1857 г. Впоследствии Дружинин все более перекладывает редакторскую работу на Писемского.«У меня без Дружинина пропасть дела по "Библиотеке"» (8/20 июля 1858 г.); «Дружинина еще нет, и когда приедет, неизвестно, а у меня уж, признаюсь, силы не хватает нести на своих плечах всю эту черновую по журналу работу...»(21 сентября/3 октября 1859 г.): «...Дружинин окончательно отступился от "Библиотеки для чтения", и таким образом я, волей-неволей, становлюсь ее главным и печатным редактором» (10/22 октября 1860 г.). Письма к Тургеневу 1858-1859 гг. свидетельствуют о значительных усилиях, которые предпринимал Писемский, чтобы привлечь к участию в журнале лучших писателей — Островского, Толстого и прежде всего — самого Тургенева («Без вашей помощи "Библиотека для чтения ", пожалуй, совсем меркнет»; «поработайте и поддержите нашу "Библиотеку"»; вся надежда на лучших писателей — «другой у нас силы, вы знаете, нет!» и т. д. и т. д.).

Два с половиной года вполне самостоятельного редакторства Писемского совпала с бурным временем в истории русского общества. В сложной политической обстановке периода революционной ситуации он оказался не на высоте. «Безрыловская история» вынудила его в конце концов отказаться от редактирования журнала. 19 февраля/3 марта 1863 г. он пишет Тургеневу: «...с "Библиотекой для чтения" покончил».

Публикуемые письма раскрывают и некоторые существенные стороны мировосприятия и деятельности Писемского как редактора «Библиотеки». Литературно-эстетическая и политическая программа, положенная Писемским в основание его журналистской работы, формулирована им в ряде документов (в статье о втором томе «Мертвых душ», в объявлениях о выходе «Библиотеки для чтения», в фельетонах Салатушки и Никиты Безрылова). Значительный материал для характеристики этой программы содержится в ранее опубликованных его письмах. Новые письма вносят ряд интересных дополнительных штрихов.

Одним из важных вопросов, по которым развернулась полемика между «Современником» и «Библиотекой для чтения», был вопрос о так называемых «гоголевском» и «пушкинском» направлениях. Позиция, занятая в этом споре вторым редактором «Библиотеки для чтения», косвенным образом отразилась в одном из публикуемых писем.

В статье о втором томе «Мертвых душ» («Отечественные записки», 1855, № 10) Писемский заявил, что «пушкинское направление» сохранило силу «до наших дней, и, когда уже все современное ему в литературе забывается и сглаживается, оно одно мужает и крепнет с каждым днем более и более». В ответ на это Чернышевский в первом же из «Очерков гоголевского периода русской литературы» («Современник», 1855, № 12) обосновал прямо противоположный тезис: «гоголевское направление до сих пор остается в нашей литературе единственным сильным и плодотворным» 7.

Чернышевский полемизировал и с другими положениями статьи Писемского. Писемский утверждал, что направление Гоголя было — «юмор, тот трезвый, разумный взгляд на жизнь, освещенный смехом и принявший полные этой жизнью художественные формы, — юмор, тон которого чувствуется в наших летописях, старинных деловых актах, который слышится в наших песнях, в сказках, поговорках и в перекидных речах народа и который в то же время в печатной литературе не имел права гражданства до Гоголя». Творчество Гоголя, так сказать, «даровавшее» гражданские права такого рода юмору, не имело «социально-сатирического значения», открытого, «в порыве личного увлечения», Белинским. Отсюда естественно вытекало, что гоголевское направление, если только его правильно понимать, а не так, как его понимают «псевдопоследователи» Белинского, также в сущности далеко от социальной сатиры. В этом смысле гоголевское направление «чуждо» пушкинскому, «однако столь же истинно, столь же прочно».

Чернышевский, разумеется, не мог согласиться с подобным толкованием гоголевского направления. В той же первой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» он писал: «...должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочного введения в русскую изящную литературу сатирического — или, как справедливее будет назвать его, критического направления» 8.

И наконец, Чернышевский возражал против утверждения Писемского, будто Гоголю по односторонности его таланта чужд лиризм, будто Гоголю не под силу «изображение идеалов»⁹. Наоборот, сила таланта Гоголя— «в необыкновенно тесном родстве с действительностью: когда действительность представляла идеальные лица, они превосходно выходили у Гоголя…»¹⁰.

Таким образом, еще до организации обновленной «Библиотеки» по кардинальным вопросам современной литературной жизни точка зрения Писемского противостояла точке зрения Чернышевского и в ряде пунктов была сходна с дружининской, подробно развитой, как известно, в программной статье «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения» («Библиотека для чтения», 1856, № 11 и 12).

Однако в статье Писемского о втором томе «Мертвых душ» был ряд положений, не учтенных ни Чернышевским, ни Дружининым. Они выясняются при сопоставлении с некоторыми мыслями в уже указанных письмах Писемского к Тургеневу.

Писемскому было чуждо дружининское доктринерство. Как художник он гораздо более чутко и не схоластически воспринимал живые литературные явления. Его мысль

о «пушкинском направлении» отличается большой глубиной и не зависит от полемических задач редактора «Библиотеки для чтения». «"Чудная славянская дева", — сказано в статье о втором томе поэмы Гоголя, - которая была обещана автором в первой части "Мертвых душ" и изображение которой "вне средств Гоголя", "она уже есть у нас в лице Татьяны Пушкина"». Эти слова следует сопоставить со строками из письма от 30 мая/11 июня 1855 г.: «Вступиться за романтизм в наше время—дело нужное и честное, и вы один из современных писателей могли бы, кажется, сделать это по свойствам вашего таланта и по условиям вашего развития, словом, по всему вашему внутреннему нрав-ме, которым освещена Татьяна, но никак не о том, который проповедуют некоторые ваши знакомые, выдавая утонченную чувственность и за поэзию, и за романтизм, и за науку...». «Творчество идеалов» (а именно так понимает Писемский «романтизм»)— вот главная отличительная особенность «пушкинского направления», по мысли Писемского. направления, не уступившего дорогу гоголевскому, но равноправного с ним. Писемскому явно не по душе попытка теоретиков «чистого искусства» выдать за пушкинское направление «утонченную чувственность» и вместе с тем зачеркнуть гоголевское направление.

В литературной полемике вокруг «пушкинского» и «гоголевского» направлений было использовано и творчество самого Писемского. Дружинии пытался оторвать это творчество от гоголевских традиций критического изображения действительности («Библиотека для чтения», 1857, № 1). Чернышевский в рецензии на «Очерки крестьянского быта» возразил, что «никто из русских беллетристов не изображал простонародного быта красками более темными, нежели г. Писемский» и т. д. Чернышевский прямо назвал его продолжателем Гоголя¹¹. Вероятно, таковым считал себя и Писемский. Во всяком случае, к «творчеству идеалов», как видим, он признавал себя неспособным.

Автохарактеристики Писемского безусловно ближе к пониманию его творчества Чернышевским, чем к утверждениям Дружинина, будто Писемский «смело стал в разлад с критикой гоголевского периода русской литературы». Правда, ряд положений критики Белинского, например, о социальном значении гоголевского творчества, Писемский безусловно ревизовал, хотя в целом авторитет великого критика был для него чрезвычайно высок. «Я все это время перечитываю Белинского,— писал он 13/25 августа 1859 г.— Что это за прелесть такая! Кроме уж удивительного чутья, величайшей добросовестности и рыцарской смелости, нашим современным критикам недостает по преимуществу той почти пламенной любви к русской литературе: он не пропускал ни одного явления, в котором хоть намек был на живую истину. Это решительно был великий человек!»

Позиции Дружинина и Писемского в литературных вопросах, таким образом, различались. В сущности, уже при начале издания обновленной «Библиотеки» они не одинаково понимали ее задачи¹². Однако сам Писемский против концепций Дружинина не высказывался. Единственным, но зато очень важным случаем его прямо выраженного несогласия с Дружининым «от первого до последнего слова», о котором мы узнаем из публикуемых писем, был протест против его статьи в «Библиотеке для чтения» о рассказах Марка Вовчка (письмо от 6/18 ноября 1859 г.). Нарисованные в этих рассказах картины помещичьего произвола Дружинин назвал «мерзостно-отвратительными картинками», которые не должны иметь места в искусстве. Вероятно, Писемский, превосходно знавший крепостную деревню (достаточно вспомнить «Лешего» или «Старую барыню»), протестовал именно против этой либерально-доктринерской идеи. Он не склонен был видеть деревню в розовом свете, хотя, вероятно, и не понимал до конца общественно-морального смысла, по определению Герцена, «безобразной выходки» Дружинина. Блестящий памфлет Герцена «"Библиотека" — дочь Сенковского» до конца обнажает этот смысл¹³.

При всей «объективности», которую Дружинин принимал за «чистое творчество», производящее «отрадное впечатление», Писемский был художником «гоголевского», критического направления. Как в художественных произведениях, так и в пря мых политических декларациях (даже в фельетонах Никиты Безрылова) Писемский заходит очень далеко в своем неприятии русской действительности как «старой», доре-

форменной, так и «новой», пореформенной. В сущности, нет ни одного общественного явления или типа, который не подвергся бы, в той или иной форме, критике, а нередко и сатирическому развенчанию в творчестве Писемского¹⁴.

Вместе с тем он отвергает всякую попытку найти «рациональную теорию о том, каким бы образом должна была устроиться жизнь людей...» (Чернышевский). Не говоря уже об «Очерках из крестьянского быта», к которым непосредственно относятся эти слова Чернышевского, особенно показателен в этом отношении роман «Тысяча душ».

Если в начале работы Писемский довольно часто упоминал о романе, о характере главного героя, то чем дальше продвигалась она, тем реже и тем менее определенны его суждения. Поэтому существенно, что в публикуемых письмах мы находим три значительных высказывания писателя о своем романе. 18/30 июля 1855 г. он писал: «...кончил уж вторую часть. <Вторая часть завершается отъездом Калиновича в Петербург $-K.\,T.>$ Читал одному только Анненкову, не знаю, искренно ли, а говорит, что хороше. Я же, со своей стороны, могу сказать только то, что по мысли все идет шире и шире». Очевидно, уже в это время замысел, вначале сформулированный как изображение «литератора не по призванию, а из самолюбия»¹⁵,— серьезно осложнился; быстро менявшаяся жизнь выдвигала новые темы, новые характеры, чутко уловленные писателем. Через два с лишним года он подводит итог сделанному:«...я одолел, наконец, мой роман "Тысячу душ", которого вышло четыре части, но отвечает ли качество количеству — это еще богу ведомо! А сам я чувствую только одно, что бледно и далеко не вполне высказал то, что хотел высказать! И вряд ли не пал перед громадою задачи, которую, чего доброго, ни критика, ни публика не отгадают» (письмо от 11/23 ноября 1857 г.). Эта задача никогда в прямой форме не была Писемским сформулирована и разъяснена.

8/20 марта 1858 г. Писемский сообщал Тургеневу: «О четвертой части моей "Тысячи душ" расскажет вам Анненков. Она вряд ли пройдет в таком виде, как написана». Вероятно, Анненков был близок к писателю в период работы над романом (см. письмо от 17/29 января 1861 г., в котором среди друзей Писемский выделяет Тургенева и Анненкова, потому, что только с ними не надо «ни прикрашивать, ни подмазывать»). Анненков первым слушал и оценивал роман, очевидно, обсуждая с автором и «громаду задачи».

В свете этих новых данных особый вес приобретает отзыв Анненкова о «Тысяче душ», хотя, разумеется, было бы неправильным рассматривать известную его статью «О деловом романе в нашей литературе» просто как изложение мыслей Писемского.

В названной статье Анненков толкует образ Калиновича как талантливый «портрет» «ложного исправителя нравов и гражданских злоупотреблений наших, поддельного государственного человека». «Калинович есть произведение той самой почвы, — пишет Анненков, — от которой он хочет отделиться, которую он хочет исправить, которую попирает с презрением и из которой, при действительной обработке ее, он, вероятно, будет первый вырван и отброшен как сорная трава». «Общественная важность новых чиновничьих идей, приносимых им с собой, оценка их и изображение неспособности их возвысить характер, лишенный от природы нравственного достоинства, а затем описание способов, какими непризванные реформаторы стараются доставить торжество своим воззрениям, скрывая за ними бедность и моральное ничтожество своей натуры, — вот где истинный смысл романа и его исходная точка...» 16.

Как ни толковать, впрочем, программу Калиновича, видеть ли в герое «Тысячи душ» «апофеозу»¹⁷ или «ложного исправителя нравов», либерального реформатора или «социалиста»¹⁸, ясно одно — для Писемского программа Калиновича и особенно способы ее претворения в жизнь — еще одна «рациональная», т. е., по его мнению, абстрактная, беспочвенная теория, обреченная на неудачу.

Слишком глубоки причины «спокойно существующих пакостей» («Тысяча душ»), чтобы предлагаемые рецепты могли их уничтожить — такова в общем пессимистическая концепция Писемского. Мы встречаем ее в следующей формулировке в «Ответе Никиты Безрылова своим врагам — фельетонисту "Северной пчелы" и хроникеру "Искры"»: «... громадная разница между нами в том и состоит, что для вас достаточно фраз, которыми вы могли бы наполнять ваши словоизлияния, а для Никиты Безрылова, худ ли, хорош ли он, надобно дело. Я радикал, а вы шарлатаны-докторишки: замазавши больному то в том, то в другом месте общее расстройство организма, вы уверяете

его, из личных ваших выгод, что он уже здоров; и понимаете ли вы, как человек с нефельетонной душой, не с развращенной дотла, в котором осталась еще кровь и сердце, для которого только одна правда имеет высокую цену, как он должен беситься, мучиться, терзаться, когда вот уж около десяти почти лет он только и слышит около себя слова, слова, слова и ни на вершок дела»¹⁹.

Писемский весьма скептически относился к либеральным проектам общественных реформ и, как писал сам в объявлении об издании журнала «Библиотека для чтения» в 1861 г., не приходил «в восторг от характера того совершающегося на наших глазах движения, в которое вовлечены все действующие силы нашей страны»²⁰.

тургенев и писемский в спектакле «ревизор», поставленном обществом для пособия нуждающимся дитераторам

14 апреля 1860 г., Петербург

Городничий (А. Ф. Писемский) и купцы (слева направо: Ф. А. Кони— купец Абдулин, А. Н. Майков, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, А. В. Дружинин, А. А. Краевский, В. С. Курочкин, В. Г. Бенедиктов <?>)

«Искра» от 6 мая 1860 г., № 17

«...очень трудно выразить словамитот энтузиазм, который охватил всех присутствовавших, как одного человека, когда появились знаменитые купцы!... Да и было от чего волноваться и увлекаться зрителям! Уже один вид Тургенева, с pince-nez на носу и головою сахара в руках чего стоил!» (П. В е й н-бер и половою сахара в руках чего стоил!» (П. В е й н-бер и половою сахара в руках чего стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (П. В е и половою сахара в руках чето стоил!» (

Анненков вспоминал: «Писемский был совершенно свободен от розовых надежд, которые возлагались на освобождение крестьянского населения, не доверял обещаниям множества благ, имеющих произойти от одного "свободного труда"...»²¹. Кроме этих слов Анненкова, в сущности не было других прямых свидетельств об отношении Писемского к крестьянской реформе 1861 г. Теперь мы располагаем высказываниями писателя, сделанными, так сказать, по горячим следам событий. «Не знаю, как в деревне, но здесь народ принял объявление о свободе самым равнодушнейшим образом, — сообщает Писемский 24 марта/5 апреля 1861 г.; — я это знал наперед, тех нравственных привилегий, которые он тут получил, он еще не понимает и неоценивает, а что в материальном отношении его положение весьма мало улучшилось, а в других местах еще ухудшилось — он это очень хорошо видит». «Что, как ваши вотчины—не дурят ли?..— спрашивает он 24 мая/5 пюня 1861 г. — Слухи отовсюду весьма неблагоприятные. Я еду в деревню и, вероятно, буду свидетелем таких сцен, в которых в самом милом виде выйдут обе стороны».

Непосредственное осуществление реформы, свидетелем которого он стал летом 1861 г. в деревне, вызывает у него горькие слова о крестьянском вопросе, «по милости которого из русского человека так и лезут разного рода таящиеся в нем мерзости, как-то: тупость, мелкое своекорыстие, подлое вольничание с одной стороны, когда узду несколько поотпустили, а с другой — злящаяся, но уже беззубая власть — словом, каждый день самые отвратительные и возмутительные сцены» (письмо от 3/15 июля 1861 г.). Недаром именно в 1861 г. Писемский создает один из самых беспощадных рассказов крестьянского цикла — «Батька», недаром вскоре самыми темными красками нарисует деревню во «Взбаламученном море».

Один из самых значительных критических реалистов, сила и глубина реализма которого была обусловлена также и отсутствием либеральных иллюзий, трезвым взглядом на социальную действительность, Писемский как политический мыслитель оказался в эпоху 60-х годов в сущности без компаса.

Еще в 1856 г. Писемский заявил: «...служение какой-нибудь идейке для меня всегда было невозможно, потому что противоречило всем моим эстетическим убеждениям...» (п. № 6). Это была чистая иллюзия: в начале 60-х годов он послужил «идейке» — идейке реакционной. Трагедия писателя состояла в том, что, глубоко понимая всю бесчеловечность существующих порядков, их безнравственность (на это он обращает свое внимание в первую очередь), он не смог найти той значительной идеи, которая позволила бы смотреть вперед, указала бы выход, которая стала бы и лично для него нравственной опорой, помогла бы разобраться в окружающем.

В статье «Искры», направленной против первого фельетона Никиты Безрылова, было сказано: «Писемский! Кто не помнит, сколько когда-то надежд сосредоточивала русская публика на этом имени? С каким сочувствием приветствовала она каждое новое его произведение? С каким доверчивым упорством многие доселе надеются услышать от г. Писемского новое слово, в полном убеждении, что г. Писемский всею душою предан интересам современного движения русского общества, что его сердце наболело и изныло при виде тех бесчисленных препятствий, какие новые идеи встречают при своем появлении в русском обществе...» ²².

Русская публика недаром ждала в 50-х годах новых произведений Писемского: его сердце действительно «наболело и изныло» при виде бесчисленных уродств русской жизни, но сказать «новое слово» в том смысле, в каком понимала его «Искра», Писемский был неспособен. То же «новое слово», которое говорила демократическая часть русского общества, он не понял и не принял. В начале 60-х годов он оказался в одном лагере с Катковым. В письме от 4/16 июня 1863 г. Писемский пишет, что Катков «действует героем и, одно можно сказать, воодушевляет страну в теперешнее тяжелое для нее время. Мы все хотим ⟨?⟩ в этом случае помогать ему в его святом деле». И хотя позднее Писемский расходится с Катковым (о недовольстве деятельностью и поведением издателя «Московских ведомостей» он писал Тургеневу в мае 1866 г. ²³), от своего враждебного отношения к революционному движению он не отказывается и в последующие годы. Так, в ноябре — декабре 1869 г. он высказывает пожелание о переводе на немецкий язык «Взбаламученного моря», «затем, чтобы в Европе явилась в истинном свете наша революционная партия, хуже и мерзей которой, я думаю, мир ничего не представлял» (п. № 36).

Глумление над революционными идеями и революционным движением, грубое охаивание его деятелей (в особенности Чернышевского) составляет нередкую тему писем Писемского 60-х годов. На этой почве выросла знаменитая «безрыловская история», высказывания о которой в письмах самого Писемского до сих пор не были известны (если не считать небольшого письма к А. Н. Островскому от 7 февраля 1862 г. по поводу готовившегося протеста против выступления «Искры»²4). Теперь мы располагаем письмом Писемского к Тургеневу от февраля 1862 г. с подробным рассказом о происшедшем (п. № 27). Ряд резких выпадов против «революционной партии» связан с работой над «антинигилистическим» романом «Взбаламученное море».

Писатель, казалось бы, примкнувший в середине 50-х годов к передовой общественности, высоко ценимый ею за демократическую направленность творчества, в 1861 г. открыто заявил себя противником демократического движения, а несколько позднее

выступил с реакционным романом «Взбаламученное море». Этот, на первый взгляд. «зигзаг» был в действительности вызван не каким-либо коренным изменением, «передомом» во взглядах Писемского. «Антинигилистическая» тенденция дишь проявилась в новых условиях, но не была чем-либо абсолютно новым для мировоззрения Писемского. Эта тенденция была заложена уже хотя бы в суждениях Писемского о творчестве Гоголя, в непонимании и неприятии его социально-сатирической направленности. С другой стороны, именно в 1860 и 1861 гг., незадолго до фельетонов Никиты Безрылова, были написаны два рассказа, во многом самые характерные для Писемского — последовательного критического реалиста,— «Старческий грех» и «Батька». И позднее, в свойственной ему несколько примитивной, но безусловно реалистической манере, Писемский рисует явления, вызванные натиском, в послереформенное время, капитализма — продажность высшего бюрократического аппарата, темные операции финансовых дельцов, организацию мошеннических акционерных обществ, погоню за наживой, утрату всяких моральных норм и гибель честных людей в этой свистопляске «просвещенного времени». Недаром Щедрин в 1875 г. хотел привлечь Писемского к участию в «Отечественных записках» 25.

Для разработки идейной биографии Писемского публикуемые письма будут иметь. таким образом, немаловажное значение. Они поподняют и уточняют, кроме того, так сказать, фактическую его биографию, летопись его жизни и творчества (в опубликованных ранее письмах нигде не говорилось, например, о поездке Писемского летом 1861 г. в деревню).

Пополняется также летопись жизни Тургенева. Мы узнаем о существовании ряда неизвестных писем Тургенева и иногда об их содержании. Имевшиеся сведения (главным образом в письмах Тургенева) о неизвестных письмах Писемского к нему теперь подтверждаются самими этими письмами (все эти случаи отмечены в комментариях).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, исследование Б. П. Козьмина «Писемский и Герцен. К истории их

- См., например, исследование В. П. Козмина «Писемский и герцен. К истории их взаимоотношений».— «Звенья», VIII. М., 1950, стр. 103—151.

2 Повести и рассказы И. С. Тургенева в трех частях. СПб., 1856.

3 Сказано Тургеневым по поводу повести Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» (письмо к Е. М. Феоктистову от 2/14 апреля 1851 г.). Позднее Тургеневу не понравилась повесть Писемского «М-г Батманов» (письмо к Некрасову от 28 октября/9 ноября 1852 г.).

Ч Письмо к П. В. Анненкову от 9/21 марта 1857 г.
 Письмо к А. А. Фету от 7/19 ноября 1857 г.

- 6 См. письмо Тургенева к Дружинину от 30 октября/11 ноября 1856 г.

⁷ Черны шевский, т. III, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 18.

⁹ В рецензии на «Очерки крестьянского быта» Чернышевский вновь подтвердил свое несогласие с Писемским по этому вопросу (там же, т. IV, стр. 570).

10 Там же, т. III, стр. 10.

11 Там же, т. IV, стр. 569.

12 См. Писемский, стр. 110.

13 Герцен АН, т. XIV, стр. 266—271.

14 Чехов писал: «У него «Писемского» все попы, чиновники и генералы — сплошные мерзавцы. Никто не оплевал так старый суд и солдатчину, как он» (А. П. Ч е х о в.

Полн. собр. соч. и писем, т. XVI. М., 1949, стр. 60—61).

15 Писемский, стр. 62.

16 «Атеней», 1859, № 1, стр. 247—248.

17 Ап. Григорьев. И. С. Тургенев и его деятельность.— «Русское слово», 1859, № 5, отд. II, стр. 41.

18 А. Могилянский. Об издании романа «Тысяча душ».— «Новый мир»,

1950, № 4, стр. 275.

19 «Библиотека для чтения», 1862, № 1.

²⁰ «С.-Петербургские ведомости», 1860, № 248, 13 ноября.

²¹ Анненков, 1960, стр. 508. ²² «Искра», 1862, № 5, 2 февраля.

²³ См. [^]Писемский, [^]стр. 204—205.

²⁴ Там же, стр. 149.

²⁵ Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. XVIII. М., 1936, стр. 291.

1

«Петербург. 29 апреля/11 мая 1855 г.»

Почтеннейший Иван Сергеевич!

Начинаю письмо мое полубольной и полувыздоравливающий. Желудок мой до того расклеился, что я даже испугался. Писать я к вам давно собирался, да что прикажете делать с этой петербургской суетней, которая способна сбить всякого с толку. Первое слово о «Постоялом дворе», который я прочитал и за мысль которого автора надобно расцеловать 1. Но за выполнение другое дело: характеры задуманы в основании все верно, но в развитии их нет, если можно так выразиться, психологической последовательности. Например, главное лицо: это трудолюбивый мужик, до сорокапятилетнего возраста трудившийся, хлопотавший, даже, вероятно, илутовавший, наконец-то разошедся, и тут начинает иравственно куражиться, и действительно самым резким проявлением его куража вами избрана очень ловко его мысль жениться мужику на горничной девке. И это сейчас наводит на прекрасную, широкую сцену—объяснение куражливого мужика с барыней, аханье дворни, испуг, раздумыванье о согласии горничной. Обо всем этом у вас только намекнуто. Сцена любви слишком случайна и коротка, и зачем вы избрали в соблазнители временно накутившего купца? Всего удобнее для этого поверенные, которые беспрестанно ездят для поверки в кабак и пристают обыкновенно на постоялых дворах и обыкновенно составляют предмет соблазна для молодых баб. Впрочем, все это выкупили этим местом, где она сбирается идти к нему, потихоньку от мужа — прекрасно! Сцена, когда узнается его плутливая проделка, драматична, но не знаю, верна ли действительности. Я бы сделал так, что старик кинулся после барыни к становому, тот приехал и прибрал к рука(м) плута ловко, но барыня, узнав об этом, из корысти приняла его сторону, и они вместе подкупили станового и затем сцена поджиганья и все последующее.

Я так откровенно пишу к вам, почтеннейший Иван Сергеич, чтобы вызвать вас на таковую же откровенность. И, пожалуйста, напишите мне все, что вы имеете мне сказать по поводу моих печатанных и непечатанных произведений ². Служебные мои делишки идут плохо: Веневитинов надо мной решительно ломается. Я пришел к нему недели три тому назад напомнить об себе и попросить содержания, а он мне предложил ходить в департамент, ни слова не сказав об содержании. Я походил несколько дней и отстал. А теперь заболел, и что далыше будет, не знаю, и все это меня ужасно беспокоит ³. Читательство мое идет хорошо до несносности ⁴. Читал, между прочим, «Артель» у Норова. Он ее обещал пропустить без помарок. Читал у Блудовых ⁵. Смирнов сделан, это, верно, без вас, здешним губернатором гражданским. Он ко мне очень любезен; буду просить его, не даст ли он мне какого-нибудь местишка в губернском ведомстве ⁶. А то без службы мне жить в Петербурге невозможно.

Прощайте, почтеннейший Иван Сергеич, будьте здоровы, напишите хоть коротенькое письмецо.

Душевно вам преданный Алексей Писемский

P.S. Не забыли ли вы адрес мой: на Итальянской улице, в доме Износкова?

1855 Апрель 29

Письмо адресовано Тургеневу в Спасское.

¹ Повесть Тургенева «Постоялый двор» была написана еще в 1852 г., но по цензурным причинам опубликована только через три года («Современник», 1855, № 11).

ТУРГЕНЕВ Рисунок (тушь) А. Сухова, 1860 г. Исторический музей, Москва

Писемский читал ее в рукописи. Не только на протяжении всего 1853 г., но и позднее, зимой 1854/55 г., Тургенев посылал списки повести для чтения своим друзьям и зна-комым (см. письма Тургенева к Анненкову от 15/27 октября 1854 г. и к О. А. Тургеневой от 6/18 января 1855 г.). Писемскому Тургенев мог передать один из списков в Петербурге до своего отъезда (6 апреля) в Спасское. О том, что они встречались в Петербурге накануне отъезда Тургенева, свидетельствует письмо Писемского к Островскому от 30 марта 1855 г.: «Милейший Тургенев едет скоро в Москву и, вероятно, увидится с тобой и расскажет тебе, как я подвизаюсь в чтении у разных сильных мира сего...» (Писемский, стр. 80).

² Тургенев в это время относился к произведениям Писемского в общем положительно. Боткин писал Тургеневу 5 августа 1855 г.: «Я до сих пор не могу растолко-

вать себе твоего удивительного восторга от Писемского» (Б и Т, стр. 69).

³ 10 февраля 1855 г. Писемский был причислен без оклада к Департаменту уделов. Алексей Владимирович Веневитинов (1806—1872) — брат поэта, друг В. Ф. Одоевского и ряда других писателей 1830—1840-х годов, сенатор и товарищ министра уде-

лов, крупный чиновник.

4 Писемский был непревзойденным исполнителем своих произведений. Об артистическом таланте Писемского и его любви к театру вспоминают многие современники писателя. Критик Б. Н. Алмазов в речи на вечере, посвященном 25-летию творческой деятельности Писемского, рассказывал о том, с каким живым интересом москвичи слушали и смотрели сценические выступления Писемского-студента, с большим успехом исполнявшего роль Подколесина в «Женитьбе» Гоголя. Йоселившись в Петербурге, Писемский, уже известный писатель, часто выступал на общественных вечерах с чтением своих рассказов. «Очень часто, — пишет И. Ф. Горбунов, — по вечерам, а иногда и днем мы отправлялись с ним куда-нибудь на чтение. Мы сделались известными чтецами и вошли в моду; нас приглашали в самое высшее общество» («Новое время», 1881, № 1778, 8 февраля).

⁵ Очерк «Плотничья артель» (напечатанный затем в «Отечественных записках», 1855, № 9) Писемский читал у министра народного просвещения А. С. Норова и у пре-

зидента Академии наук Д. Н. Блудова.

⁶ Свое намерение Писемский не привел в исполнение. Николай Михайлович *Смирнов* (1807—1870) — петербургский губернатор (с 7 апреля 1855 по 1 января 1861 г.) муж А. О. Смирновой-Россет.

(Петербург. 30 мая/11 июня 1855 г.)

Почтеннейший Иван Сергеич!

Большое вам спасибо за ваше письмецо ¹. Оно так мне напомнило вашу умную и благодушную беседу, которой, к сожалению, я давно уж не пользовался. Я давно уж сбирался и желал отвечать вам, но последнее время по утрам занят был спешной работой: переделывал или, лучше сказать, смягчал «Ипохондрика», которого открывается некоторая возможность поставить на сцену, чего я и желаю и боюсь 2. Боюсь актеров, а не меньше того боюсь и самой пиэсы: длинно и дурно связано! — После обеда я езжу по петербургским окрестностям и, признаюсь, поражен не столько красотой, сколько денностью. Это миллионы рассыпаны, если сосчитать всё, так, вероятно, каждый листок на дереве — это рублевая бумажка.

Службишка моя идет скверно. Веневитинов принял было сначала некоторое участие и прислал мне поручение, но министр отменил, сказав, что у меня чин мал, и, вероятно, так пойдет и далее, не будут давать ни поручений, ни содержаний. Я уж и рукой махнул: ходить еще, просить и

кланяться — даже уж стыдно ³.

Повесть вашего знакомого Елаисея Колбасина в «Современнике» я прочел: молодо и зелено 4. Я теперь желал бы посоветовать всем молодым начинающим писателям писать только то, что они сами прожили, если бы даже это вышло несколько бестактно, но оно непременно будет искренно и правда. Тогда как сразу вставать в позу наблюдателя и еще наблюдателя юмориста, для этого надобно долго и поглубже выкупаться в житейском омуте и иметь несомненные силы таланта, а то вместо ударов действительности будет колотить по каким-то фантомам собственного воображения и, как Дон-Кихот, сражаться с мельницами.

Повести в «Отечественных записках» я не читал. У меня этот № взял один господин и до сих пор не возвращает 5.

Теперь о вашем «Пасынкове» 6. Как вам не грех так небрежно распорядиться с таким богатым сюжетом. Не говорите о недостатке будто бы в вашем таланте красок. Они у вас есть, хоть, может быть, несколько чересчур уж нежные и тонкие, но для этого сюжета именно такие и нужны были. Вступиться за романтизм в наше время—дело нужное и честное, и вы один из современных писателей могли бы, кажется, сдедать это по свойствам вашего таланта и по условиям вашего развития, словом, по му вашему внутреннему нравственному складу. Островский, выводя Бородкиных, Машей, ничего не сделает 7. Я отхлещу практичность и положительность, слова не сумею сказать за романтизм. Я, конечно, говорю об романтизме глубоком, чистом, об романтизме, которым освещена Татьяна в, но никак не о том, который проповедуют некоторые ваши знакомые, выдавая утонченную чувственность и за поэзию, и за романтизм 9, и за науку, пожалуй, напоминая собой в минуты своих восторгов кота, у которого чешут за ухом. Вы задумали чисто, но написали один только сюжет или, лучше сказать, дали тему и тут, между прочим, сделали возмутительную ошибку — это рана стрелой. Как будто бы в наше время романтик не может иначе умереть, как от раны, да еще и стрелою.

Вот видите, почтеннейший Иван Сергеевич, какие я вам строгие и откровенные письма пишу, а вы мне ничего не пишете о моих произведениях, тогда как для меня это более, чем для кого другого, необходимо. Я очень еще мало устоялся: у меня взболтано внутри, но и только покуда.

До свидания. Дай бог вам здоровья и всего, всего хорошего. Напишите мне письмедо, которого буду ждать с нетерпением. Жена вам кланяется, а Полька сам хотел вам писать, да еще спит 10.

Искренно вам преданный А. Писемский

30 мая 1855 года

Р. S. Вы, я думаю, знаете из газет, что неприятельский флот близ Кронштадта и ждут бомбардирования, только вряд ли рыскнут ¹¹.

1 Это письмо Тургенева до нас не дошло. Первое известное письмо Тургенева

к Писемскому датировано 31 мая/12 июня 1867 г.

к Писемскому датировано 31 мая/12 июня 1867 г.

² Комедия «Ипохондрик» была первым драматургическим опытом Писемского. Опубликованная еще в 1852 г. в «Москвитянине» (№ 1, стр. 3—120), пьеса долгое время находилась под запретом для сцены. Добиваясь цензурного разрешения на представление «Ипохондрика», Писемский неоднократно переделывал комедию. Историю ее сценических переработок см. в комментариях П. Н. Беркова и М. К. Клемана в изд.: А. Ф. П и с е м с к и й. Избранные произведения (М.—Л., ГИХЛ, 1932, стр. 622—623), а также в примечаниях М. П. Еремина в кн.: А. Ф. П и с е м с к и й. Пьесы (М., «Искусство», 1958, стр. 435—437). В лисьме Писемского речь идет о первой постановке «Ипохондрика» на сцене. Премьера состоялась в Петербурге в Михайловском театре 21 сентябля 1855 г. Пьеса имела успех но игра артистов вызвата у Писемского театре 21 сентября 1855 г. Пьеса имела успех, но игра артистов вызвала у Писемского театре 21 сентноря 1635 г. пьеса имела успех, но игра артистов вызвала у письмского ряд критических замечаний; не удовлетворяла его вполне и сама комедия (см. письмо Писемского к М. П. Погодину от 26 октября 1855 г.— Писемский, стр. 87).

3 См. прим. 3 к письму 1.

Министр уделов — Лев Алексеевич Перовский (1792—1856).

4 Писемский имеет в виду повесть Е. Я. Колбасина «В деревне и в Петербурге»

(«Современник», 1855, № 5).

Весной 1855 г. Колбасин гостил у Тургенева в Спасском. Покровительствуя начинающему писателю, Тургенев из Спасского запрашивал мнения своих друзей о его повести. Так, 2/14 июня 1855 г. Тургенев писал Анненкову: «Колбасин благодарит вас за ваш отзыв об его повести — он совершенно справедлив. Теперь ему остается трудиться и работать — а начало не худо. Есть талант — надобно его разработать». Отзыв Анненкова неизвестен, он содержался в письме к Тургеневу, которое сохранилось лишь частично (ИРЛИ, ф. 7, № 7, л. 54—54 об.).

Бозможно, что Тургенев обратил внимание Писемского на повесть М. В. Авдеева «Порядочный человек» (напечатанную в «Отечественных записках», 1855, № 3). Тургенев критически отзывался о произведениях Авдеева, но ценил «легкий и быстрый» язык его повестей (см. письмо Тургенева к Анненкову от 25, 27, 28 ноября/7, 9, 10 декабря 1853 г.). Повесть Авдеева могла привлечь внимание Тургенева, так как тематически она в некоторой степени была близка к роману «Рудин», над которым Тургенев работал в это время.

6 Повесть Тургенева «Яков Пасынков» появилась в «Отечественных записках»,

1855, № 4.

7 Бородкин — персонаж пьесы Островского «Не в свои сани не садись» (1853); Маша — героиня его же пьесы «Бедная невеста» (1852).

8 Пушкинскую Татьяну Писемский назвал «прекрасной славянкой» в статье о

9 Писемский, очевидно, имеет в виду В. П. Боткина. Поклонник Гоголя, Писемский неприязненно относился к теоретикам «чистого искусства», особенно к Боткину. Эта неприязнь была взаимной. Ср. с этим высказыванием Писемского следующее место из письма Боткина к Тургеневу от 10 ноября 1856 г.: «...русские читатели любят тебя не за объективность твою, но за тот романтизм чувств, за те высшие и благороднейшие стремления, которые поэтически проступают в твоих произведениях, словом, за мдеальную сторону. А Писемский, несмотря на все мастерство его рисунка и колорита,

как мало имеет значения!» (БиТ, стр. 103). Выпад Писемского в письме к Тургеневу мог быть направлен и против А. В. Дружинина. В статье «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» Дружинин утверждал, что «нельзя всей словесности жить на одних "Мертвых душах". Нам нужна поэзия. Поэзии мало в последователях Гоголя, поэзии нет в излишне реальном направлении многих новейших деятелей...» («Библиотека для чтения», 1855, № 4, стр. 79). Под «многими новейшими деятелями» здесь, несомненно, подразумевается и Пи-

семский.

10 Екатерина Павловна *Писемская* (рожд. Свиньина; 1829—1891), дочь П. П. Свиньина, беллетриста 1820—1830-х годов, издателя «Отечественных записок» (1820—1830). *Полька* — старший сын Писемского, Павел. См. о нем прим. 4 к письму 42.

11 С 16/28 мая по 1/13 августа 1855 г. перед Кронштадтом крейсировала англофранцузская эскадра. Интересуясь военными событиями, Тургенев писал А. А. Краевскому 17/29 июня 1855 г. из Спасского: «Что делают англо-французы перед Кронштадтом? Авось их отобьют так же, как отбили их от Севастополя 6-го июня? Нас это известие здесь сильно порадовало, и мы кричали ура!» См. также в настоящ. книге, стр. 111.

3

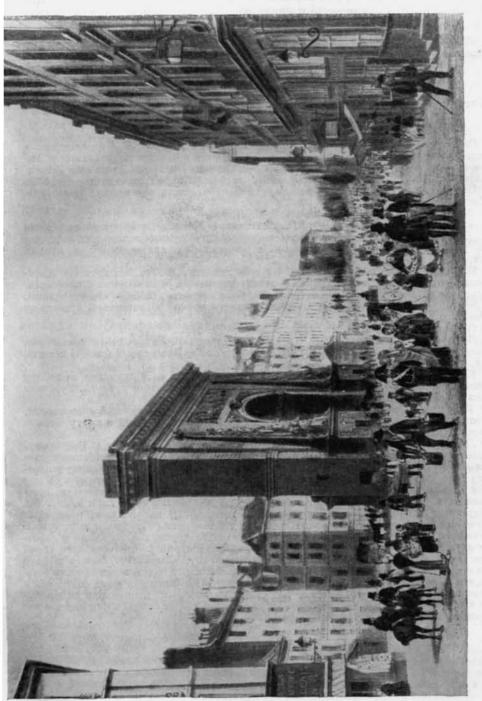
⟨Петербург. 18/30 июля 1855 г.⟩

Давно я сбирался, мой почтеннейший Иван Сергеич, писать к вам, да такая жара и духота, что едва достает силы написать лист и два моего длиннейшего романа, которого, впрочем, кончил уж вторую часть 1. Читал одному только Анненкову 2, не знаю, искренно ли, а говорит, что хорошо. Я же, с своей стороны, могу сказать только то, что по мысли все идет шире и шире. «Артель» Фрейганг 3 перемарал. Я вступаю с ним в борьбу, теперь покуда подал в Цензурный комитет, и дело, вероятно, дойдет до Главного управления. Министр 4 обещал полное свое покровительство. На днях я читал «Артель» великому князю Константину Николаевичу ⁵, а после меня Горбунов ⁶ рассказывал несколько своих рассказов. Нас возил к нему на корабль «Рурик» князь Оболенский ⁷.

Вчера мне Краевский в сказывал, что вы, убоявшись холеры, не предаетесь охоте, а пописываете 9 — спасибо за это холере. В Петербурге она пощелкивает порядочно. На днях слепца Введенского ¹⁰ в несколько

часов свернуло!

С Гончаровым, между нами, мы как будто бы сначала не сошлись, а теперь как будто бы и поразошлись. Ваше предсказание сбылось, что вряд ли мы можем нравиться друг другу. Мы люди простые, едим пряники неписаные; а там всё на каких-то департаментских тонкостях; беспрерывным проявлением своего мелкого самолюбия он надоел даже своим друзьям-почитателям 11.

Ha amb6oma; «Promenade dans Paris et ses environs par J. Jacottet et Ph. Benoist». Paris, s. a. на удицах парижа, угол бульваров сен-дени и сен-мартен Цветная литография Ф. Бенуа, 1840-е годы

Служба моя идет из рук вон плохо: я, занятый романом, ее забыл, а там меня забыли. Развлечение и наслаждение, которым я теперь пользуюсь в Петербурге — это купанье в Неве — что за прелесть! У меня в квартире холодней, чем где-либо в Петербурге, однако и в той становится так жарко, что дальше писать не могу.

Ваш А. Писемский

18 июля

¹ Над романом «Тысяча душ» Писемский работал с 1853 по 1858 г.
² Писемский часто бывал у П. В. Анненкова, живя в Петербурге, а поселившись в Москве, написал ему свыше 60 писем (см. П и с е м с к и й, стр. по указателю). Анненков оставил о Писемском воспоминания — «Художник и простой человек» («Вестник Европы», 1882, № 4; А н н е н к о в, 1960, стр. 489—526; о «Тысяче душ»—стр. 514).
³ Цепзор Андрей Иванович Фрейгане (1805—18?) часто задерживал произведе-

ния Писемского.

4 Министр народного просвещения А. С. Норов.

 Чтение «Плотничьей артели» у в. к. Константина Николаевича состоялось в июне 1855 г. Оно происходило в Кронштадте на корабле «Рюрик», резиденции великого князя, управлявшего с 1855 г. флотом и морским министерством на правах

министра.

6 Й. Ф. Горбунов (см. о нем стр. 31 настоящ. книги) с 1856 г. был артистом Александринского театра и исполнял некоторые второстепенные роли в пьесах Писемского. Опубликовал воспоминания о Писемском («Из моего дневника. 1855». — «Новое время», 1881, № 1778, 8 февраля). В них он рассказывает о чтении «Плотничьей артели» на корабле «Рюрик».

 7 О Д. А. Оболенском см. в настоящ. книге, стр. 114.
 8 В «Отечественных записках» Краевского Писемский опубликовал целый ряд произведений. До нас дошло сорок писем Писемского к Краевскому (см. Писем-

ский, стр. по указателю).

9 17/29 июня Тургенев писал Краевскому из Спасского: «...я принялся за работу и надеюсь приехать в Петербург (это будет в октябре) не с пустыми руками». Тургенев

работал в это время над «Рудиным».

10 Иринарх Иванович Вееденский (р. 1813) — преподаватель русской словесности, писатель и переводчик, сотрудник «Библиотеки для чтения», близкий к кругу Черны-

шевского. Умер 14 июля 1855 г.

¹¹ Этот отзыв не характерен для общего отношения Писемского к Гончарову. Несколько ранее, 30 марта 1855 г., в письме к Островскому Писемский по-иному отозвался о Гончарове, подчеркнув не только расположение к нему как к «хорошему человеку», но даже и внутреннюю близость: «...я не знаю почему, но очень много вижу в нем как бы родного мне [чистый русак — наш брат помещик]. Все его убеждения, даже капризные, я понимаю и — больше того—сочувствую им» (П и с е м с к и й, стр. 80. В квадратных скобках слова, зачеркнутые Писемскии). В дальнейшем, переживая всевозможные цензурные мытарства, Писемский неоднократно обращался за помощью к Гончарову, служившему цензором, и всегда встречал дружеское внимание и заботливое отношение к своим произведениям. В дни двадцатипятилетнего юбилея своей литературной деятельности Писемский писал Гончарову: «Вы знаете, как я высоко всегда ценил ваши литературные мнения и как часто и много пользовался вашими эстетическими советами и замечаниями. Но помимо этого вы были для меня спаситель и хранитель цензурный: вы пропустили 4-ю часть "Тысячи душ" и получили за это выговор. Вы "Горькой судьбине" дали возможность увидеть свет божий в том виде, в ка-ком она написана» (П и с е м с к и й, стр. 284—285).

(Петербург. 6/18 августа 1855 г.)

Начинаю писать к вам, почтеннейший Иван Сергеич, под влиянием только что полученного мною известия о том, что «Ипохондрик» мой пропущен — и его начнут ставить к сентябрю 1. Что-то будет: хорошего ожидать очень нельзя. По крайней мере, не шлепнулся бы. «Артель» мою Фрейганг задержал. Я подал ее в Цензурный комитет и там, конечно, задержат, и дело дойдет до Главного управления цензуры, где, надеюсь [конечно], что пропустят: ее уже рассматривали в канцелярии министра и нашли совершенно удобною к пропуску².

На днях я слышал новый очерк Толстого из севастопольской жизни. Он мне поправился меньше того, по отношению автора к действующим лицам рассказа 3. Это какое-то озлобление: он всех выставляет и трусами и хвастунами и как будто бы всем ставит в вину простое естественное чувство самохранения, словом, в этом отношении производство ваше не здраво. Общая же картина, как и там, превосходна, хотя и составляет повторение!

Насчет впечатления, какое произвело чтение моей «Артели» на в. к. К(онстантина) Н(иколаевича) 4, я умолчал, потому что сам не знаю: говорят, понравилось. Я порядочно скучаю: по вечерам работать не могу, хотелось бы куда-нибудь ехать или ко мне бы кто завернул, а и нет никого; теперь, впрочем, буду хлопотать о постановке моей пиэсы, всё с своей стороны употреблю, чтобы вышло порядочно, - не выйдет, ну, прах ее возьми, по крайней мере, я старался.

Что вам еще сказать, хоть бы какую-нибудь литературную сплетню, да и той нет. Разве то, что «Современнику» и «Отечественным запискам» разрешено перепечатывать военные и политические события и теперь они каждомесячно будут представлять листах на 4-х конспект того. что было уже читано и перечитано в газетах—как это приятно для подписчика. Изобретение это принадлежит Ивану Иванычу, по словам врагов, голь на выдумки хитра ⁵. В Москве, говорят, образуется новый журнал и газета профессорами-западниками, а Погодин продает свой «Москвитянин» Хомякову и другим капитальным славянофилам и сдерет с них, конечно, как ему надо 6.

Вот, почтеннейший Иван Сергеич, рассказал вам всё, что знал, а главное вот что: приезжайте-ка поскорее в Петербург. Холеры у нас совершенно нет, время стало прохладное, итак, до свидания.

Ваш Писемский

1855 августа 6-го

Еще новость, которую и вы, может быть, знаете: товарищем министра народного просвещения назначен князь Вяземский, возвратившийся из-за границы ⁷.

¹ Об «Ипохондрике» — см. прим. 2 к письму 2.

2 См. об этом прим. 5 к письму 1 и прим. 3 к письму 3.

³ Писемский имеет в виду очерк Толстого «Севастополь в мае». Толстой послал его в редакцию «Современника» 11 июля. Писемский читал его в рукописи, так как очерк был напечатан только в сентябрьской книжке (под названием «Ночь весною 1855 года в Севастополе»). В письме к Тургеневу Писемский сравнивает этот очерк с очерком «Севастополь в декабре месяце» («Современник», 1855, № 6).

9/21 августа 1855 г. Тургенев писал Е. Я. Колбасину из Спасского: «Скажите графине (М. Н. Толстой), что Писемский пишет мне о новом севастопольском отрывке Льва Ник(олаевича) с большими похвалами».

4 Об этом чтении — см. прим. 5 к письму 3.

5 См. об этом выше, стр. 112 и 114 настоящего тома. Иван Иванович—Панаев.

6 В 1856 г. начал выходить журнал «Русский вестник». Первоначально редакцию журнала составляли профессора Московского университета: М. Н. Катков (был профессором философии до 1848 г.), П. М. Леонтьев, П. Н. Кудрявцев. Кроме них, в результенты примет. дакцию вошел Е. Ф. Корш. Вскоре журнал всецело оказался в руках Каткова, стоявшего первое время на умеренно-либеральных позициях с ярко выраженной западнической ориентацией.

В январе 1855 г. Погодин, действительно, вел переговоры со славянофилами, в том числе и с А. С. Хомяковым, о передаче «Москвитянина». Переговоры эти не увенчались успехом (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900,

стр. 244—248). ⁷ П. А. Вяземский с 1855 по 1858 г. был товарищем министра народного просвещения.

¹⁰ Литературное наследство, т. 73, кн. вторая

(Астрахань. 20 февраля/3 марта 1856 г.)

Мой милейший и почтеннейший Иван Сергеевич!

Письмо это я пишу к вам с берегов Каспийского моря, из грязного города Астрахани 1, куда приехал измученный, исколоченный ухабами, конечно, а не кулаками, и простуженный. С чувством искренней зависти представлял я себе покойное и приятное положение моих добрых петербургских друзей и собратов. В то время, думал я, как милейший мой Иван Сергеевич, под руководством Анненкова, тонко пообедав и умыв потом, в горячем споре об искусстве, несколько раз руки, едет в какой-нибудь аристократический салон развивать умные и честные мысли в фрейлинах и те тщетно напрягают свои, вероятно, прелестные, но маленькие мозги, чтобы понять хоть что-нибудь из того, о чем он так мило говорит, и думая про себя, как он умен и как хорошо, если бы он на мне женился, у него, все-таки, говорят, 2000 душ; в то время как солидный, но холодный с виду, но, в сущности, добрейший и повеса Дружинин ², устроив для друзей вечер с гетерами, счастливый любострастным счастием других, дремлет и нежится то у той, то у другой на коленях; когда Анненков, пообедав с приличным аппетитом и смаком, куда-то таинственно скрывается; когда мой почтеннейший Иван Александрович ³ витиеватою речью дощупывается до сердца какой-нибудь милой дамы; когда Иван Иваныч 4 поутру гуляет, а в сумерки шалит на Невском; когда Майков 5 играет со своими ребятишками и страдает за недостатки России, — в то время бедный Писемский, без семьи, голодный, без мысли даже о женщине, дрожа от холода в своей отвратительной шубе, путешествует по России и мечтает только о возвращении в Питер, к добрым приятелям, с которыми пообедает, выпьет, поспорит и, может быть, даже пошалит и которых в то же время всех заочно обнимает. Шутки, впрочем, в сторону: дорога меня действительно измучила, но в Астрахани начинаю отдыхать; в мире, по пословице, не без добрых людей: теперь меня приютил здесь у себя здетний откупщик, молодой человек, прекрасно образованный, некий Фейгин ⁶, и доставляет мне такие удобства, в каких я и дома не живал; де́ла в Астрахани, кажется, будет у меня много: описывать есть что с избытком.

Напишите мне, почтеннейший Иван Сергеич, весточку и попросите, чтобы писали ко мне все, кто меня помнит и хоть немножко любит. Прощайте, много еще других писем. Обнимите еще раз всех.

Ваш Писемский

20 февраля

Адрес мой: на мое имя в г. Астрахани и только!

Письмо датируется 1856 годом — временем пребывания Писемского в Астрахани. Первое его письмо из Астрахани к жене написано 19 февраля 1856 г. (П и с е м с к и й, стр. 91).

¹ В Астраханскую губ. Писемский был командирован Морским министерством «для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством». История этой поездки рассказана в комментариях С. А. Рейсера (П и с е м с к и й, стр. 612—616).

² Об А. В. Дружинине — см. прим. 1 к письму 6.

³ Иван Александрович — Гончаров.

4 Иван Иваныч — Панаев.

5 А. Н. Майков был родственником Писемского по жене. Их связывали дружеские отношения в течение многих лет (см. письма Майкова к Писемскому. -- П и с е мский, стр. 581—586).

⁶ Яков Яковлевич Фейгин (ум. после 1871 г.) — знакомый Краевского. Перед отъездом Писемский получил от Краевского рекомендательное письмо к Фейгину (см. письмо Писемского к Краевскому от 20 февраля 1856 г. — Писемский, стр. 93—94).

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ
 Литография 1850-х годов
 Литературный музей, Москва

HIPCEMERIN.

6 <Петербург. 27 ноября/9 декабря 1856 г.>

Вот уже три месяца, мой бесценнейший и дорогой для ума и сердца Иван Сергеевич, сбираюсья к вам писать, п, конечно, в этом случае меня останавливает не лень, а нечто поважнее: я болен и болен десятый месяп. потеряв почти надежду выздороветь когда-нибудь (...). Большая часть докторов говорят, что это невралгия, бессмысленный термин, который обыкновенно они употребляют для определения всякой боли, для которой ясной, т. е. воспалительной, причины не видят и, к утешению моему, все почти говорят, что это ничего и пустяки. А, между тем, от этих пустяков я чахну и сохну и теперь до такой степени убит нравственно, что ничего почти не могу работать, а с работой и работой головной, вы знаете, связано материальное мое существование и что будет дальше со мной виновным, и с бедной семьей моей, ни в чем не повинной, —страшно даже подумать! Душевные муки мои дошли до того, что я каждый день впадаю в истерику и реву, как малый ребенок. Тяжелей всего для меня подумать, что во всем почти виноват я сам: на свет, кажется, родился, был здоровым и изломал свой организм жизнию. Дал мне бог и ум недюжинный, и я его от неряшества и лени не образовал; выпала, наконец, на долю искорка таланта, и я им сначала не дорожил, а потом стал торговать им и сделал из него ремесло, а вы еще, мой милый Иван Сергеевич, год тому назад говорили, что я нравственно-плотный человек, тогда как на эту ногу я хромаю более, чем кто-либо, особенно теперь, когда этого запасу задушевной веселости, которою владел прежде, во мне и следа не стало, когда присущее мне актерство надоело как дело постороннее в писательстве и, наконец, служение какой-нибудь идейке для меня всегда было

невозможно, потому что противоречило всем моим эстетическим убеждениям, словом, когда я стал похожим на тряпку, вымытую в серной кислоте, т. е. негоден ни к какому употреблению!

Между тем как я таким образом хандрю и тоскую, около меня бойко идет литературная деятельность. Дружинин принимается, по-моему, за свое дело превосходно, и, насколько достанет во мне сил, я готов для него работать ¹. Краевский мрачен, в подкрепление себе выписал Галахова ². В «Современнике» вышел цензурный скандал, которого, впрочем, и ожидать следовало 3. Панаева, эту ни в чем невиновную ж(...) редакции, призывали и пудрили. В «Московских ведомостях» вы, вероятно, читали выходку против вас Каткова, не правда ли, как она деликатна и как мало в ней злобы? 4

В Париже вы, мой ненаглядный Иван Сергеевич, вероятно будете снимать с себя портрет; пришлите мне, пожалуйста, один экземплярчик, хотя бы поглядеть на вас заочно, а то, пожалуй, умрешь не видевши. Не знаю, как и благодарить вас за книжки, которые я прочитал все вдруг залпом и, господи! какая везде прекрасная подкладка⁵. Всеми этими теплыми и благоухающими рассказами я точно елеем полил на свои сердечные раны, и тут, как нарочно, принесли мне мои собственные «Очерки из крестьянского быта», изданные Печаткиным 6. Я перелистовал их и готов был плюнуть самому себе в лицо, так мне все показалось сухо и прозаично. Говорят, правды много! 7 Да чёрт ли в этой правде, когда ее ешь, как немазаную кашу.

Здесь затевается еще новый журнал, издателем которого хочет быть какой-то Кушелев-Безбородко 8. Дружинин предложил ему довольно хорошую мысль, чтобы он сделал из своего журнала издание в пользу недостаточным литераторам, как это делается в Англии, но вряд ли это состоится таким образом.

Напишите мне хоть несколько строк. Адрес мой: в Петербурге, на Лиговке, близ железной дороги, в доме Раменского.

У меня родилась еще дочь 9, непозволительно похожая на меня и потому, можете судить, как красива. Прощайте, устал, простите, что пишу без складу и без толку; слава богу, что еще и так могу; да, пожалуйста, приезжайте поскорее из вашей Франции, там обойдется дело и без вас, а здесь вы, ей-богу, надобны.

Ваш Писемский

С. Петербург 1856 г. ноября 27-го

 1 Получив это письмо, Тургенев обратился к Дружинину 5/17 декабря с просьбой: «Пожалуйста, поддержите бедного Писемского и давайте ему работу. Я получил от него письмо, которое меня растрогало (я уже отвечал ему); он сообщает мне, что на-

мерен изо всех сил для вас работать — а такой сотрудник драгоценен». А. В. Дружинин с 1856 г. редактировал «Библиотеку для чтения». Писемский в течение нескольких лет работал с ним, заведуя с осени 1857 г. литературным отделом журнала. Дружинину принадлежат две статьи о произведениях Писемского: об «Очерках из крестьянского быта» («Библиотека для чтения», 1857, № 1) и о романе «Тысяча душ» (там же, 1859, № 2). ² Алексей Дмитриевич *Галахов* (1807—1892) — историк литературы, один из

основных сотрудников «Отечественных записок». При его посредничестве Писемский

познакомился в 1850 г. с Краевским.

³ В ноябрьской книжке «Современника» были перепечатаны три стихотворения Некрасова (в том числе «Поэт и гражданин») из только что вышедшего его сборника «Стихотворений». Эта перепечатка вызвала настоящую цензурную бурю (см. об этом: М. К. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия.

СПб., 1904, стр. 313).

4 М. Н. Катков в объявлении об издании «Русского вестника» на 1857 г. («Московские ведомости», 1856, № 138, 17 ноября) обвинил Тургенева в том, что он опубликовал в «Современнике» повесть «Фауст». Катков принял се за обещанную его

журналу повесть «Призраки».

⁵ В ноябре 1856 г. в Петербурге вышли «Повести и рассказы И. С. Тургенева» в трех частях, изданные под наблюдением П. В. Анненкова.

⁶ Вячеслав Петрович *Печаткин* (1819—1898) — книгоиздатель и издатель «Библиотеки для чтения» (1859—1863). «Очерки из крестьянского быта», подготовленные Писемским и изданные Печаткиным, вышли в свет 3 ноября 1856 г. Они объединили опубликованные ранее народные рассказы: «Питерщик», «Леший», «Плотничья артель».

7 Об «Очерках» писали почти все известные критики 50-х годов (Чернышевский, Дружинин, Анненков, Дудышкин). Несмотря на расхождение в понимании и оценке общественного значения «Очерков», критики единодушно отмечали прекрасное значие автором крестьянской жизни и глубоко правдивое ее изображение.

8 Журнал Г. А. Кушелева-Безбородко (см. о нем прим. 3 к письму 10) «Русское слово» стал выходить позднее, с 1859 г. Тургенев так характеризовал его первые номера в письме к Л. Н. Толстому от 2/14 февраля 1859 г.: «У Кушелева происходит какая-то трескучая и унылая чепуха».

9 Лочь Писемского Евдокия умерла в том же году.

(Петербург. 16/28 апреля 1857 г.)

Мой бесценный и дорогой Иван Сергеич! Я много виноват перед вами: в продолжение зимы все к вам писали и один только я молчал. Словно как я меньше всех вас люблю! Но что делать? Ныне так мне стало трудно писать, отчасти и голове, но более того моей дрожащей руке, что хоть брось! Я слышу постоянно о ваших муках 1; да подкрепит вас господь бог хоть сколько-нибудь сохранить себя, а я уж и на это махнул рукой; всю зиму я искусственно поднимал себя, чтобы написать маленький рассказ, «Старая барыня» 2. Путешествия мои выходят из рук вон плохи ³. Роман мой «Тысяча душ» ⁴ остановился на начале третьей части, и я, чтобы как-нибудь прокормиться, вспомнил о старом и первом своем романе, едва отыскал в деревне его рукопись, прочитал и увидел, что он более чем недурен и что теперь я напишу, может быть, в более строгом стиле, но с таким запалом и с такой скачкой не написать уже. А, впрочем, не поверив себе, я прочел Дружинину и Анненкову, те повторили то же. и я теперь отдал его «Библиотеке для чтения». Фрейганг пропустил его без малейшей помарки 5. Когда дойдет до вас это письмо, то уж, может быть, кроме меня грешного, ни одного литератора не будет в Петербурге: все почти едут за границу, даже Василько-Петров 6 находит нужным дышать в продолжение нескольких месяпев воздухом Ниппы, но бог со всеми с ними. Когда вы приедете, долго ли вы еще будете жить посреди этого, по выражению Григорьева, антихудожественного народа? Я мечтаю как о блаженстве, что вы с несколько поправившимся здоровьем в конце мая возвратитесь в Петербург, но отдаляться от врачей и ехать в деревню побоитесь и останетесь здесь, и я буду ходить к вам каждый день два раза и всё будем толковать о своих болезнях. Прощайте, мой дорогой Иван Сергеич, какое-то предчувствие мне говорит, что я с вами скоро увижусь.

Ваш Писемский

Р. S. Не забыли ли вы адрес мой: на Лиговке, близ железной дороги, в доме Раменского.

16 апреля 1857

Это было время, когда Тургенев решил навсегда оставить литературную деятельность, считая, что «таланта с особенной физиономией и целостностью» у него нет (письмо к В. П. Боткину от 17 февраля/1 марта 1857 г.). О своем самочувствии Тургенев писал Анненкову 3/15 апреля 1857 г.: «...я переживаю — или, может быть, доживаю нравственный и физический кризис, из которого выйду либо разбитый вдребезги, либо... обновленный!» (см. также в настоящ. томе, кн. 1-я, стр. 381—382).

² Рассказ «Старая барыня» был напечатан в «Библиотеке для чтения», 1857, № 2. Тургенев встретил его восторженно: «Вот Писемский — мастер. Как рисует этот человек! — Его "Старая барыня" изумила меня твердостью и верностью очертаний,

П (исемский) — профессор литературного рисунка» (письмо к Анненкову от 9/21 марта

1857 г.).

³ Речь идет о рассказах и очерках, которые Писемский должен был представить в Морское министерство. Некоторые из них были опубликованы в «Морском сборнике», печатном органе министерства («Пребывание черномордев в Москве».— 1856, № 6; «Путевые очерки (Астрахань)».— 1857, № 2; «Бирючья коса», «Поездка в Баку», «Тюк-Караганский полуостров и тюленьи острова».— 1857, № 4).

В основу очерков легли впечатления, полученные Писемским во время литературно-этнографической командировки, по заданию Морского министерства, в Астра-

хань, на побережье Каспийского моря, в Баку.

4 О романе «Тысяча душ» — см. письмо 3 и прим. 1 к нему.

- ⁵ Роман «Боярщина», написанный в 1844 г. и переработанный в 1846/1847 гг., был опубликован в «Библиотеке для чтения», 1858, № 1—2 (первоначальное название его: «Виновата ли она?» было изменено автором, вероятно, потому что так была названа им другая повесть в 1855 г.).
 - 6 Василько-Петров В. П. Боткин.

<Петербург. 11/23 ноября 1857 г.>

Мой дорогой и беспенный Иван Сергеевич!

Занятый последнее время многонуждными житейскими заботами и х допотами я до сих пор не собрался к вам написать и кроме того: все еще оставалась какая-то слабая надежда, что, авось, вы отдумаете ехать в Рим и приедете к нам 1, но... не бывать, видно, тому и не любите вы, видно, нас, даже на сотую доли против того, как мы вас любим; с отсутствием ващим я в моей, и без того небогатой радостями, жизни лишился большей половины моего правственного существования. Я не знаю, зачем я живу теперь в Петербурге, для чего? Прежде я мог отвечать на это. Я мог сказать, я живу здесь потому, что здесь есть человек, который меня поднимает нравственно, к которому я, каждую минуту, могу побежать и высказать, что наболело на душонке[, а теперь зачем? заработывать кусок хлеба я мог бы и в Чухломе] [и для которого, видит бог, перед целым] и для которого более, чем для всего остального мира, хочется писать хорошо и стяжать славу, как некогда хотелось этого в молодости, чтоб заявить это любимой женщине и порадовать ее тем. Писавши эти строки, я говорю не фразы, да вы знаете, что я и неспособен их говорить, но, видит бог, что невыносимая тоска щемит мое сердце при одной мысли, что я еще год, а может быть, и больше, не увижу вас и кто меня хоть чем-нибудь порадует и поддержит?.. Грех вам, мой милейший Иван Сергеевич! То, что чувствую я, может быть, чувствуют десяток бедняков, которых бы вы освежили и подняли на ноги своим приездом сюда, но не любите вы ни русской литературы и никого из нас, а только кокетничаете с нами, и, видно, справедливо сказал про вас в Москве один господин, когда вы уезжали за границу, что вы уезжаете на $Po\partial uny$. На болезнь не извольте ссылаться. Вероятно, вам каждый врач говорил, что невралгия по преимуществу болезнь жарких климатов, что невралгии, начавшиеся в теплом климате, обыкновенно проходили на севере и возвращаются с возвращением на юг. Пример этот я вижу на самом себе: невралгия моя, с возвращением в Петербург, несмотря на мою безобразную жизнь, утихала с каждым днем более и более, и прошлым летом, после нескольких купаний в Неве, совершенно прекратилась, так что теперь я, ведя более правильную жизнь, чувствую себя в такой мере здоровым, насколько это возможно для меня. Слезы готовы брызнуть у меня от досады, что вас здесь нет: я убежден, что вы здесь были бы здоровы! Бросьте Рим, приезжайте к нам, бога ради!

Дело литературное, хоть немного и криво, и в сторону, но идет бойко: выдвинулись два новые дарования — Печерский и Щедрин и за ними целая фаланга подражателей². Что касается собственно до меня, то я одолел, наконец, мой роман «Тысячу душ», которого вышло четыре части но отвечает ли качество количеству — это еще богу ведомо! ³ А сам я чувствую только одно, что бледно и далеко не вполне высказал то, что хотел высказать! И вряд ли не пал перед громадою задачи, которую, чего доброго, ни критика, ни публика не отгадают.

Материальная сторона моей жизни тоже значительно улучшилась: Дружинии предложил мне сотрудничество по редакции «Библиотеки для чтения», и мне будут платить жалованье по 1800 руб. сереб (ром) в год, и это для меня решительно благодеяние 4. По крайней мере, я теперь спо-

коен за кусок хлеба.

ЗАПИСКИ

охотника.

CHRRIME

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

HALANIE STOVOE

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. въ типографія в ведьеа. 1859. Morale ht. My pressed

ЗАПИСКИ

охотника.

SACTS REPRAS

18 93 Gp

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА Н. ПОЛЕТАЕВОЙ НА КНИГЕ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» (ч. І, СПб., 1859):

«Наталье Полетаевой от Ив. Тургенева. Москва. 1879». Внизу — неизвестной, рукой: «18 февраля» Литературный музей, Москва

«Ипохондрик» мой на днях поставился в Москве и, благодаря игре актеров, имел там успех ⁵. В «Библиотеке» с генваря начнут печатать мой первый роман, написанный еще в 1846 году, который я назвал «Боярщина» ⁶, вещь запальчивая, но очень еще молодая: пробовал было переделывать, но выходило только бледнее, но не лучше. Вот весь вам отчет, мой дорогой Иван Сергеич, о том, что я делаю и творю. Напишите мне хоть несколько строчек. Адрес мой: в С.-Петербурге, в Семеновском полку, на Малом проспекте, в доме Щербы.

Весь ваш Писемский

11 ноября

Письмо датируется 1857 годом по упоминанию постановки в Москве пьесы «Ипохондрик».

¹ Осенью 1857 г. Тургенев собирался приехать в Россию («...я решился воротиться — и воротиться надолго; довольно я скитался и вел цыганскую жизнь», — писал он Е. Е. Ламберт 26 июля/7 августа 1857 г.). Однако затем его планы изменились — 5/17 октября Тургенев вместе с Боткиным усхал в Италию и там провел всю зиму. В письмах к друзьям Тургенев так объяснял причины, заставившие его отказаться от поездки в Россию: «В Петербурге мне было бы хорошо со всеми вами, друзья мои — но о работе нечего было бы думать; а мне теперь, после такого долгого бездействия, предстоит либо бросить мою литературу совсем и окончательно, либо понытаться: нельзя ли еще раз возродиться духом? Я сперва изумился предложению (В. П. Боткина), потом ухватился за него с жадностью, а теперь я и во сне каждую ночь вижу себя в Риме» (из письма к Анненкову от 23 сентября/5 октября 1857 г.).

В Петербург Тургенев приехал в июне 1858 г.

² В 1856 г. появились в печати «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина. Тургенев познакомился с ними еще в рукописи и дал о них неблагоприятный отзыв, вследствие чего очерки и были опубликованы не в «Современнике», а в «Русском вестнике» (1856, № 8—12). Сразу же после своего появления «Губернские очерки» вызвали «целую фалангу подражателей». Вот что пишет об этом современный исследователь: «Беллетристический отдел декабрьской книжки "Современника" за 1856 г. открывается "Провинциальными воспоминаниями" (первоначальное авторское название— "Уездные очерки") Селиванова, в которых читатель без труда угадывал "щедринское влияние". С начала же 1857 г. в "Современнике", "Русском вестнике", "Сыне отечества" и других журналах и газетах в каждом вышедшем в свет номере встречается два-три обличительных произведения, написанных "под Щедрина". Писатель Турбин ведет серию "Рассказов бывалого". Кушнеров печатает в разных органах вереницу очерков под общим названием "Червячки"; с большими обличительными повестями выступает Елагин... Более или менее известные публике писатели, такие, как Мельников-Печерский, Бенедиктов, Розенгейм, в свою очередь также переключаются на обличительную

Так сложилось целое литературное направление, которое в 1857—1859 гг. иначе и не называлось критиками — одними с осуждением, другими с похвалой, как "щедринским направлением", "щедринской" школой в беллетристике» (Е. И. Покусаев. «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х годов в оценке Чернышевского и Добролюбова. — «Ученые записки Саратовского

гос. пед. института», вып. V, 1940, стр. 44—46). Андрей Печерский (псевдоним П. И. Мельникова) в 1857 г. опубликовал ряд повестей, принесших ему литературную известность («Поярков», «Старые годы», «Медвежий угол»).

Признавая талант Щедрина и Печерского, Писемский обвинял их в «очернении действительности». Однако в 1858 г. он напечатал в «Библиотеке для чтения» «Утро у Хрептюгина» Щедрина (№ 2). Впоследствии Щедрин, в статье «Петербургские театры. II. "Горькая судьбина"», отрицательно оценив эту пьесу, очень резко высказался о Писемском: «В нем прежде всего поражает необыкновенная ограниченность взгляда, крайняя неспособность мысли к обобщениям и замечательная неразвитость» («Современник», 1863, № 11; Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. V. М., 1937, стр. 162). С Печерским Писемский часто встречался, живя в Москве.

³ Нужно полагать, что здесь речь идет об окончании первой редакции четвертой части «Тысячи душ». Работа над этой частью продолжалась до 19 мая 1858 г.

⁴ См. прим. 1 к письму 6.

⁵ В Москве «Ипохондрик» был впервые поставлен 29 октября 1857 г. в Малом театре.

⁶ О «Боярщине» — см. прим. 5 к письму 7.

<Петербург. 8/20 марта 1858 г.>

Мой бесценнейший Иван Сергеевич!

Посылаю вам два оттиска моей «Боярщины» и «Тысячи душ» ¹. За первую не посудите строго: писана лет двенадцать тому назад! С отъездом Павла Васильича ² наш литературный кружок окончательно обеднеет, хоть и теперь, признаться сказать, мы не часто видимся, а сидим больше по своим углам.

Меня нынешний год работа измучила: зараз печатались два романа, из которых «Тысяча душ» еще до сих пор недописан и теперь через силу дописываю. Когда вы приедете к нам? Будет ли когда-нибудь эта радость для меня, а как приедете, так я боюсь того, что сейчас уедете в деревню! О четвертой части моей «Тысячи душ» расскажет вам Анненков. Она вряд ли пройдет в таком виде, как написана ³. Мне особенное счастие в цензуре; у всех проходит ничего, а у меня всё марают. Здесь ходят слухи, что «Современник» нарушил с вами контракт, правда ли это? 4 Островский написал еще комедию, которую вы, может быть, читали в «Современнике» 5, а «Доходное место» его запретили ставить на сцену 6; это его и нравственно и денежным образом без ножа подрезало. Здоровье мое ни то. ни се: сам. по-видимому, здоров, а между тем почти каждое утро истерика, особенно когда много поработаю. Ваша «Ася» привела меня в неистовый восторг: это уж совсем поэзия7. Отрезвится ли когданибудь наша критика и публика настолько, что будут видеть в вас нашего единственного настоящего поэта, а не социального писателя? О том, до какого безобразия дошел вкус массы публики, это и сказать невозможно: у дурацкого «Сына отечества» 12 тысяч подписчиков, и он, без преувеличения, считается полным и самым живым органом всех современных вопросов ⁸, а комедия «Свет не без добрых людей» ⁹ выше «Горя от ума»,— и это та же публика, которая некогда тянулась за Белинским и сочувствовала интересам Гамлета.

Прощайте, мой дорогой Иван Сергеич, да хранит вас бог и приез-

жайте к нам, бога ради, скорей.

Ваш Писемский

8 марта 1858 г.

¹ Речь идет о журнальных оттисках. «Тысяча душ» печаталась в «Отечественных записках» 1858 г. с января по июнь; о «Боярщине» — см. прим. 5 к письму 7.

² Анненков с февраля 1858 г. был в Париже.

³ Четвертую часть «Тысячи душ» Гончаров пропустил с рядом изъятий (см. «Новый мир», 1950, № 4, стр. 274—275).

⁴ Писемский, видимо, имеет в виду «обязательное соглашение» об исключительном сотрудничестве, которое редакция «Современника» заключила в 1856 г. с Тургеневым, Островским, Толстым и Григоровичем. 30 июля 1858 г. Тургенев писал В. А. Черкасскому: «Обязательное соглашение с "Современником" расторгнуто».

5 В январском номере «Современника» 1858 г. была опубликована пьеса Остров-

ского «Не сошлись характерами».

⁶ Комедия «Доходное место» была запрещена 16 декабря 1856 г. в день премьеры, когда уже были распроданы билеты; спектакль должен был состояться в Малом театре бенефис П. М. Садовского. Пьесу, обличавшую чиновников за взяточничество и казнокрадство, не допустили к представлению по распоряжению А.С. Норова. Разрешение на постановку комедии на сцене Островский получил лишь в 1863 г.

7 Повесть Тургенева «Ася» появилась в «Современнике», 1858, № 1.

8 «Сын отечества» — умеренно-либеральный еженедельный «политический, ученый и литературный» журнал, издававшийся с 1856 по 1861 г. А. В. Старчевским.

⁹ Писемский имеет в виду пьесу Н. М. Львова «Свет не без добрых людей» («Отечественные записки», 1857, № 3). Львов вместе с Соллогубом возглавлял либерально-благонамеренное направление в обличительной литературе 60-х годов. Когда Чернышевский и Добролюбов с гневом обрушились на Соллогуба и Львова, либеральные журналы и газеты выступили в их защиту. Так, «Сын отечества» даже объявил пьесы Львова выше драматических произведений Островского и Тургенева, опубликованных в «Современнике» в 1857 г. («Сын отечества», 1857, № 2, стр. 65; № 12, стр. 281); а «Санкт-Петербургские ведомости» с восхищением писали о «полной ума и самого высокого чувства» комедии Львова.

«Петербург. 8/20 июля 1858 г.»

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Не знаю, дошла ли до вас печальная новость, которая всех нас так здесь поразила, что мы до сих пор опомниться не можем. Иванов умер холерой! Еще позапрошлое воскресенье он был у меня, был совершенно здоров и спокоен, потому что обстоятельства его по картине начинали устраивать-

ся, но в понедельник, говорят, поехал в Петергоф к в. к. О<льге> Н<иколаевне), где продержали его часа четыре в лакейской и потом совсем не приняли. Возвратясь домой, он в тот же день заболел, а в четверг его уже не стало! 1 Но всего милее держит себя по этому случаю Григорович, который до того огадел нам всем, что мы только и ждем, как бы он поскорей отправился в свое путешествие: он начал с того, что начиная с академической залы до последнего б\(\lambda \)...\\ а кричал, что картина Иванова дрянь, мерзость, все это, конечно, до того доходило и, может быть, вместе с другими предестями, которые встретил на Родине, было причиною его смерти ²!

К числу собственно наших безбородкинских новостей, конечно, принадлежит возвращение графа Кушелева 3, который приехал с французскими графами, с Дюма 4, с Юмом 5. К числу благородных действий опять того же Григоровича принадлежит, что он с первого дня до сего времени состоит блюдолизом при графе и чичероне при Дюма ⁶, который сверх того пользуется советами Греча 7: можно себе вообразить, что этот господин напишет об русской литературе, выйдя из рук таких прекрасных наставников: одного шпиона, а другого республиканца, превышающего, впрочем, любого доносчика. Сам же граф успел уж сделать хорошее дело: он купил у Островского все его сочинения и дал ему 4000 руб (лей) серебр \langle ом \rangle 8.

Я имею к вам просьбу: некто Вейнберг желает перевести на французский язык мою «Тысячу душ» и напечатать это в каком-нибудь французском издании с платою, конечно 9; не можете ли вы научить и наставить, к кому в этом случае обратиться или не напишете ли сами к кому-нибудь в Париж от себя — и уведомьте, пожалуйста, об сем невдолге.

У меня без Дружинина пропасть дела по «Библиотеке». Прощайте. Мысленно обнимаю вас.

Ваш Писемский

8 июля 1858

Адрес мой: на Безбородке, в Варваринской улице, на даче Шателена.

Вернувшись в Россию после 28-летнего отсутствия, А. А. Иванов изведал много горького унижения перед царскими сановниками и бывшими друзьями-художниками, занявшими высокие посты. Его картина «Явление Мессии народу», выставленная после бесконечных хлопот в Академии художеств, была встречена открытой враждой со стороны правительственных и официальных академических кругов. «Когда после одной из своих бесцельно хлопотных поездок в Петергоф, где его даже не приняли, он, измученный ожиданием, истерзанный вздорными слухами и неопределенностью пер-спектив, с последним пароходом вернулся в Петербург, ему стало плохо. Вечером начались приступы холеры <...> Иванов прохворал всего три дня. З июля 1858 года его не стало» (М. В. Алпатов. Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество, т. II. М., 1956, стр. 269). В последний раз в Петергоф Иванов ездил, видимо, для того, чтобы представиться в. к. Ольге Николаевне.

Ольга Николаевна (1822—1892) — вторая дочь Николая І; получила образование под руководством Плетнева и Жуковского; была замужем за вюртембергским принцем, впоследствии королем Карлом I. В это время жила в России. Упоминания о ней имеют-

ся в письмах Иванова к брату («Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858». СПб., 1880, стр. 329, 333, 335—337).

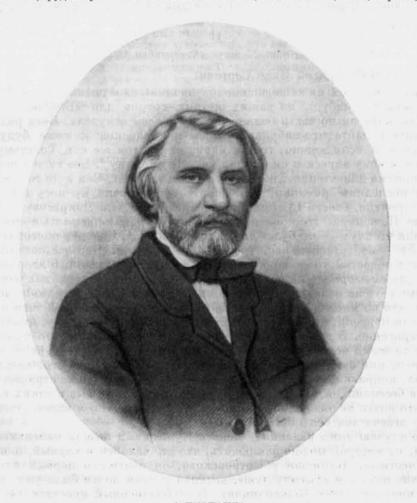
Откликаясь на смерть художника, Герцен писал в «Колоколе»: «Больной, измученный нуждой, Иванов не вынес грубого прикосновения царской дворни и — умер!» (Герцен АН, т. XIII, стр. 323). Тургенев, прочитав в газетах известие о смерти Иванова, был, по его словам, «совершенно оглушен этим ударом» (Тург АН. Письма, т. III, стр. 228).

О встрече Иванова с Писемским рассказано в письме художника к брату от 14 июня 1858 г. Иванов вместе с Кушелевым-Безбородко, Григоровичем, А. Дюма и Юмом посетил Писемского в Петербурге (см. указ. кн. «Александр Андреевич Иванов...»,

стр. 345).

² Писемский не любил Д. В. Григоровича. Участие Григоровича в кампании против Иванова и его картины еще более усилило эту неприязнь (см. письмо Писемского к Дружинину от 18 июля 1858 г.— Писемский, стр. 122—123).

Анненков писал Тургеневу 28 февраля 1857 г.: «В пьяном виде, все более и более возвращающемся к нему, Писемский делается ненавистником Григоровича. На днях поймал его в книжной лавке, прижал его в угол и публично стал говорить: "Зачем вы не пишете по-французски своих простонародных романов, пишите по-французски больше успеха будет". Тот сжался и искал спасения в отчаянной лести, но не умилостивил его» (Труды Публ. библ. СССР им. Ленина, вып. III. М., 1934, стр. 67).

ТУРГЕНЕВ

Фотография А. И. Деньера, Петербург, 1865 г. Литературный музей, Москва

Сделана для издания: «Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России» (СПб., 1865, № 5)

³ Григорий Александрович Кушелее-Безбородко (1832—1870), писатель, издатель

и меценат; вернулся из-за границы в мае 1858 г.

4 Александр Дюма (отец) приехал в Россию 10 июня и остановился у Кушелева-Безбородко. Петербургская печать встретила его приезд весьма неприязненно (см. «Сын отечества», 1858, № 24, 15 июня; «С. Петербургские ведомости», 1858, № 129, 15 июня и др.).

5 Даниель Юм (ум. после 1872 г.), спирит-фокусник. В письме к Апненкову от 9/21 марта 1857 г. Тургенев рассказал о своем посещении одного из сеансов Юма в Париже. «Чудеса» не получились, «только раз по моему требованию что-то у меня три раза простучало под подошвой правой ноги», — пронически заметил Тургенев.

6 Григорович, живший в это время в доме Кушелева-Безбородко, вместе с Дюма

переводил на французский язык «Ледяной дом» И. И. Лажечникова.

- 7 Писемский имеет в виду Н. И. Греча, издателя официозной газеты «Северная пчела».

 ⁸ Первое двухтомное «Собрание сочинений» А. Н. Островского было издано
 Г. А. Кушелевым-Безбородко (СПб., 1859).
 ⁹ Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт, переводчик и журналист, сотрудник «Библиотеки для чтения»; с 1861 г. до 18 февраля 1862 г. — официальный редактор журнала «Век». Перевод Вейнбергом «Тысячи душ» Писемского не был осуществлен.

(Петербург. 22 августа/3 сентября 1858 г.)

Мой дорогой Иван Сергеич!

Спешу отвечать на ваше письмедо и начинаю свое писанье прямо просьбой-дать что-нибудь из ваших летних трудов для «Библиотеки для чтения», которая по части беллетристики совсем оскудела. Бога ради, не откажите и дайте что-нибудь, хотя бы к январской книжке будущего 1859 года, и если можно, то так напишите о том же и к Толстому — я не знаю к нему адреса и он обещал уже Дружинину 1. Без вашей помощи «Библиотека для чтения», пожалуй, совсем керкнет. Сам я до того надорвался последним романом, что решительно строчки не могу написать. Фет, вероятно, своего «Антония и Клеопатру» отдал Некрасову — в собрание Шекспира. Не пожелает ли он их прежде напечатать в «Библиотеке для чтения» — это будет для него выгодней 2. Еще раз повторяю мою просьбу — не оставить нас, грешных редакторов. Что же касается до здешних новостей, то главная теперь из них та, что прошлый вторник нас всех чуть не взорвало на воздух: произошел взрыв на пороховых заводах, которые в очень недальнем расстоянии от Кушелевки. Были такие четыре удара, что во многих у нас дачах перелопались стекла. Все почти обитатели или присели, или, как полоумные, выскочили на улицу, думая, что землетрясение. В газетах пишут, что убито 37 человек, но это вздор: их убито со всеми через день после того умершими до 150 человек! ³

Дружинин еще в деревне и пишет мне, что здоровье его, по словам других, поправилось, но сам он этого не чувствует и также страдает хандрой и бессонницей, как и здесь. Я же нынче все лето был в таких хлопотах, что почти не видал, как оно прошло: «Тысячу душ» я издаю отдельно, и уже отпечатана вся почти первая часть 4.

По случаю этого издания у меня с Кушелевым вышла маленькая история, из которой можно заключить, что он человек и глупый, и не совсем честный. Купивши у Островского, он почти сам первый изъявил желание издать и «Тысячу душ», которая у меня почти была уже запродана книгопродавцу Кожанчикову. Я, соблазненный красивостью издания стихотворений Майкова 5, согласился и объявил, что желаю получить 3000, т. е. ту сумму, которую уже мне дают. Он согласился, но потом, недели через три, присылает мне сказать, что не могу ли я взять с него 2000, а что 3000 дорого. Я велел ему сказать на это подлеца и дурака и продал Кожанчикову за 3000!

насчет перевода моей «Тысячи душ». Благодарю за ваши хлопоты Вейнберг примется за это дело тотчас же, но только я буду просить о том, чтобы ему дали за это плату, хоть и небольшую, как и в наших за переводы журналах, ибо он человек небогатый 6!

Как только Дружинин приедет, я сейчас же отправляюсь в Кострому, в деревню, куда мне побывать нестерпимо хочется и весьма нужно! До свидания, мой ненаглядный Иван Сергеевич.

Остаюсь душой, сердцем, умом, всем вам преданный

А. Писемский

¹ В январскую книжку «Библиотеки для чтения» 1859 г. Тургенев дал статью «Обед в обществе Английского литературного фонда»; Толстой — рассказ «Три смерти».

² Трагедия «Антоний и Клеопатра» в переводе Фета появилась в «Русском слове» (1859, № 2); в «Библиотеку для чтения» (1859, № 3) Фет, по совету Тургенева, отдал перевод «Юлия Цезаря». Тургенев принимал участие в работе Фета над переводами Шекспира, редактируя их (см. письмо к Дружинину от 25 августа/6 сентября 1858 r.).

3 Утром 19 августа 1858 г. произошел взрыв на Охтенском пороховом заводе. Причины взрыва следствием не были установлены. Сообщения об этом событии появились в газетах 21 августа (завод был расположен на берегу Большой Охты, в трех верстах от столицы). В ходе следствия установлено, что взрывом было убито 45 человек.

4 Отдельное издание «Тысячи душ» было выпущено в 1858 г. Д. Е. Кожанчиковым.

5 «Стихотворения А. Майкова» изданы Г. А. Кушелевым-Безбородко в 1858 г.

⁶ О переводе Вейнберга — см. письмо 10 и прим. 9 к нему.

7 В Костромской губ. находилась небольшая деревенька Писемского — Раменье, место его рождения.

(Полюстрово. 21 июля/2 августа 1859 г.)

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Где вы и что с вами? Пишу это письмо наугад в Париж, предполагая, что, вероятно, вы заедете в него хоть за тем, чтобы взглянуть на великого ёрника — Наполеона, так благородно кончившего начатую им кампанию 1. Что касается до нас грешных, то я живу на той же проклятой Безбородке, и все лето топим печи, а в городе, между тем, была страшнейшая холера; желудок мой, несмотря на аскетическую мою жизнь в отношении съестного и хмельного, до того расстроился, что никаких средств нет: хотел было воды пить, но по случаю холеры — невозможно! По временам мне до того бывает скучно и тошно, хоть резаться! Драмы моей я написал три с половиной акта, след (овательно) осталось только пол-акта, но вот уже месяца полтора она до такой степени мне опротивела, что я не только что дописать, но даже видеть ее не могу 2.

У меня к вам огромнейшая просьба— дать нам какое-нибудь ваше произведение в «Библиотеку для чтения» ³. Ради сего могу представить вам тысячу доводов: «Современник» и без того уже имеет 5 тысяч подписчиков, «Русский вестник» столько же, по его мнению, нуждается в хороших повестях, как и в старых сапогах; поддерживать Краевского 4, каналью, тоже особенно нечего, — следовательно, осталась одна только бедная «Библиотека для чтения», которая только своим литературным отделом и может иметь значение и с существованием которой связано и мое, например, существованье. В последний месяц, если мы пустим Островского пиэсу ⁵, вашу повесть или рассказ, мою драму, Иванова, Петрова повести ⁶, да с будущего года роман Толстого ⁷, то, надеюсь, не только не уроним, но еще поднимем подписку, будьте, Иван Сергеич, великодушны — понатужьтесь и напишите, а то, право, стыдно издавать журнал с таким третьестепенным успехом.

Главные литературные новости вы сами, я думаю, знаете: «Атеней», «Московское обозрение» и «Дневник» кончили жизнь и больше того ничего нет! 8

Напишите мне хоть коротенькую весточку о самом себе. Адрес мой: на Кушелевку (в Полюстрово), на Полюстровском проспекте, в доме Иде. Дружинин живет в деревне, Гончаров за границей ⁹, с Некрасовым и Панаевым я, по обыкновению, не вижусь. Майков возвратился из за границы и очень недоволен своей поездкой, да и им, кажется, недовольны в Морском министерстве. В последнем, конечно, виноват общий наш приятель Григорович, который постарался удружить ему по-своему ¹⁰.

Писать более нечего. Душой вам преданный

- P. S. Merci за экземпляр «Записок охотника»¹¹. Прелесть, что такое! Я посердился только за то, что как было не исправить в некоторых местах речь мужицкую. Я бы вам это сделал в два часа, кабы мне вы пору-
- ¹ Имеется в виду Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт; 1808—1873). В 1859 г. Франция воевала с Австрией; эта кампания закончилась присоединением к Франции Ниццы и Савойи.

Писемский работал в это время над драмой «Горькая судьбина».

3 На просьбу Писемского Тургенев ответил согласием. Законченная 10 марта 1860 г. повесть «Первая любовь» появилась в «Библиотеке для чтения» (1860, № 3).

4 А. А. Краевский издавал «Отечественные записки» (1839—1884).

⁵ В июле этого года Островский начал писать «Грозу», обещанную им в «Библиотеку для чтения». ⁶ Повесть А. В. Иванова «Великан» была опубликована в «Библиотеке для

чтения», 1859, № 9; там же была напечатана повесть М. Петрова «Выборы».

Тургенев знал Петрова как автора повести «Саргина могила» («Библиотека для чтения», 1859, № 1), обратившей на себя внимание Толстого, Дружинина, Боткина (см. письмо Боткина к Тургеневу от 6 апреля 1859 г. — БиТ, стр. 153). Петров был писарем военного ведомства. В 1859—1861 гг. он опубликовал несколько своих произведений в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках». Ему покровительствовал Дружинин, в его судьбе принимали участие Боткин и Толстой. К. И. Чуковский, собравший материалы о Петрове, пишет о нем: «Вся беда Петрова была в том, что он очутился в чужом лагере, у своих идейных врагов. Ему следовало бы пойти к Чернышевскому и Добролюбову, в некрасовский "Современник", примкнуть к той демократической плеяде писателей, которая именно тогда начала группироваться вокруг этого революционного органа, а он подчинился влиянию Дружинина (...) Между тем по своей социальной природе он был такой же разночинец, как, например, Помяловский или Воронов. Подобно им, он накопил много желчи против тогдашнего строя. Пройдя тяжелую житейскую школу, он, исковерканный николаевской муштрой, не мог в ту боевую эпоху всецело отдаться любовным идиллиям и вскоре написал новую повесть из народного быта, где, к огорчению дружининской "партии", не столько восхищался красотами сельской природы, сколько разоблачал махинации деревенских кулаков и мироедов (...) Повесть называется "Выборы"» (Корней Чуковский. Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1960, стр. 101).

⁷ Вероятно, Писемский называет романом повесть Толстого «Казаки» («кавказский роман»), работа над которой началась еще в 1853 г. В письме от 25 ноября/7 де-кабря 1857 г. Тургенев упоминает об этом произведении Толстого, тоже называя его романом: «Боткин мне очень хвалил начало вашего кавказского романа». Повесть

была опубликована в «Русском вестнике», 1863, № 1.

8 «Атеней» — журнал Е. Ф. Корша, издавался в Москве с января 1858 г. по апрель 1859 г. Тургенев напечатал в нем «Письмо из-за границы» (1858, ч. І, № 7). Вышло всего 8 номеров, так как журнал не имел успеха и не приносил дохода.

Издание журнала «Московское обозрение» (редактор А. Лакс) прекратилось в 1859 г. на второй книжке. «Русский дневник» П. И. Мельникова просуществовал с ян-

варя по июль 1859 г.; издание оборвалось на № 141 (5 июля).

9 В начале сентября Писемский получил от Гончарова письмо из Булони от

28 августа/9 сентября (Писемский, стр. 632—633).

10 Осенью 1858 г., по приглашению Морского министерства, Григорович и А.Н.Майков выехали в заграничное плавание с морской экспедицией, направленной в Средивемное море. Плодом этого путешествия, продолжавшегося около года, были путевые записки Григоровича «Корабль "Ретвизан"» и стихотворные циклы Майкова: «Новогреческие песни», «Неаполитанский альбом» и «Из странствований».

В начале мая 1859 г. в Петербурге вышло второе отдельное издание «Записок

охотника».

13

⟨Петербург. 13/25 августа 1859 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич! ...

Как я обрадовался весточке об вас и еще больше того вашему намерению возвратиться в начале сентября в Питер 1. Я недавно возвратился из деревни от Дружинина 2, и знаете ли о чем я мечтаю теперь? Когда вы возвратитесь сюда из вашей гадкой Франции, то поехать с вами недельки на две в деревню. Город — душитель мой: я от Дружинина возвратился

просто обновленный духом и телом. Когда бы вы пошли за охотой, я последовал бы за вами, как вернейшая собака.

На повесть вашу крепкую возлагаем надежду ³; драму мою я почти

уж кончил: очень боюсь за 4-й акт! 4

Новостей здесь ни литературных, ни политических, никаких иных совершенно нет.

КАРИКАТУРА НА ТУРГЕНЕВА — АВТОРА «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» Гравюра с рисунка Н. В. Исвлева «Оса», 1863, № 7

Я задумываю новый роман, длинный, длинный и, кончивши драму, хочу за него приняться ⁵. Островский тоже, говорят, написал новую комедию и хочет нам прислать ⁶. В сентябрьской книжке у нас будет помещен еще рассказ Петрова: «Крестьянские выборы» ⁷. Вещь очень недурная, и ему скоро обещают дать чин 14-го класса. О крестьянском вопросе разные толки: кто говорит, что к 8-му сентябрю, т. е. к совершеннолетию наследника будет всё кончено и объявлено, а кто говорит, что дело оттянется года на два. Я все это время перечитываю Белинского. Что это за прелесть такая! Кроме уж удивительного чутья, величайшей добросовестности и рыцарской смелости, нашим современным критикам недостает по преимуществу той почти пламенной любви к русской литературе: он не пропускал ни одного явления, в котором хоть намек был на живую истину. Это решительно был великий человек! ⁸

Нашего бесценного Павла Васильича все еще нет в Питере и где он теперь, никому неведомо! ⁹ Извините, что я так дурно пишу: спешу в город и боюсь опоздать на пароход; а писать более решительно нечего.

С нетерпением ожидающий вас обнять

А. Писемский

13 августа 1859 г.

Захара вашего я уведомил 10.

1 11—12/23—24 сентября 1859 г. Тургенев приехал в Россию.

² Писемский в конце июля — начале августа гостил в имении Дружинина — Мариинское, Гдовского у. Петербургской губ.

- 3 Речь идет о повести Тургенева «Первая любовь» (см. прим. 3 к письму 12).
 4 Опасения Писемского оправдались. См. письмо 16 и прим. 1 к нему.
 5 Повесть «Старческий грех» Писемский вначале не раз называл романом. Она была завершена 23 ноября 1860 г. и напечатана в «Библиотеке для чтения», 1861, № 1.

6 «Грозу» Островский закончил лишь в октябре 1859 г. ⁷ См. прим. 6 к письму 12.

⁸ В 1859 г. началось издание первого собрания сочинений Белинского (Сочинения В. Белинского, ч. I—XII. М., изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859—1862). Это было большим событием в общественно-литературной жизни того времени. К августу 1859 г. вышли две части, содержащие статьи и рецензии Белинского за 1834—

9 Анненков был в это время в Симбирске.

10 Захар Федорович Балашов — камердинер Тургенева.

14

«Петербург. 21 сентября/3 октября 1859 г.»

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Мне никак не удалось проводить вас ¹; в самое то утро принесли мне уйму экстреннейших корректур. Как вы доехали, начали ли охотиться и сбираетесь ли приняться за работу? Вчера у меня целый вечер сидел Гончаров, третьего дня воротившийся из-за границы ²,— юн, цветущ и в превосходнейшем состоянии духа. Дружинина еще нет, и когда приедет неизвестно, а у меня уж, признаюсь, силы не хватает нести на своих плечах всю эту черновую по журналу работу — замечаю даже, что начинаю терять зрение. Григорович, говорят, тоже возвратился, но, к удовольствию моему, я еще не видался с ним 3. Писать более решительно нечего; а вы черкните хоть строчку, как вы, живы ли и здоровы!

Ваш Писемский

Гончаров сильно посерживается на Лондон и когда говорит об этом, то по всему видно, что это тронуло его глубоко 4. 21 сентября 1859 г.

1 Тургенев уехал из Петербурга в Спасское 15—16 сентября.

² Гончаров возвратился в Петербург 20 сентября/2 октября 1859 г. (см. А. Д. А л е ксеев. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.-Л., Изд-во АН СССР,

3 См. об'этом прим. 10 к письму 12.

4 Писемский, видимо, намекает на появившуюся в «Колоколе» статью Гердена «Very dangerous!!!» («Колокол», 1859, л. 44, от 1 июня), в которой были критические суждения об «Обломове» (Герцен АН, т. XIV, стр. 117—118).

15

⟨Петербург. 1/13 октября 1859 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Поручение ваше я исполнил: статья Трубецкого выправлена Майковым, переписана и сдана мною сегодняшний день Александру Николаевичу Татаринову (члену Комитета), который обещался послезавтра передать ее Ростовцеву².

Что вы не нашли в деревне дичи, все мы этому очень рады, порабо-

тайте и поддержите нашу «Библиотеку».

Не увидите ли вы Толстого, попросите его отдать нам роман ³. Он уже обещал это; для него, вероятно, «Библиотека» ближе по убеждениям,

чем другие журналы, и мы лучше его оценим. Мы исключительно зависим от сотрудничества лучших наших писателей — другой у нас силы, вы сами знаете, нет! Писать больше нечего.

Весь ваш Писемский

1 октября 1859

¹ Видимо, речь идет о Н. И. Трубенком. См. о нем стр. 288 настоящ. тома. О ка-

кой статье Трубецкого пишет Писемский — установить не удалось.

² Яков Иванович *Ростовцев* (1803—1860) — генерал-адъютант, деятель крестьянской реформы. В начале 1857 г. Ростовцев был назначен членом негласного комитета (с 1858 г. комитет получил название главного комитета) по крестьянским делам. А. Н. Татаринов был членом-экспертом от симбирского губернского комитета в одной из комиссий для выработки общих и местных законоположений: эти комиссии были организованы при главном комитете в феврале 1859 г. по предложению Ростовцева.

Статья— тургеневская записка об издании журнала «Хозяйственный указатель». составленная им в январе 1858 г. Свод материалов о ней — см. в комментариях Ю. Г. Оксмана — XI, 553—554.

3 См. прим. 7 к письму 12.

16

⟨Петербург, 21 октября/2 ноября 1859 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Пишу к вам письмо в горе: пиэса моя была уже пропущена; но по каким-то сплетням, дошедшим до министра, она вытребована к нему. где и будет, вероятно, прихлопнута ¹. Сколько поражен я всем этим и сказать не могу и не столько за себя, сколько за журнал, который того и гляди, что совсем упадет, несмотря на все спокойные и сладкие мечтания Проужини на который не может или не хочет понимать вещи, как они есть. Посаженный на мель со своей пиэсой я еще настоятельнее начинаю вас умолять дать нам вашу вещь 2: что вам за охота поддерживать «Русский вестник», «Современник» — это значит на человека в шубе надевать еще шубу. А чтобы вам присуще было такого рода самолюбие, что вот, де — все-таки почтеннее печататься в таком журнале, как «Русский вестник» или «Современник», чем в мизерной «Библиотеке для чтения», — этого нельзя почти и подумать; слава богу, не журнал вам, а вы журналу можете дать имя. В ваши намерения написать для нас повесть в две какие-нибудь недели все мы, ваши друзья, т. е. Дружинин, Анненков и я, откровенно сказать, не верим; а потому докажите нам противное: «Это вам-то только, вихляям, не написать, а мы же написали!»

Писать более не могу, потому что хандрю и бешусь до неистовства. Если «Библиотека для чтения» упадет, я могу потерять последние средства к существованию, а это очень немудрено, если в ноябрьской и декабрыской книжках будет мертвечина. Напишите мне ваш ответ.

Ваш Писемский

1859 г. 21 октября

¹ Одобренная первоначально, драма Писемского «Горькая судьбина» по распоряжению П. П. Вяземского, помощника попечителя Петербургского учебного округа, была 18 октября 1859 г. затребована у автора и отослана в канцелярию министра народного просвещения. А. В. Никитенко, присутствовавший на обсуждении драмы у министра, записал в дневнике: «В настоящую минуту, когда крестьянский вопрос в самом разгаре, печатать эту драму найдено неблагоразумным. Но как драма действ самом разгаре, печатать эту драму наидено неолагоразумным. Но как драма деиствительно, говорят, хороша, то ее не следует запрещать, а только остановить на время» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник в трех томах, т. П. М., 1955, стр. 100). После переработки Писемским финала пьесы, Гончаров 12 ноября 1859 г. разрешил ее к печати (см. подробнее в комментариях А. П. Могилянского в т. 9 Собрания сочинений А. Ф. Писемского. М., 1959, стр. 607—608). «Горькая судьбина» была опубликована в «Библиотеке для чтения», 1859, № 11. 24 декабря 1859/5 января 1860 г. Тургенев присутствовал на итолии Писемским «Горькой сульбины» у П. А. Ваземского. сутствовал на чтении Писемским «Горькой судьбины» у П. А. Вяземского. ² Речь идет о повести Тургенева «Первая любовь».

¹¹ Литературное наследство, т. 73, кн. вторая

чем другие журналы, и мы лучше его оценим. Мы исключительно зависим от сотрудничества лучших наших писателей — другой у нас силы, вы сами знаете, нет! Писать больше нечего.

Весь ваш Писемский

1 октября 1859

¹ Видимо, речь идет о Н. И. Трубецком. См. о нем стр. 288 настоящ. тома. О ка-

кой статье Трубецкого пишет Писемский — установить не удалось.

² Яков Иванович *Ростовцев* (1803—1860) — генерал-адъютант, деятель крестьянской реформы. В начале 1857 г. Ростовцев был назначен членом негласного комитета (с 1858 г. комитет получил название главного комитета) по крестьянским делам. А. Н. Татаринов был членом-экспертом от симбирского губернского комитета в одной из комиссий для выработки общих и местных законоположений; эти комиссии были организованы при главном комитете в феврале 1859 г. по предложению Ростовцева. Статья— тургеневская записка об издании журнала «Хозяйственный указатель».

составленная им в январе 1858 г. Свод материалов о ней — см. в комментариях Ю. Г. Оксмана — XI, 553—554.

3 См. прим. 7 к письму 12.

16

⟨Петербург. 21 октября/2 ноября 1859 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Пишу к вам письмо в горе: пиэса моя была уже пропущена; но по каким-то сплетням, дошедшим до министра, она вытребована к нему, где и будет, вероятно, прихлопнута ¹. Сколько поражен я всем этим и сказать не могу и не столько за себя, сколько за журнал, который того и гляди, что совсем упадет, несмотря на все спокойные и сладкие мечтания Др(ужини)на, который не может или не хочет понимать вещи, как они есть. Посаженный на мель со своей пиэсой я еще настоятельнее начинаю вас умолять дать нам вашу вещь 2: что вам за охота поддерживать «Русский вестник», «Современник» — это значит на человека в шубе надевать еще шубу. А чтобы вам присуще было такого рода самолюбие, что вот, де — все-таки почтеннее печататься в таком журнале, как «Русский вестник» или «Современник», чем в мизерной «Библиотеке для чтения», — этого нельзя почти и подумать; слава богу, не журнал вам, а вы журналу можете дать имя. В ваши намерения написать для нас повесть в две какие-нибудь недели все мы, ваши друзья, т. е. Дружинин, Анненков и я, откровенно сказать, не верим; а потому докажите нам противное: «Это вам-то только, вихляям, не написать, а мы же написали!»

Писать более не могу, потому что хандрю и бешусь до неистовства. Если «Библиотека для чтения» упадет, я могу потерять последние средства к существованию, а это очень немудрено, если в ноябрьской и декабрьской книжках будет мертвечина. Напишите мне ваш ответ.

Ваш Писемский

1859 г. 21 октября

Одобренная первоначально, драма Писемского «Горькая судьбина» по распоряжению П. П. Вяземского, помощника попечителя Петербургского учебного округа, была 18 октября 1859 г. затребована у автора и отослана в канцелярию министра народного просвещения. А. В. Никитенко, присутствовавший на обсуждении драмы у министра, записал в дневнике: «В настоящую минуту, когда крестьянский вопрос в самом разгаре, печатать эту драму найдено неблагоразумным. Но как драма действ самом разгаре, печатать эту драму наидено неолагоразумным. Но как драма деиствительно, говорят, хороша, то ее не следует запрещать, а только остановить на время» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник в трех томах, т. И. М., 1955, стр. 100). После переработки Писемским финала пьесы, Гончаров 12 ноября 1859 г. разрешил ее к печати (см. подробнее в комментариях А. П. Могилянского в т. 9 Собрания сочинений А. Ф. Писемского. М., 1959, стр. 607—608). «Горькая судьбина» была опубликована в «Библиотеке для чтения», 1859, № 11. 24 декабря 1859/5 января 1860 г. Тургенев присутствовал на чтении Писемским «Горькой судьбины» у П. А. Вяземского. ² Речь идет о повести Тургенева «Первая любовь».

¹¹ Литературное наследство, т. 73, кн. вторая

⟨Петербург. 6/18 ноября 1859 г.⟩

Мой почтеннейший Иван Сергеевич!

Что это у вас за мерзейший ваш кашель, и отчего это он с вами приключился? Верно, от ваших хождений и похождений на охоте? Пора, видно, нам, милейший друг, кинуть эту забаву, но, во всяком случае, мы все, ваши друзья, надеемся, что не продержит же вас ваша болезнь долгое время? С ней, вероятно, совладает и победит ее и уездный врач. В мире литературном начинает оживать понемногу: Островский привез нам отличную драму «Гроза», о которой я вам ничего более не буду говорить, пускай вы прочтете сами и, разумеется, мне только одному передадите ваше искреннее мнение 1. В ноябрь ской книжке «Библиотеки для чтения» вы встретите статью Дружинина о Марко Вовчок, с которой я от первого до последнего слова не согласен, и потому не вините меня в ней. Статья эта даже не была мне читана предварительно, и я уже пробежал ее во второй корректуре 2.

С моей драмой вышла целая история. В прошлом письме я, кажется, писал вам, что ее захватили у меня из типографии и отправили на личное прочтение к министру, который меня через несколько дней призвал к себе и объявил, что драма моя имеет такие капитальные достоинства, что должна быть пропущена за исключением некоторых мест, которые пересмотреть и поручил Гончарову, и чем сей последний кончит,—я сижу и жду ³...

Павел Васильевич 4 наш прихворнул и другой день сидит с флюсом, впрочем, я сегодня у него был, и он уже отправляется в клуб кушать. Литературный фонд понемногу организуется, и 8 ноября будет первое собрание; станут выбирать председателя и членов. Я не имел возможности положить на сие дело порядочной суммы денег; намерен предложить собранию, не угодно ли ему будет заставить меня читать за деньги,— читаю я недурно, и публики, из одного любопытства, вероятно, соберется довольно; так что я для Общества могу в зиму заработать руб. 500 5. Одобряете ли вы эту мысль мою или нет? Напишите мне об этом.

Писать более решительно нечего; да ниспошлет вам Егова скорейшего выздоровления, и да примем мы как можно скорее вас в наши распростертые объятия.

Весь ваш Писемский

6 ноября 1859 г. С.-Петербург

- ¹ «Гроза» Островского была напечатана в «Библиотеке для чтения», 1860, № 1. 27 ноября/9 декабря 1859 г. Островский читал «Грозу» Тургеневу, Анненкову и Дружинину. В написанном на другой день письме к Фету Тургенев назвал пьесу Островского «удивительнейшим, великолепнейшим произведением русского, могучего, вполне овладевшего собою таланта».
- ² О статье Дружинина см. выше, стр. 133 настоящего тома. Она была напечатана за подписью: «Редакция».

³ О драме «Горькая судьбина» — см. письмо 16 и прим. 1 к нему.

- 4 Анненков
- ⁵ Первое организационное собрание Литературного фонда Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым состоялось 8 ноября 1859 г. Писемский присутствовал на этом собрании. Его подпись имеется под протоколом в числе других 26 членов Общества. Впоследствии Писемский принимал активное участие в литературных чтениях и спектаклях, устраивавшихся Обществом.

⟨Парголово. 11/23 июня 1860 г.⟩

Я уже начинал, мой драгоценнейший Иван Сергеевич, посерживаться на вас, что вот вы уехали и мне больному-несчастному хоть бы строчку кинули ¹; Павел Васильевич тоже ². Здоровье мое действительно поисправилось, но далеко не совсем: хоть и хожу и могу писать, но боли в руках и ногах продолжаются, и боюсь, чтобы не остались хроническими, — все это развило во мне такую ипохондрию, что мне решительно стала ненавистной жизнь. При таком состоянии духа можете посудить, что я ничего не в состоянии работать, а от работы моей, как тоже небезызвестно, зависят мои средства, — это обстоятельство служит еще новой мукой для меня...

Впрочем, мне о моих горях не следовало бы и говорить, когда рядом около меня какое поразило горе бедного Полонского: его маленькая прелестная жена умерла!!! ³ Была беременна, сделалась с ней горячка, выкинула и померла! При одной мысли об этом меня третий день терзает истерика: после смерти Бозио ничья смерть в последнее время меня еще так не поражала ⁴. Правды, действительно, немного, видно, и на небе! ⁵

Это, кажется, единственная литературная новость, которую я вам могу сообщить. Вы пишете, что вы отдыхаете от литераторства — о, как бы я желал этого отдохновения и даже полного забвения о сем мастерстве, хотя бы для этого даже пришлось поступить на службу по винным откупам, но только чтоб ни самому не сочинять, ни читать чужих сочинений. Вчера я начал было письмо к вам бойко, но сегодня проснулся, погода испортилась, и ревматизмы мои разгулялись так, что и рука не пишет, и голова не думает, и это повторяется со мной беспрестанно — вот образчик моего здоровья. Вы говорите о поездке моей за границу — по теперешним моим обстоятельствам я и думать об этом не могу. Пришлите мне, бога ради, по вашему выбору хороший французский роман, старый или новый—все равно, для перевода жене. Бога ради, пришлите! До свиданья. Писать более не могу, да и принесли сейчас корректуру спешную.

Ваш Писемский

11 июня 1860

- Р. S. Совсем было и забыл: я живу на даче в Парголове; но вы адресуйте все-таки к Печаткину, в контору «Библиотеки для чтения».
 - 1 Тургенев уехал из Петербурга за границу 24 апреля/6 мая 1860 г.

² Анненков также уехал в мае за границу.

- ³ С поэтом Я. П. Полонским, другом Тургенева, Писемский познакомился в конце 1858 г. и был близок в петербургский период своей жизни. Он относился с большой симпатией к его первой жене Елене Васильевне. Она умерла в июне 1860 г. в возрасте 20 лет.
- ⁴ Знаменитая итальянская певица Анжелика *Вовио* (р. 1824) простудилась по дороге в Москву и умерла 31 марта/12 апреля 1859 г. от воспаления легких.

5 Неточная цитата из трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери».

19

⟨Петербург. 10/22 октября 1860 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Давно я жду от вас весточки и все нет: я писал к вам в poste restante. Получили ли вы мое послание? Я нынешней весной непременно еду за границу ¹. Там ли вы будете, или вернетесь весной; беда, если последнее, вы меня зарежете! Я на вас сильно рассчитываю. Что вам сказать о Питере и литературе; как в том, так и в другой, страшная мерзость, так что я, кажется, человек совсем уж непривередливый, но, ей-богу, горько

и стыдно становится оставаться русским литератором: по разным печатным пакостям вы и сами, конечно, видите: философия Чернышевского, эстетика —бова и юмор «Искры» разгуливают на полном ходу².

Впрочем, чёрт с ним, со всем этим. Лучше буду говорить вам про себя: во-1-х, Дружинин окончательно отступился от «Библиотеки для чтения», и таким образом я, волей-неволей, становлюсь ее главным и печатным редактором 3, во-2-х, я принял на себя заведование двумя отделами в журнале «Искусство», в котором просил вас разрешить мне напечатать вашего «Фофо» 4. Пожалуйста, разрешите! В 3-х, Академия в нынешнем году назначила уваровские премии: мне за «Горькую судьбину» и Островскому за «Грозу» ⁵. Вот и вся канитель. Напишите мне, пожалуйста, незамедля, ответец. Поля мой ходит уже в гимназию и отлично учится, а маленький Коля занимается музыкой. Жена вам кланяется. Ко мне как-то приходил ваш Захар, вопия о нужде в деньгах, и я ему дал из редакции моих 75 руб.

С Павлом Васильичем мы видаемся. Он тоже в полнейшем ожесточении

от такого состояния литературы. Да хранит вас бог.

Ваш Писемский

Октября 10 1860

Сейчас я получил ваше письмо! Спасибо вам за ваше радушное участие и, бога ради, пришлите об Иванове этюд 6. А меня чуть не загрызть хотят за участие в этом журнальде! Брань печатная и устная сыплется со всех сторон, но на зло всем этим господам подписка идет отлично — до 500 было перед выходом книжки, которую вышлем к вам в Париж. Боткина тоже попросите, а что же насчет «Фофо»?

1 Предполагавшаяся весной 1861 г. поездка Писемского за границу не состоялась. ² В это время в «Современнике» (1860, № 4—5) была опубликована статья Чернышевского «Антропологический принцип в философии», излагавшая с революционнодемократических позиций основы материалистической философии. Она вызвала ожесточенные нападки либеральной и реакционной партий (см. Черны шевский,

т. VII, стр. 1016). — бов — псевдоним Добролюбова.

Влияние журнала на революционно настроенных читателей, особенно на молодежь, было в это время огромным. В одном из писем начала 1860 г. Салтыков-Щедрии дежь, обло в это время огромным. В одном аз писем начала 1800 г. Салтыков-щедрип говорит о необычайной популярности журнала среди читателей: «Всего более в ходу "Современник"; Добролюбов и Чернышевский производят фурор» (Н. Щ е д р и н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XVIII. М., 1937, стр. 152). Наряду с «Современником» большой популярностью в эти годы пользовался близкий ему по направлению сатирический журнал «Искра», издававшийся Н. А. Степановым и В. С. Курочкиным.

³ С ноября 1860 г. Писемский стал единоличным редактором «Библиотеки для чтения» (подробнее об этом см.: П и с е м с к и й, стр. 622—623).
 ⁴ Издание Виктора Леона Герике: «Искусства. Журнал театра, музыки, живо-

писи, скульптуры, архитектуры и словесности», выходило с сентября по декабрь писи, скульптуры, архитектуры и словесности», выходило с сентяори по декаорь 1860 г. (№ 1—6). Писемский редактировал в нем литературный и театральный отделы. Еще до ликвидации журнала Писемский напечатал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1860, № 280, 23 декабря) заметку о своем уходе из журнала.

Что имеет в виду Писемский под названием «Фофо» — установить не удалось.

Б Уваровские премии за лучшие исторические труды и драматические произве-

дения были учреждены в память министра народного просвещения С. С. Уварова его

сыном в 1857 г.

⁶ Воспоминания Тургенева о художнике А. А. Иванове («Поездка в Альбано и Фраскати») были напечатаны в журнале «Век», 1861, № 15.

20

«Петербург. 26 ноября/8 декабря 1860 г.»

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Посылаю вам экземплярчик «Гаваньских чиновников», произведение нового автора, напечатанное в «Библиотеке для чтения» 1. Напишите мне откровенно, как найдете вы эту штуку. По-моему, это совсем дарование и дарование крупное, но только не знающее ни средств своих, ни

Несмотри, съ какой заботом ка своему герова ост. при-готовия в аде вего и разрикъ «Степки-Растрежка», героп гером опъ приділекой новілін, и смяньне деттемъ слюги, совершенно не яужных и дурацкой «балконт — одину» словочь «кисть художники наль нимь ыграль» вынутав иль изба-

Ornamenia no ero sis «Orname» conemnemos revera-Он. укиваеть причесываеть стариется показать ихъ актизмечи, привосить и петотки и гребеточки и... и жистое другое...

1868

HOKPA

отцы и двти

(A. M. Boarosa)

эпилогъ

Hrs меня ловуга росин бубения гонориях Баларовъ при жизни, но запатий прать покойнаго, нелопусканній и тіли правди пъ его словахь, предупреждая осуществленіе его прориданій, усилення полимаєть длонам'яренно по-лисиные на могял'я Палирова рододенни, камелія и воилін, дабы не пробился между ники менавистиції

Въ Дрезденъ, на Брюдзевской терриесъ, между двуми и четира засани, из самое фешенобльное вреня для прогудяв, ны истранаем интора романа съ Панловъ Истрониченъ, пьющихъ издъпбрукъ и одель согь, горької в дружеств реаговарникомить.

- Кака мы развеств Видрова-тої зав'язать Пареть Петро

Вибето отибля, запоръ «Отпова и Датей» глубокомисленно заку рыть сигару и напустивь -Дыме-

«ОТЦЫ И ДЕТИ». КАРИКАТУРНЫЙ РОМАН А. М. ВОЛКОВА

Гравюры Ф. Фрейнда с рисунков А. М. Волкова

Первая и последняя страницы «романа»

«Искра» от 7 апреля и 2 июня 1868 г., №№ 12 и 20

В своем «романе» художник стремился показать, что, «очернив детей», Тургенев «причесал» образы «отцов»

цели, куда должно стремиться. Бога ради, напишите мне для «Искусства». и вот бы что я вас просил написать: что такое теперь, в настоящее время, французский театр, потом итальянский, немецкий и английский? ² Вам это ничего не стоит: если бы я спросил вас в беседе, вы, конечно, не задумаясь и не слишком затрудняясь, рассказали бы мне, а теперь вот вместо того, чтобы рассказать, напишите в письме. Мне хочется нашу публику познакомить со всем этим через посредство вашего милого слова. $\partial m \omega \partial$ об Иванове я тоже ожидаю непременно к генварю, то есть в половине декабря ³. «Библиотеку для чтения» тоже не забудьте: нельзя ли вам прислать мне заглавие того, чем вы нас облагодетельствуете? Пожалуйста, мой дорогой, не оставьте меня, я остался теперь один при «Библиотеке». В «Современнике» вы, надеюсь, что не станете участвовать: 4 теперь уж там явно говорят, что они ни в каких авторитетах не нуждаются, значит, и бог с ними!

Извините, что пишу торопливо; страшно занят делом. Приступаю к изданию полного собрания своих сочинений 5 — большую часть переправляю с самой подошвы почти, да при этом еще доканчиваю свой рассказ «Старческий грех» ⁶, далеко мне самому не нравящийся, и, наконец, две редакции на руках, — право, голова иногда кругом ходит. Обнимаю вас.

Обожающий вас А. Писемский

26 ноября 1860

Автором очерков «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года. (Пейзаж и жанр)», напечатанных в «Библиотеке для чтения», 1860, № 11—12, был И. С. Генслер, по профессии ветеринар, поместивший в петербургских журналах несколько рассказов и стихотворений.

² Эта просьба не была исполнена Тургеневым.

з Об очерке Тургенева, посвященном художнику А. А. Иванову см. прим. 6 к

⁴ В 1860 г. Тургенев окончательно разорвал отношения с «Современником». Последним произведением, опубликованным в этом журнале, была статья «Гамлет и Дон-Кихот» (1860, № 1). В письме к Панаеву 1/13 октября 1860 г. Тургенев заявил о своем отказе от сотрудничества в «Современнике». Сообщая об этом же Герцену 28 декабря 1860/9 января 1861 г., Тургенев писал: «С "Современником" и Некрасовым я прекратил всякие сношения, что, между прочим, явствует из ругательства à mon adresse* почти в каждой книжке». Подлинные причины разрыва отношений были определены Чернышевским в статье «Полемические красоты»: «Наш образ мыслей прояснидся для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись» («Современник», 1861, № 6; Чернышевский, т. VII, стр. 713). Об истории разрыва Тургенева с «Современником» — см.: Тург. и круг «Совр.», стр. XIX—XL.

5 Писемский готовил трехтомное собрание сочинений в изд. Ф. Стелловского

(СПб., 1861).
⁶ О «Старческом грехе» — см. письмо 13 и прим. 5 к нему

(Петербург. 17/29 января 1861 г.)

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Поздравляю вас с новым годом. Вы, конечно, встретили и провели его приятнее, чем мы, уж по одному тому, что меньше видите, слышите и читаете разной мерзости. Для меня ваше отсутствие ощутительнее всех: вы для меня весь мой свет, все мои выезды <?>, и нравственно мы вряд ли не самые близкие с вами люди, потому что один перед другим не станем се-

^{*} по моему адресу (франц.).

бя ни прикрашивать, ни подмазывать, тогда как с другими друзьями (за исключением, впрочем, Анненкова) приходится или самому лгать, или знать наверное, что они лгут.

Вы пишете, что надобно перетерпеть настоящее подлое направление литературы. Хорошо это говорить—из прекрасного далека, а будучи втянуты всеми своими мясами и костями в этот омут, просто приходится стыдиться того, что ты литератор. Кроме уж того, что на каждом шагу жду, что вот-вот обругают тебя самоподлейшим образом и какой-нибудь издатель обманет и опозорит тебя, как малого ребенка, и нет на него ни суда ни расправы! Последнее обстоятельство случилось со мной. Издатель журнала «Искусство» оказался ужасным ёрником 1. Он мало того что не заплатил нам, редакторам-сотрудникам, в типографию за бумагу, но не довыдал 6-й и 7-й книжек за прошлый год, которые моими кровными трудами составлены, набраны и лежат готовые в типографии; а между тем, как я слышал, в публике обвиняют меня, виновного только своей глупостью и простотою.

Статейки ваши пришлите, бога ради, для «Библиотеки для чтения» 2. Ваше участие прошлого года очень поддержало ее, не откажите и в нынешнем году 3 .

Письмо это лежало у меня начатым и недоконченным — вдруг прилетает Анненков, веселый, счастливый, и объявляет, что он женится на Глафире Александровне... 4 Со мной без шуток сделалась истерика от удивления. Анненков женится!!! У меня до сих пор руки, ноги дрожат и голова в тумане. Анненков женится! Наперед уверен, что его жена будет счастлива, но, ей-богу, боюсь за него самого, потому что он слишком долго жил холостяком и в то же время слишком великодушен; пойдет на уступки и на уступки. Но да мимо идут его главы все мои черные мысли да будет он благословен со всем своим потомством. Уж не выкиньте и вы такой же штуки и не напишите вдруг, что и я, батюшка, тоже тем же занимаюсь!!!

Анненков женится!!! Мне и весело и грустно, и чёрт знает такое! Обнимаю вас крепко, крепко.

Ваш Писемский

17-го генваря 1861

В Москве, Яузской части в Б. Казенном пер. в доме Миллера. И не оплачивайте ваших писем, это вернее.

¹ См. прим. 4 к письму 19.

² Статейки — возможно, статьи о театре, которые Писемский просил написать Тургенева (см. письмо 20).

 ³ Писемский имеет в виду «Первую любовь». См. о ней прим. 3 к письму 12.
 ⁴ Анненков женился на Глафире Александровне Ракович (1831—1899). Тургенев писал по этому поводу Герцену 31 января/12 февраля 1861 г.: «О свадьбе П. В. Анненкова ты, вероятно, уже известен стал; пример нам с тобою, брат! Он берет девушку лет 28, не очень красивую — но добрую и умную».

(Москва. 24 марта/5 апреля 1861 г.)

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Я бог весть как обрадовался вашему письмецу... Так долго от вас не было никакой весточки, что я думал, не хвораете ли вы. Про себя вам я не могу сказать ничего хорошего; обыкновенное мое ипохондрическое расположение духа до того во мне развилось в последнее время, что просто боюсь полнейшего помешательства; никуда почти не выхожу, ки с жем не вижусь; сбирался было за границу, но вас там не будет, из близких

мне людей тоже никто не едет, так что и не решаюсь теперь; хочу уж отправиться в деревню составлять в своем именьишке и именье Тосской (?) уставные грамоты. Не знаю, как в деревне, но здесь народ принял объявление о свободе самым равнодушнейшим образом 1; я это знал наперед, тех нравственных привилегий, которые он тут получил, он еще не понимает и не оценивает, а что в материальном отношении его положение весьма мало улучшилось, а в других местах еще ухудшилось — он это очень хорошо видит. Меня так и подмывает идти в мировые посредники, но проклятый журнал вяжет по рукам и по ногам. В литературе везде и всюду происходит полнейшая мерзость: все перегрызлись, перессорились, все уличают и обличают друг друга. Сам я тоже начал зубоскалить в «Записках Салатушки» в «Библиотеке для чтения» * 2.

Спасибо вам за ваш отзыв о моем «Старческом грехе», о котором не знаю как публика, но критика весьма не высокого мнения... ³

Павла Васильича мы обвенчали в Исакиевском соборе в присутствии генералов, действительных и тайных советников; а теперь я уже давно его не видал: даем ему наслаждаться медовым месяцем. Дай бог, чтобы она только была барыня добрая и не суетная; а что он-то составит ее счастье - в этом нет сомнения.

Скажите, пожалуйста, что В. П. Боткин? Павел Васильич мне сказывал, что он сильно заболел4. Ко всем, видно, и со всех сторон приходят старость и болезни.

В отношении самого себя теперь, например, мне кажется, что я живу только снаружи, сверху, а что внутри у меня все уже сгнило и перегорело — и это чувство во мне почти постоянное.

Обнимаю вас и целую с самою страстной нежностию.

Ваш А. Писемский

24 марта 1861

1 Большой жизненный опыт, трезвый взгляд на вещи позволил Писемскому осознать антинародную сущность крестьянской реформы 1861 г. Скептическое отношение Писемского к правительственным начинаниям, отсутствие иллюзий в понимании самого характера реформы было отмечено еще Анненковым в воспоминаниях о Писемском и расценено как «оригинальная и самостоятельная черта» его мировозарения. «Писемский был совершенно свободен от розовых надежд, которые возлагались на освобождение крестьянского населения, не доверял обещаниям множества благ, имеющих произойти от одного "свободного" труда, и не приходил в восторг при мысли, что с эмансицацией прибывает на Руси несколько миллионов полноправных граждан и собственников (...) "Освобождение" казалось ему необходимостью для страны потому, собственно, что оно — освобождение — и дает способ каждому найти свой образ и превратиться из старой, бесформенной $\partial y uu$ в определенную личность» (А и и е и к о в, 1960, стр. 508). Но трезвое понимание сущности реформы 1861 г. отнюдь не сблизило Писемского с революционно-демократическими позициями Чернышевского и Добро-

любова, а, наоборот, усилило его консервативные настроения.

² В «Библиотеке для чтения» (1861, № 1—3) Писемский печатал свои фельетоны под названием «Мысли, чувства, воззрения, наружность и краткая биография статского советника Салатушки». В них Писемский нападал на радикально настроенную молодежь, клеветнически характеризовал «Современник», как журнал, выражающий интересы высшего чиновничества, и грубо намекал на личные отношения Некрасова

с А. Я. Панаевой.

³ Отзыв Тургенева о «Старческом грехе» неизвестен. Писемский имеет в виду статьи об этой повести М. де-Пуле в «Русской речи» (1861, № 22, стр. 333—336) и Н. Сведенцова в «Светоче» (1861, № 3, отд. III, стр. 1—20).

4 О болезни Боткина Тургенев писал Герцену 31 января/12 февраля 1861 г. из

Парижа: «Боткин третьего дня сюда приехал и — представь — почти слепой! Я боюсь, не та же ли самая болезнь у него, какая была у д'Убри — а именно размягчение мозга. Он очень ослабел; сегодня везу его к Рейе».

^{*} Последняя фраза вписана позднее. — $Pe\hat{\sigma}$.

«Петербург. 24 мая/5 июня 1861 г.»

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Пишу к вам письмо это, сбираясь в деревню: поручения ваши все исполнил — у Печаткина мне донесли, что «Библиотека для чтения» к вам началась высылаться, но только не на имя Николая Николаевича 1, а на ваше. Как прикажете: изменять ли сие или нет? У Вольфа 2 мне тоже объявили, что «Kladderadatsch» в ашей тетушке доставляют — в удостоверение чего и хотели доставить мне почтовую расписку. После вашего отъезда 4 мы имели еще удовольствие: бедный Поль наш выдержал нарыв в ухе, но, слава богу, что скоро и благополучно кончилось.

Что, как ваши вотчины — не дурят ли?.. Слухи отовсюду весьма неблагоприятные. Я еду в деревню и, вероятно, буду свидетелем таких сцен, в которых в самом милом виде выйдут обе стороны 5. До свиданья. Писать более нечего. Да хранит вас бог.

Ваш А. Писемский

24 мая 1861

- Н. Н. Тургенев дядя писателя, управлявший его имением в с. Спасском.
 М. О. Вольф в эти годы издавал сочинения Писемского; вероятно, тома этого
- издания и посылались Тургеневу.

3 «Kladderadatsch»— политический и сатирический журнал, издававшийся в Берлине (1848—1944). Основатель — Давид Калиш (Kalisch).

⁴ Тургенев 5/17 мая выехал из Петербурга в Москву, а затем в Спасское.

5 В деревне Писемский, действительно, оказался свидетелем крестьянских бунтов, вызванных реформой. Сцены этих бунтов позднее отразились в романе «Взбаламученное море».

24

⟨Печуры. 3/15 июля 1861 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Более месяца, как я пребываю в деревне, поехал отдохнуть, успокоиться, поработать, а между тем снова наскочил на болезни: бедная жена с самого первого дня приезда заболела острым ревматизмом (точь в точь как прошлого года я был болен). Теперь хотя тяжкое время болезни миновалось, но очень еще слаба и весьма малый имеет аппетит. Что я перенес в это время и сказать не могу: мы живем верст за 50 от города, следовательно, и от всякой помощи; для того, чтобы послать и привезти доктора (и то какого, бог еще весть), для этого надобно употребить два дни, да два дни потом на то, чтобы привезти прописанные им лекарства, и ко всему этому еще отовсюду окружающий вас крестьянский вопрос, по милости которого из русского человека так и лезут разного рода таящиеся в нем мерзости, как-то: тупость, мелкое своекорыстие, подлое вольничание, с одной стороны, когда узду несколько поотпустили, а с другой-злящаяся, но уже беззубая власть - словом, каждый день самые отвратительные и возмутительные сцены 1. Да хранит вас бог! Напишите хоть строчку. Адрес мой: в Костромскую губернию на Воронскую станцию, в усадьбу Печуры.

Весь ваш А. Писемский

3 июля

Датируется 1861 г. на основании содержания письма.

¹ См. прим. 1 к письму 22 и прим. 5 к письму 23.

⟨Петербург. 22 января/3 февраля 1862 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Тысячу лет я и сам не писал к вам и от вас не имел весточки. Обо всем, что происходило за последнее время в Петербурге, вы, вероятно, знаете уже из тысяч уст. После царства путятинского 1 теперь запахло другим воздухом и теперь идут толки об изменении цензуры и, между прочим, по этому случаю спрашивают и литераторов 2: как и что они, и желают ли иметь над собой не предварительную, а карательную цензуру, итак, мой бесценный, мы, может, даже доживем и до того, что снесем наш труд в типографию без цензурной подписи. Сначала, разумеется, будет скверно, но, во всяком случае, я полагаю, что это должно поднять умственный уровень литературы.

У меня приготовлен для вас экземпляр Полного собрания моих сочинений 3, но я его не посылаю и намерен вам вручить его при вашем возвращении в наши объятия. Но мне хотелось бы переслать экземплярчик для Деляво 4, но я не знаю его адреса, а потому позвольте мне это сделать

через вас.

В пользу Фонда мы читали и теперь будем играть на театре 5.

Островский написал драму «Минин», о которой я ничего вам не скажу, а прежде хочу слышать от вас; она будет напечатана в генварской книжке «Современника» 6. Я всего нынешний год согрешил маленьким рассказцем «Батька», который напечатается в «Русском слове» 7. Но что же ваш роман? 8 Хотели дать мне прочесть его в рукописи. Я обращался об этом к Анненкову, но он мне сказал, что он ничего не знает и не ведает. Прощайте, мой дорогой Иван Сергеевич, да хранит вас бог. Когда вы вернетесь из вашей милой Франции?

> Душою вам преданный А. Писемский

1862 года генваря 22

¹ Евфимий Васильевич гр. *Путятин* (1803—1883) — адмирал, генерал-адъютант; с 28 июня по 25 декабря 1861 г. был министром народного просвещения. Во время своей деятельности он требовал запрещения журнала «Русское слово», проектировал передать цензуру в Министерство внутренних дел и временно закрыл Петербургский университет. По словам Герцена, Путятин был противником «воскресных школ, открытых заведений, женского образования, светской науки» («Колокол», 1861, л. 109, 15 октября; Герцен АН, т. XV, стр. 164).
25 декабря 1861 г. министром народного просвещения был назначен А. В. Голов-

нин. См. о нем стр. 67-68 настоящего тома.

² Петербургскими и московскими литераторами в конце 1861 г. была составлена коллективная «записка» об улучшении положения печати и подана через П. А. Валуева в Междуведомственный комитет, решавший вопрос о передаче цензуры из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел (эта передача была осуществлена в 1863 г.). Текст «записки» напечатан в кн.: М. К. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, стр. 59—82. Писемский принимал участие в обсуждении содержания этой «записки» (см. его письмо к Краевскому— Писемский, стр. 145).

³ Об издании сочинений Писемского — см. прим. 5 к письму 20.

4 Ипполит Делаео — французский критик и переводчик. Переводил сочинения Тургенева, Герцена, писал статьи о Писемском, Некрасове, Аксакове и др. («Revue

des deux mondes» за 1854—1858 гг.).

5 Речь идет о литературных чтениях и спектаклях, организованных Литературным фондом. 2 января с чтениями своих произведений выступали Некрасов, Горбунов, Майков; 6 января на литературном вечере в пользу народных школ принимал участие Писемский; 15 января с чтением ненапечатанной еще пьесы «Козьма Минин» выступал Островский; 27 января состоялся любительский спектакль в пользу Фонда, Писемский играл в сцене Гоголя «Тяжба» («Северная пчела», 1862, № 6 и 34, 7 января и 4 февраля).

Пьеса Островского «Козьма Минин» была закончена 9 декабря 1861 г. и напечатана в «Современнике» 1862, № 1. Тургенев писал Н. В. Щербаню 26 февраля/10 марта

1862 г.: «"Минин" обманул мои ожидания: язык — удивительный, но нет ни драмы, ни живых характеров. Самое лучшее — лирические места».

7 Рассказ Писемского «Батька» был закончен в октябре 1861 г. и напечатан в «Рус-

ском слове», 1862, № 1.

8 Писемский имеет в виду роман Тургенева «Отцы и дети», оконченный 30 июля 1861 г. (опубликован в «Русском вестнике», 1862, № 2). См. о нем также далее п. 28.

<Петербург. Февраль 1862 г.>

Мой дорогой Иван Сергеич!

Невдолге опять к вам пишу; до вас еще, может, не дошло, что на меня здесь поднялся целый кагал. «Искра» напечатала на меня такую статью, какой еще и примера в литературе не было-по дерзости и нахальству тона. Дело произошло из-за следующего обстоятельства: вы знаете, как меня уже издавна ненавидит «Современник», но прошлого году и в декабрьской книжке нынешнего года «Библиотеки для чтения» я позадел их издателей, но позадел так, что, по признанию их самих, очень весело и совершенно почти безобилно. Но это было только видно на словах, но в самом деле злоба только была затаена, и вот один из клевретов их, какой-то выгнанный, говорят, попович из службы, некто Елисеев, написал по поводу этого фельстон на меня более, чем брань; заставили то же сделать какого-то дуралея — фельетониста «Северной пчелы», и скоро, вероятно, появится о том же и в «Современнике». Словом, заругают насмерть. Некоторые не враждебные мне редакции и литераторы хотят, говорят, подать протест, а в отношении вас мне советовали вам написать обо всем и просить вас написать по поводу этому и вообще обо мне письмо в «Петербургские ведомости», где оно сейчас же и будет напечатано. Написать тоже не надо медлить. Но если это найдете со своей стороны почему-либо неудобным, то и не делайте. Я, признаться сказать, не стал бы и писать вам этой просьбы, да приятели утверждают, что это необходимо сделать, и вашему раздавшемуся за меня голосу посильнее публика поверит, а без того ведь она у нас матушка — дура. Отвечайте, бога ради, мне поскорей. Мой фельетон вы найдете в декабрьской книжке «Библиотеки для чтения», а ругань «Искры» в 5-м или 4-м № за нынешний год. В фельетоне моем я посмеялся никак не над началами, как они стараются растолковать, а просто как эти начала еще безобразно и несостоятельно проводятся в обществе нашем. Словом, у всех этих мерзавцев видимая стачка, подкуривать никуда негодному, по-моему, современному молодому и по преимуществу петербургскому поколению и ругать все остальное, а потом, опираясь на подписку, бесчинствовать как только возможно 1.

Ваш Писемский

P. S. Письмо мое, по прочтении, изорвите. Буду ждать с нетерпением вашего ответа. Вот награда русскому писателю: около 20 лет трудов, после которых почти нищий и оплеванный первым выскочившим гаером, и публика остается ко всему этому совершенно равнодушною.

Письмо датируется февралем 1862 г. по содержанию.

1 Статья «Искры» (1862, № 5, 2 февраля), обвинявшая Писемского в пособничестве реакции (автор ее — Г. 3. Елисеев), была ответом на его фельетон, опубликованный в декабре 1861 г. в «Библиотеке для чтения» (за подписью: «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов»). «Никогда еще русское печатное слово,—писала «Искра»,— не было низведено до такого позора, до такого поругания». «Северная пчела» (1862, № 23, 24 января) в разделе «Петербургское обозрение» квалифицировала фельетон Писемского как «циничное глумление над всем честным и хорошим». Писемский, почувствовав себя оскорбленным и униженным, попытался организовать общественное мнение в свою защиту. С его согласия, а может быть и по его инициативе, группа близких ему лиц подготовила протест против статьи «Искры». Писемский сам собирал подписи под этим протестом (см. его письмо к Островскому от / февраля 1862 г. — П и с е м-с к и й, стр. 149). Протест. написанный «не очень резко», подписали: Краевский, Майков, Кушелев-Безбородко. Потехин, Благосветлов, Гончаров и некоторые другие. Газета «Русский мир» (1862, № 6, 10 февраля) поторопилась печатно объявить, что сотрудники «Современника» также присоединились к протесту. Тогда Некрасов, Чернышевский, Панаев, Пыпин, Антонович поместили в «Искре» (1862, № 7, 16 февраля) ответ, опровергавший это измышление «Русского мира». Публикация протеста в защиту Писемского не состоялась. Писемский пытался заручиться поддержкой Тургенева. Однако Тургенев не счел нужным вмешиваться в эту историю. Писемский ответил своим врагам новыми фельетонами («Ответ Никиты Безрылова своим врагам — фельетонисту "Северной пчелы" и хроникеру "Искры"». — «Библиотека для чтения», 1862, № 1 и 2). Вся эта история, крайне неприятная для Писемского, закончилась вызовом его на дуэль издателями «Искры» Курочкиным и Степановым. Дуэль не состоялась. Подавленный этими событиями, Писемский вскоре уехал за границу, а затем по возвращении, отказавшись от редактирования «Библиотеки для чтения», переехал в Москву.

27

<Петербург. 20 февраля/4 марта 1862 г.>

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Вот вам экземпляр для Деляво; ваш экземпляр дожидается вас в Петербурге ¹. Мое пакостное дело, о котором я писал вам в последнем письме, приняло еще более худший для меня оборот: несколько друзей и сторонников моих решились было на первых порах подать протест против выходки «Искры», но потом и струсили и, уже подписавшись в числе 30 и более человек, стали отказываться от своих подписей и таким образом нанесли мне новое оскорбление - все это меня потрясло до глубины души — если бы вы были в Петербурге, при вас бы этого, я думаю, не случилось: постыдились бы! ² Партия «Современника» в полном торжестве чтобы большими устами изрыгать ругательства, она вошла теперь в стачку с вшивой «Искрой», и этого мало: отрыгнула от себя еще несколько юных отпрысков, которые купили лопнувший «Век» Вейнберга ³,— и все это громогласно и во всеуслышание грозит уничтожать авторитеты и прежде всех меня, Гончарова и вас! и знаете ли что? Они хоть и временно, но достигнут этого! Публика наша так глупа, так привыкла верить иечатному слову, тем более, что они после двух слов третье обыкновенно говорят: мы прогрессисты, самые передовые, самые крайние. Можете судить, какое бешенство способна возбудить вся эта нахальная ложь, но против которой нельзя, однако, прямо идти благодаря нашей цензуре.

Едва только дописал я эти строчки, как мне пришли и сказали, что Панаев умер одночасно ⁴; присутствие трупа в этой разбойничьей шайке (а это уж другой на каких-нибудь месяцах ⁵) смыкает мои гневные и оскорбленные уста: да простит им бог всем; может быть, они и не ведают, что творят! Обнимаю вас заочно; жена и дети вам кланяются. Пришлите мне, бога ради, портрет ваш фотографический, но только портрет, а не карточку. Пожалуйста, пришлите. Насчет умолчания моего о «Минине» ⁶, так оно очень просто: это, по-моему, и не «Минин», и не драма, и не хроника, а так себе, упражнение Александра Островского в стихотворной форме и упражнение, если хотите, довольно искусное. Это ни дать, ни взять, как «Король Лир», сыгранный Садовским ⁷: слава богу и то, что вышло не смешно! До свидания. Изорвите и это мое письмо.

Весь ваш Писемский

20 фев (раля > 1862

P. S. «Батьку» в посылаю для вас и для Деляво. Посылаю еще мой фельетон и ругательство на него в «Искре» в, все это в тюке с моими сочине-

ниями. Посылаю не в переплете — потому что если Деляво вздумается из всего этого что-нибудь перевести, так с переплетенной книгой неловко возиться.

Надпись Деляво нарочно сделана по-русски, так как он знает этот язык, или нет: жена посоветовала написать по-французски.

КАРИКАТУРА НА А. Ф. ПИСЕМСКОГО — АВТОРА РОМАНА «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»

Гравюра неизвестного художника «Oca», 1863, N 6

Речь идет о сочинениях Писемского. См. письмо 25 и прим. 3 и 4 к нему.

² См. прим. 1 к письму 26.

³ «Век» в 1861 г. издавал П. И. Вейнберг с А. В. Дружининым, К. Д. Кавелиным и В. П. Безобразовым. В начале 1862 г. они передали журнал артели прогрессивных и революционно-демократических деятелей, возглавлявшейся Г. З. Елисеевым, Н. В.-Шелгуновым, Н. А. Серно-Соловьевичем и др. (см. Б. П. Козьмин. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». М., 1933, стр. 11—38).

4 И. И. Панаев умер в ночь с 18 на 19 февраля 1862 г. Ср. с откликом Тургенева на смерть Панаева: «Бедный Панаев умер... Я пожалел о нем как о старом товарище» (письмо к Достоевскому от 2/14 марта 1862 г.).

5 Писемский имеет в виду смерть Добролюбова (17 ноября 1861 г.).

6 Об исторической пьесе Островского «Козьма Минии» см. письмо 25 и прим. 6 к нему.

письма тургенева

- ⁷ Пров Михайлович Садовский (1818—1872) был первым исполнителем роли Анания Яковлевича в «Горькой судьбине». Писемский был с ним очень дружен. Григорович в своих воспоминаниях рассказывает об истории исполнения Садовским роли короля Лира: «Актер П. М. Садовский, приятель Островского и его друзей, был превосходный комик; его стали уверять, что он не понимает значения своего таланта, что в нем скрывается замечательный трагический талант; основываясь на этом, его заставили играть короля Лира. Садовский поверил и оказался в этой роли ниже всякой критики» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. ⟨М.⟩, Гослитиздат, 1961, стр. 135).
 - ⁸ О рассказе Писемского «Батька» см. письмо 25 и прим. 7 к нему.

9 См. об этом письмо 26 и прим. 1 к нему.

28

⟨Петербург. 8/20 марта 1862 г.⟩

Мой бесценный Иван Сергеевич!

Сейчас только прочел вашу повесть и спешу под свежим и хоть, может быть, несколько ошибочным, но во всяком случае совершенно искренним впечатлением писать к вам: с вами можно говорить откровенно! О море прелестных и до бешеного восторга доводящих вещей и упоминать нечего --- лучше начну с укора: как вам не грех было не дать мне в рукописи прочесть; я бы на коленях стал умолять вас, чтобы любимого вами $\mathit{Basaposa}$ вы сократили наполовину; потому что, мой дорогой, в жизни это лицо живое, а у вас он вышел совсем деланный, и вышло это оттого, что на него бог знает сколько положено красок и красок внешних: к чему все эти лягушки?.. к чему эти разговоры о химии? ведь Грушницкий у Лермонтова меньше хвастается своей храбростью, чем ваш Базаров своим материализмом и демократизмом. Покуда вы в душу его не ввели страсти, он приводил меня в бешенство,— потому что он тут $\partial y pa\kappa!/$. а автор еще под каждой почти фразой подписывает: смотрите, какой умница! тогда как эти же самые фразы, употребленные с большею осмотрительностью и уменьшенные до 8-й части, имеди бы смысл. Кому вы из ваших друзей читали, как они вам этого не сказали?.. Они или предатели или полнейшие пониматели!!! Что такое Базаров — немножко мужиковатый, но в то же время скромный, сдержанный честолюбец, говорящий редко, но метко, а главное, человек темперамента — вот ведь вы что хотели вывести, а у вас во всей первой половине повести вышел фразер, — который как бы на каждом шагу опасается, чтобы читатель не принял его за кого-нибудь другого, и беспрестанно повторяет одну и ту же фразу, на разные только манеры, и что для меня досаднее всего — сократите его в первой половине повести, стушуйте до полусвета — и вышло бы прелесть!!!

Когда я написал эти строки, мне пришло в голову, что не хотели ли вы тут показать, что материализм самого искреннего его служителя есть только фразы? — Объясните мне это, и во всяком случае мне кажется, что несправедливо: Базаров не влюбился в Одинцову, а он на нее разъярился, ему хотелось ее употребить, как хотелось потом употребить и Феничку.

Я хватаюсь и сержусь за этот тип, потому что он мне дорог — я сам этой породы людей и глубоко убежден, что любовь есть не что иное, как органическое стремление к соитию одного пола к другому, а все, что любовью-то называется, есть не что иное, как ощущение наших тончайших нерв — любострастие, как голод и жажда, чувствуется не одними половыми органами, а всем нашим организмом, вст откуда проистекает наслаждение глядеть друг другу в очи, пожимать друг у друга руку, целоваться, обниматься, щупаться и т. д. Напишите мне, бога ради, о Базарове длинное объяснительное письмо. Что касается до всех прочих лиц, они, по-моему, безукоризненны, за исключением славянофила, который не-

письма тургенева

КАРИКАТУРА НА А. Ф. ПИСЕМ-СКОГО — АВТОРА РОМАНА «ВЗБА-ЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ» И ТРАГЕ-ДИИ «САМОУПРАВЦЫ»

> Гравюра Ф. Фрейнда «Искра», 1866, № 13

Ppas. Opeimos.

Къ началу весениято селона благополучно прибыла изъ Моским нъ Петербургъ муза постайшей транедін, Только что прівхань съ дорого, муза не успіла еще принарядиться и очистить грязи, оставленной на ней избаломученниять поремъ.

сколько карикатурен; но что меня в телячий восторг привело, так это княгиня Р.— как вам не грех мимоходом бросить этот тип, по-видимому, вами вполне сознанный и с какой, боже ты мой, жизненной (силой).

И знаете что вообще, мой дорогой Иван Сергеич, нам всем — и вам, и мне, и Островскому, и Гончарову — пришла пора обращать взгляд назад и писать исторические вещи, не так, разумеется, далеко закидывая его, как Островский в «Минине», а то, пожалуй, оттуда только и услышишь, что колокольный звон да «господи, помилуй». Нет, писать о том времени, которое нами самими прожито — положим, что из этого уже не выйдет модных вещей, но зато выйдут вещи более глубоко понятые и более искренно сознанные и, должен сказать, более нужные для истории. Да хранит вас бог. Изорвите мое письмо: о впечатлении вашего Базарова я никому в мире не скажу, кроме вас; а то у вас и без того много врагов и завистников; des reconnaissants! *

Весь ваш Писемский

8 марта 1862 Петербург

В создании Инсарова вы не договорили, а в Базарове — переговорили. Еще вопрос: зачем Базаров заразил себя и нарочно ли это сделал или нет и что вы этим хотели сказать?

¹ Касаясь оценки Писемским романа «Отцы и дети», Тургенев в письме к Достоевскому от 18/30 марта 1862 г. заметил: «...еще на днях Писемский (но это между нами) писал мне, что лицо Базарова совершенно не удалось». Взгляд Писемского на Базарова как на «немножко мужиковатого, но в то же время скромного, сдержанного честолюбца» абсолютно не соответствовал тургеневскому замыслу, воплощенному в образе главного героя романа. Писемский увидел в Базарове «фразера», в то время как, помысли Тургенева, отвращение к фразе должно было составить одну из определяющих черт его натуры. Интересно, что Писемский воспринял Базарова, как «любимого» Тургеневым героя.

^{*} признательных! (франц.).

«Петербург. 12/24 января 1863 г.»

Мой дорогой Иван Сергеич!

Спасибо вам за ваш добрый отзыв о моем романе 1. Сам я не знаю, худо ли, хорошо ли он выйдет, но могу сказать только то, что ни одной из моих вещей (после «Брака по страсти» 2) я не писал с таким увлечением и так проворно, как этот роман.

Насчет вашей повести 3, предназначенной для «Время», я говорил с Катковым ⁴. Он с великим удовольствием желает получить ее и затем поручил мне вам сказать: если вы сердечно желаете поместить во «Время», так, конечно, можете ожидать его разрешения, но ежели только связаны словом, то оно, с прекращением журнала, для вас нисколько не обязательно!

Я с своей стороны такожде понимаю, да и «Время», между нами сказать, такие же ёрники, как и «Современник»; «Русский вестник» всех их и умней и честней!

Я поживал бы недурно, но болезнь жены тянется, или, по крайней мере, она до такой степени еще слаба, что едва бродит по комнате.

Все мы ждем войны и твердо решились: сами пасть костьми, но не давать уж более подлой Европе и дуре Польше над собой надругаться—с домашней революционной сволочью справились уж окончательно: начинают уж отказываться от своих доктрин 5.

До свиданья, мой добрый и дорогой Иван Сергеич! Напишите об себе хоть еще несколько строчек.

Ваш Писемский

12 генв (аря > 1863

Речь идет о романе «Взбаламученное море», над которым Писемский в это время работал. Роман печатался в «Русском вестнике», 1863, № 3-8. Замысел романа оформился у Писемского еще за границей после встречи с Герценом в Лондоне. Лето и осень 1862 г. Писемский напряженно работал над романом. В ноябре он читал законченные главы в редакционном кружке «Библиотеки для чтения». В январском номере этого журнала был напечатан отрывок из романа — глава «Иона Циник».

Тургенев мог знать о романе по отзывам друзей. Писемский в тот момент придавал роману очень большое значение. «Роман этот есть дело всей моей жизни: худо ли, хорошо ли он выйдет, но мне уж лучше и сильнее не написать» (письмо к Б. Н. Алмазо-

ву от 15 ноября 1862 г.— Писемский, стр. 153).

² Повесть «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» припадлежит к числу ранних произведений Писемского. Она была опубликована в «Москвитянине», 1851, № 4—7.

³ Писемский имеет в виду рассказ Тургенева «Призраки». Рассказ появился не в журнале «Время» (он был запрешен в мае 1863 г.), а в «Эпохе» (1864, № 1). См. о нем далее письмо 34.
4 См. прим. 4 к письму 30.

⁵ В ночь с 22 на 23 января с.с. 1863 г. в Польше началось вооруженное восстание. Левое, наиболее прогрессивное крыло восставших возглавлялось З. Сераковским, Я. Домбровским и др., тесно связанными с русским революционно-демократическим движением, находившимся под идейным влиянием Чернышевского. Отсюда — такая пенависть в словах Писемского. В связи с польским восстанием наступило осложнение в отношениях между Россией, с одной стороны, и коалицией европейских держав во главе с Францией и Англией, с другой. Хотя правительства этих стран не желали вновь идти на военный конфликт с Россией и ограничивались дипломатическими выступлениями, общественное мнение и печать Франции и Англии решительно требовали вооруженного вмешательства в польские дела. В этой напряженной обстановке угроза возникновения войны казалась многим вполне реальной. Тургенев из Парижа писал Фету и И. П. Борисову 7/19 апреля 1863 г.: «Не в состоянии вам передать, до какой степени меня мучат польские дела... Здесь все готовятся к войне».

(Петербург. 19 февраля/3 марта 1863 г.)

Бесценный и дорогой Иван Сергеич!

Тысячу лет я к вам не писал все потому, что все это время писал роман, которого и сочинил, ни много ни мало, 6 частей 1. Отдаю я его в «Русский вестник», так как по духу подходит к оному, да и сам, вероятно, перееду в Москву, так как с «Библиотекой для чтения» покончил: ее купил у Печаткина Боборыкин (юный писатель), который сам, разумеется, будет и редактор 2. Я в полнейшем восторге, что отвязался от этого щекотливого положения и что переправляюсь в Москву 3. Петербург я всегда не очень жаловал, а теперь он мне совершенно опротивел. В Москве я, вероятно, совершенно пристроюсь к «Русскому вестнику» 4. Когда вы вернетесь к нам? Приезжайте — как мне хочется повидаться с вами, и сказать того не могу, а главное, прочесть бы и посоветоваться насчет романа — штуку решительную написал... Вся петербургская литературная сволочь поднимется на меня. Да хранит вас бог. Писать больше некогда: надо поправлять свой труд.

Ваш А. Писемский

19 февраля 1863

¹ Речь идет о романе «Взбаламученное море».

² П. Д. Боборыкин сотрудничал с 1860 г. в «Библиотеке для чтения», а в феврале 1863 г. купил журнал у его прежнего издателя В. П. Печаткина. Боборыкин в 4-й и 5-й главах своих восноминаний рассказывает о встречах с Писемским (П. Д. Б о б ор ы к и н. За полвека. Ред., предисловие и прим. Б. П. Козьмина. М.—Л., 1929, стр. 142—154, 204, 209—210).

³ См. прим. 1 к письму 26.

4 После переезда в Москву Писемский более года заведовал литературным отделом в «Русском вестнике». Но уже 25 августа 1864 г. он написал Краевскому о том, что разошелся с Катковым «по причинам, зависящим от него и от меня» (П и с е м с к и й, стр. 170). Позднее, 8 мая 1866 г., в письме к Тургеневу Писемский так охарактеризовал эти причины: «...с первых же дней у нас пошло как-то неладно: видимо было, что они привыкли к какому-то холопскому и подобострастному отношению своих сотрудников и что им более нужен корректор, чем соредактор — чем дальше шло, тем натянутее и несноснее становились наши отношения, так что мы почти одновременно и к обоюдному удовольствию решили прервать их» (П и с е м с к и й, стр. 203).

31

⟨Москва. 4/16 июня 1863 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеич!

Давно я не писал к вам, но причина тому та, что все это время и даже до сих пор я занят разного рода хлопотами. Письмо это пишу я к вам уже из Москвы 1, с дачи в Петровском парке, куда я уже переехал, а семья осталась еще в Петербурге, потому что жена больна (она нынешнюю весну выдержала опять острый ревматизм). Можете судить, как-то мне легко жить врозь с больной, но не ехать не мог, во-первых, потому что роман мой «Взбаламученное море» начал печататься в «Русском вестнике», а во-вторых, я принял в «Вестнике» заведование литературным отделом 2. Оттиск романа моего я послал бы к вам, но В. П. Боткин утешил меня известием, что в июне вы сами приедете в Москву 3. Из литературных дел вы, конечно, многое знаете. Катков действует героем, и одно можно сказать, воодушевляет страну в теперешнее тяжелое для нее время. Мы все хотим <? > в этом случае помогать ему в его святом деле 4. (Одним анонимным письмом его уведомили, что Революционный комитет оценил его голову в 15 тысяч серебр (ом)).

¹² литературное наследство, т. 73, кн. вторая

О том, какую мерзость представляет петербургская литература, и говорить нечего. Это одна из причин, что я переехал из Петербурга. Ни с одним из этих господ я уже и встречаться не в состоянии. Хорош и здесь гусь Островский 5; желая подделаться к Некрасову, ругает меня, вас, Гончарова и оплакивает Панаева и Чернышевского 6— подлая кутейническая натура не выдержала-таки и заявила себя. Я с ним почти не випаюсь.

Пишете ли вы что-нибудь и дадите ли в «Русский вестник»?

Ваш Писемский

4 июня 1863

¹ См. прим. 1 к письму 26.

 ² См. прим. 4 к письму 30.
 ³ В 1863 г. Тургенев в Россию не приезжал. 8/20 июня из Баден-Бадена он просил Н. В. Щербаня прислать ему книжки «Русского вестника» с «Вабаламученным морем»: «Мне ужасно хочется прочесть роман Писемского»,— писал он. В июльских письмах к Щербаню Тургенев характеризовал «Взбаламученное море», как «отличную

вещь», роман, который ему «чрезвычайно нравится».

4 На страницах своих изданий («Русского вестника», «Московских ведомостей») Катков, выражая взгляды крайней реакции, требовал от правительства продолжения решительной борьбы с русским революционно-демократическим движением, сурового подавления польского восстания. Именно эти выступления Каткова Писемский расце-

нил как «святое дело».

5 Писемский, так же как и Тургенев, был близок с Островским. Первая повесть Писемского «Тюфяк» появилась в печати благодаря поддержке Островского. Комедию последнего «Свой люди — сочтемся» Писемский расценивал как шедевр, равный «Мертвым душам» Гоголя. Его письма к Островскому (их сохранилось около 70—см. П и с е мский, по указателю) свидетельствуют о дружеских связях между писателями. Однако, несмотря на дружеские отношения с Писемским, Островский не подписал протеста в защиту Писемского (см. прим. 1 к письму 26). В сложной обстановке начинавшегося разгула реакции, Островский, в отличие от Писемского, остался близок к «Современнику». Это, естественно, не могло не сказаться на личных взаимоотношениях его с Писемским, оказавшимся в эти годы в антидемократическом лагере.

⁶ Смерть Панаева и арест Чернышевского.

32

⟨Москва. 22 января/З февраля 1864 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеич!

Давным-давно я собираюсь написать к вам, но всё поджидал вас, по слухам, в Москву 1. Здоровы ли вы и покойны ли? А я как перебрался из проклятого Петербурга, решительно ожил и, кажется, помолодел лет на десять. О многом, о многом я желал бы с вами поговорить, но авось вы приедете хоть на несколько дней в Москву. Как вы поживаете в Питере: неужели продолжаете пускать к себе петербургских литераторов^{9 2} Они уж, кажется, и без того доказали вам свою любовь и благодарность!

Напишите мне хоть несколько строчек, а главное уведомите, приеде-

те ли вы в Москву и когда именно.

Мне же писать вам более нечего, но говорить, опять повторяю, надобно об целой душе моей, обо всем моем нравственном житье-бытье. Да хранит вас бог. До свиданья.

Ваш Писемский

Вся семья моя вам кланяется.

1864. Генваря 22 Москва

Адрес мой: на Новой Басманной, против Петра и Павла, дом Рябинина.

:4/16 января 1864 г. Тургенев приехал в Петербург, вызванный сенатской комиссией по делу «О лицах, обвиняемых в сношении с лондонскими пропагандистами». Дождавшись благополучного для себя решения Сената, Тургенев около 21 февраля/4 марта, не заезжая в Москву, уехал в Баден-Баден.

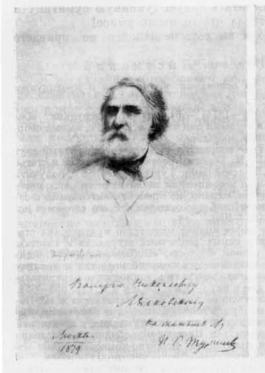
2 В Петербурге Тургенев встречался с Анненковым, Боткиным, Гончаровым, Полонским; из лиц, близких к «Современнику» — с Салтыковым.

33

(Москва. Конец февраля/начало марта 1864 г.)

Мой дорогой Иван Сергеич!

Я с месяц тому назад писал к вам и просил вас, чтобы вы хоть весточку дали об себе. Вероятно, письмо мое не дошло до вас. Напишите мне

СОЧИНЕНІЯ

H C TYPEREBA.

11844-1868.)

Urbante Spumpeb's Caparfiers.

ЛАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА В. Н. ЛЯСКОВСКОМУ

«Валерию Николаевичу Дясковскому на память от И. С. Тургенева. Москва. 1879»

Надпись наклеена на портрет писателя (офорт Э. Гедуина, Париж, 1868 г.), помещенный фронтисписом в первом томе «Сочинений» (M., 1869)

Литературный музей, Москва

«Кстати, будьте так добры—сходите к Салаеву и скажите ему, что портрет заказан у первого паршк-ского гравера Э.Гедуина...» (из письма Тургенева к И. П. Борисову от 16/28 ноября 1868 г.)

хоть строчки две: здравы ли вы, что поделываете и в каком нравственном настроении? Я же, собственно, имею к вам превеликую просьбу: есть у меня большой приятель Дмитриев 1, автор нескольких повестей; служит он в Питере, в почтамте, человек семейный и весьма нуждающийся в служебном повышении. Вы хорошо знакомы с Иваном Матвеичем Толстым 2. Отрекомендуйте сего Дмитриева Толстому как человека очень хорошего и могущего по его ведомству ему быть полезным, -- за все сии качества моего приятеля я ручаюсь моей головой. Дмитриев к вам явится; вы его примите и обласкайте, — он очень теплый и душевный человек.

Что касается до меня самого, то я просто блаженствую в Москве — вопервых, уже по одному тому, что совершенно не вижу литературной братии, совершенно не слышу разговоров об литературе, не вижу ни одного петербургского журнала, ни одной петербургской газеты, и только один темный гул доходит до меня, что все они почти единогласно ругательски разругали мой последний роман 3, и из всего этого случайно еще осенью попалась мне статейка нашего бесценного друга Павла Васильича Анненкова 4, прочитав которую я только воскликнул:

> Недаром Анненков богов языком пел: Из смертных бо его никто не разумел!

Как ему не стыдно до сих пор печатать такую туманную сумятицу и воображать, что публика примет это за что-то очень умное!

До свиданья, мой дорогой, неужели вы хоть не надолго не приедете в Москву?

Весь ваш Писемский

Датируется концом февраля 1864 г. на основании упоминания о предыдущем письме («с месяц тому назад»).

¹ Николай Дмитриевич Дмитриев (1824—1874) — беллетрист, сотрудник «Современника», «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения». В 1865 г. вышел сбор-

ник его рассказов под заглавием «Недалекое прошлое».

² Иван Матвеевич *Толстой* (1806—1867) — министр почт и телеграфа, личный друг Александра II. О знакомстве Тургенева с И. М. Толстым рассказал Анненков в статье «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым». Толстой помог Тургеневу в 1856 г. получить заграничный паспорт: «Человек этот оказывал несомненные знаки личного расположения и внимания к Тургеневу, сопровождаемые, однако, по временам выговорами и замечаниями, когда последний слишком легко и свободно относился к его словам и наставлениям» (Анненков, 1960, стр. 405—406).

³ Роман Писемского «Взбаламученное море» вызвал множество критических ста-

тей, рецензий, заметок, публиковавшихся в самых различных журналах и газетах: в «Современнике», «Колоколе», «Русском слове», «Голосе», «Библиотеке для чтения» и т. д. Их авторы с разных общественно-политических позиций подошли к анализу романа Писемского. Тем не менее общая оценка оказалась единодушно отрицательной. Библиографический свод этих статей дан в изд.: Писемский, стр. 653—654.

⁴ Статья Анненкова о романе «Вабаламученное море» была напечатана в «С.-Петербургских ведомостях», 1863, № 250, 9 ноября. Резкие критические замечания, высказанные Анненковым в статье, написанной, действительно, «туманно», с претензией на философскую глубину, не могли не показаться Писемскому обидными. Разделяя идейные установки Писемского, Анненков критиковал сюжетно-композиционное построение романа, односторонность и психологическую бедность некоторых образов, т. е. как раз то, что составляло силу Писемского-художника в прежних произведениях.

Писемский шутливо использовал текст эпиграммы П. А. Вяземского на поэта

С. С. Боброва — «К портрету Бибриса» (1810).

⟨Москва. Март? 1864 г.>

Мой дорогой Иван Сергеич!

Надежда увидеться с вами лично жестоко меня обманула — как вам не грех не побывать в Москве ¹, где вас, положительно можно сказать, гораздо искреннее и больше любят, чем в Петербурге; а про мое блаженство, что я не вижу литературных питерцев, и сказать не могу. За присылку «Призраков» ² спасибо, хоть самими призраками я недоволен: очень уж эфемерны, ни дать, ни взять, пирожное безе. Вероятно бы вы и печатать их не стали, если бы не эти клянчи Достоевские. Ждем от вас, мой дорогой, вашего «Довольно!» ³ «Русский вестник» совершенно уверен, что вы отдадите его им. Вы знаете, что я у «Вестника» заведую литературным отделом, и потому уже от себя прошу вас сделать это. Не меньше я вас лю_

блю, чем Достоевский. Напишите мне хоть несколько строчек. Адрес мой в редакцию «Русского вестника». Извините, что скверно пишу — тороплюсь. Хотелось было вам написать, что лично у меня на душе происходит, но и слов не нахожу — живу какой-то новою молодою жизнию. Соберусь с силами и напишу об этом особое письмо. Напишите ваш адрес. Письмо это пишу наугад в Париж, в poste restante.

Весь ваш А. Писемский

Письмо датируется временем отъезда Тургенева за границу (около 21 февраля/ 4 марта 1864 г.) и работой Писемского в «Русском вестнике».

¹ См. прим. 1 к письму 32.

² О «Призраках» — см. прим. 3 к письму 29.

³ Рассказ «Довольно» не был напечатан в «Русском вестнике». Впервые Тургенев опубликовал его в своем собрании сочинений, изд. бр. Салаевых (т. V, 1865).

35

⟨Москва. 24 октября/5 ноября 1869 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Я несказанно обрадовался полученной от вас весточкой¹. Сам же я, действительно, как вам писали, целый год был в хлопотах: сначала писал роман ², а потом строился и служил ³ и всем этим так отрепал свои нервы, что теперь по целым дням лежу, высуня язык и в страшнейшем нервном припадке; прежде от этого мне очень помогало лечение водой; но теперь боюсь его продолжать, потому что нынешним летом именно от этого лечения у меня началось довольно сильное сердцебиение; пожалуй, чего доброго, искусственным образом сделаешь у себя аневризм.

Что вам сказать нового? Печатные новости вы сами, вероятно, все читаете, а в самой жизни русской мало хорошего происходит: земство повсеместно оказалось крайне плохо; новые суды тоже неказисты и начинают уж, говорят, взяточки побирать, так указывают, например, на дело по духовному завещанию Зубовой... 4 Чёрт знает, правда это или нет, а грустно этому поверить. В Университете происходят страшные безобразия: Леонтьев, по своей дружбе с министром народного просвещения, которому он нужен как восхваляющий его газетчик,ворочает всей этой толпой старых и бездарных профессоров и в нынешнем году, дабы возвысить свой лицей в глазах публики, говорят, подбил и министра, и профессоров устроить строжайший поверочный экзамен, при котором ако бы и оказалось, что все гимназии никуда не годятся и поэтому надобно отдавать всех детей в катковский лицей, но публика сразу же раскусила это и в один голос вскрикнула негодованием и против профессоров, и против их заводчика ⁵. В мире же служебном теперь, говорят, идет в Петербурге страшная агитация против Потапова, который, как вы тоже, вероятно, читали, изменил в своем циркуляре смысл указа, повелевающего границ крестьянских земель, как они в настоящее время владеют, не изменять 6 .

Вот вам и все наши крупные новости. Я в конце ноября думаю ехать в Петербург порассеяться немного: Москва чересчур уж мещанский и скучный город.

Ребятишки мои оба уже студенты. Младший так же, как и старший, вышел из гимназии с золотой медалью и поступил на математический факультет. Благодарю вас за известие о переводе моего романа «Тысяча душ» 7. Будьте столько милостивы: пришлите мне один экземплярчик. Я ходил по поводу этого по здешним книгопродавцам и никакого толку от них не мог добиться, а также укажите, где были и отзывы об нем. Теперь еще один вам вопрос: в ваших воспоминаниях, помещенных в «Вестнике Европы» 8, сказано между прочим, что Белинский сильно бы порадовался

силе Островского. Сколько мне помнится, вы этого качества никогда не признавали за Островским 9. Не есть ли это переделка редакции журна ла, -- мне это ужасно любопытно знать. В ожидании вашего доброго и обязательного ответа остаюсь душевно и искренно вас любящий и ува жаюший

Писемский

1869 октября 24

1 Писемский имеет в виду письмо Тургенева от 27 сентября/9 октября 1869 г. («Новь», 1886, № 23, стр. 185—186).

² Речь идет о романе Писемского «Люди сороковых годов», который печатался в

журнале «Заря», 1869, № 1—9.

³ С 4 мая 1866 г. Писемский служил советником Московского губернского правле-

ния и очень тяготился этой службой.

4 По судебной реформе 1864 г. старые сословные суды были заменены новыми, общими для лиц всех сословий. О «деле по духовному завещанию Зубовой» «Московские ведомости» (1869, № 227, 18 октября) сообщали: «В "Судебном вестнике" пишут: "Знаменитое дело о завещании графини Зубовой грозит, кажется, сделаться таким же небывалым в процессуальном отношении, каково оно в денежном <...> Окружной суд, как известно, решил не утвердить завещание графини Зубовой и, признав сына ее, графа Платона Зубова, единственным наследником по закону, выдал ему исполнительный лист на получение капиталов, оставленных его матерью (4 мил. руб.) "». Но, несмотря на это решение, дело по завещанию графини Зубовой затянулось еще на много месяцев, неоднократно переходило из окружного суда в судебную палату и было решено в пользу ее сына лишь в 1870 г.

5 Павел Михайлович Леонтьев (1822—1875) — профессор Московского университета по кафедре греческой словесности, директор Лицея цесаревича Николая, помощник Каткова по изданию «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Весной 1869 г., с одобрения министра народного просвещения, Д. А. Толстого, Леонтьев подготавливал реформу среднего образования, вырабатывал новый устав гимназий. Эта реформа была проведена в 1871 г. В гимназиях за счет других предметов значительно усиливалось преподавание древних языков, в изучении которых Леонтьев видел спасение от материалистических и революционных идей; только окончившие классические гимназии получали право поступления в университет. В письме Писемского речь идет о событиях, подготовлявших эту реформу. Леонтьев в 1869 г. помещал в «Московских ведомостях» большое количество статей, по вопросам среднего образования.

 Александр Львович Потапов (1818—1886), генерал-адъютант, с 1868 г. генерал-ернатор Северо-Западного края. Террористическая политика, проводимая губернатор Северо-Западного края. Террористическая политика, проводимая в польско-литовских землях М. Н. Муравьевым и К. П. Кауфманом, подорвала экономику этих губерний, обострила политическую обстановку. Потапов попытался осуществить ряд мер, чтобы смягчить положение и устранить серьезные злоупотребления, имевшие место в чиновничьем аппарате. В связи с этим он особым циркуляром приостановил действие положения 26 марта 1869 г., закреплявшего за крестьянами земли, которыми они владели, и задержал выплату крестьянами поземельного налога за ту часть помещичьих земель, которая была предоставлена им по указу 19 февраля 1864 г. Эти меры встретили яростное противодействие в правительственных кругах и в реакционной печати. Последняя увидела в действиях Потапова посягательство на существовавшие законы и царские указы. «Московские ведомости» в течение нескольких месяцев вели «страшную агитацию против Потапова», о которой упоминает Писемский (см. «Московские ведомости», 1869, № 199, 206, 208, 215, 223, 13, 21, 24 сентября, 4 и 14 октября; 1870, № 2 и 3, 3, и 4 января). Патетически восклицая о «несокрушимом, ничем неподкупном русском духе», «Московские ведомости» негодовали по поводу изгнания «людей, испытанных в деле», писали о том, что «дух, который держал все в связи и давал людям силу и направление, оклеветан, обесславлен, поруган». Газета добилась своего: Потапов вынужден был отменить свое циркулярное распоряжение (см. А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. III, 1956, стр. 122, 134, 157, 159, 437 — 438, 443 — 447).

7 Роман Писемского «Тысяча душ» был издан в Берлине в переводе Кайслера (см. письмо Тургенева к Писемскому от 27 сентября/9 октября 1869 г.— «Новь», 1886,

№ 23, стр. 185).

8 Писемский имеет в виду «Воспоминания о Белинском» Тургенева, опубликован-

ные в «Вестнике Европы», 1869, № 4.

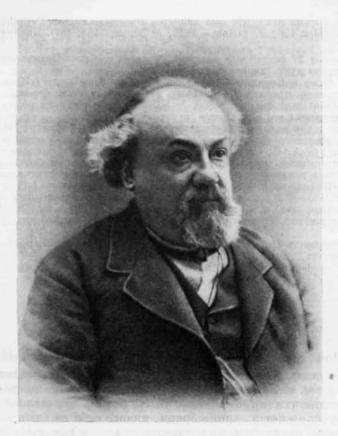
⁹ Тургенев в ответном письме от 9/21 ноября 1869 г. писал по этому поводу: «Вы удивляетесь слову "сила", употребленному мною при оценке Островского; но это слово в понятии моем относилось не к теперешнему Островскому, автору водянистых исторических драм и т. п.,— а к старому, прежнему Островскому, творцу "Своих людей" и др. Мне кажется, это слово mym было уместно» («Новь», 1886, № 23, стр. 186—187).

(Москва, Конец ноября/начало декабря 1869 г.)

Адрес мой: на Поворской' в Борисогле бском переулке' в собственном доме,

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Не знаю как и благодарить вас за ваше дружеское и доброе участие в моем германском успехе, и он мне тем еще дороже, что я стяжал его рядом с вами; вместе нас на родине нашей позорили и позорят до сих пор, и вместе на чужбине приласкали ¹. Мне бы очень хотелось, чтобы г. Кайслер перевел теперь «Взбаламученное море». В «Тысячи душах» все-таки

А. Ф. ПИСЕМСКИР Фотография М. М. Панова. Москва, конец 1870-х годов Литературный музей, Москва

Россия прежняя; но в «Взбаламученном море» нынешняя. И по этому поводу я желал бы написать ему, но не знаю куда ему адресовать; не научите ли вы меня как это сделать? Кто издатель перевода? Я бы написал письмо на имя издателя для передачи г. Кайслеру.

На этой неделе я еду в Петербург, где, не знаю, долго ли пробуду и где остановлюсь, а потому вы, мой дорогой Иван Сергеевич, продолжайте адресовать письма ваши в Москву, где у меня оставлен будет моим домашним строжайший приказ препровождать ваши письма немедленно ко мне в Питер, в котором, впрочем, я пробуду не более месяца. Мне по пре-

имуществу хочется, чтобы был переведен мой роман «Взбаламученное море», затем, чтобы в Европе явилась в истинном свете наша революционная партия, хуже и мерзей которой, я думаю, мир ничего не представ-

Об наших общественных новостях вы, я думаю, уже слышали и знаете, что в Университете московском вышла новая история: на 4-м курсе медики перестали ходить слушать Полунина за его маленький для профессора недостаток — за совершеннейший идиотизм, и их за это ни много ни мало выгнали 17 человек, и все это, говорят, сделано по приказанию того же прежнего заводчика, в доме у которого Полунин лечит 2.

Обнимаю вас и низко вам кланяюсь.

Писемский

Из текста письма ясно, что оно является ответом на письма Тургенева от 9/21 ноября и 14/26 ноября 1869 г. («Новь», 1886, № 23, стр. 185, 187). Йатируется на этом основании.

1 В письме от 27 сентября/9 октября Тургенев сообщил Писемскому о том, что его роман «Тысяча душ», переведенный на немецкий язык Кайслером, «имеет очень значительный успех в Берлине — и вообще в немецкой публике» («Новь», 1886, № 23, стр. 185). Тургенев прислал Писемскому хвалебную статью берлинского критика К. Френкеля («National Zeitung», 1869, № 501). Высоко оценивая роман Писемского, Френкель сопоставлял его с романами Тургенева.

² Речь идет о так называемой «полунинской истории». 17 октября 1869 г. студенты IV курса медицинского факультета Московского университета отказались слушать лекции профессора А. И. Полунина, «найдя, что Полунин проявляет недостаточное знакомство с предметом, читать который он взялся». Решением Совета университета 20 студентов были исключены из университета. Общественное мнение, как свидетельствует статья «Из современной истории Московского университета» («Вестник Европы», 1870, № 1, стр. 483—488), было на стороне студентов, находя решение Совета слишком жестоким. О связи этой истории с нечаевским делом — см. в кн.: В. И. О р л о в. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 171—172.

Алексей Иванович Полунин (1820-1888) — доктор медицины, профессор Москов-

ского университета, декан медицинского факультета.

Прежний заводчик — П. М. Леонтьев, См. о нем прим. 5 к письму 35.

(Москва. 16/28 декабря 1869 г.)

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Спешу отвечать на ваше письмено и поблагодарить за ваше пружественное участие в моем немецком успехе¹, который в настоящее время дороже для меня чем когда-либо мог быть, потому что в своей литературе вот уже несколько лет я, кроме брани, ничего себе не слышу. Салаев доставил мне ваши сочинения, за которые и приношу вам мою великую и великую благодарность 2. По поводу ваших воспоминаний я слышу очень много толков и что мне досадно, -- так это то, что и ваши друзья, и ваши враги не так их понимают; на первом плане, разумеется, стоит ваше объяснение касательно Базарова ³. Зная вас хорошо и зная как вы вообще искренни и не трусливы в том, что пишете, я глубоко убежден, что вы это написали потому только, что это так было на самом деле; но в публике, кажется, это иначе понимается: одних это объяснение огорчило, других порадовало; при личном свидании, впрочем, подробнее об этом потолкуем.

В Петербург я съездил очень дурно: приехал туда, заболел, пролежал больной в трактирном номере и возвратился в Москву, и вообще состояние моего здоровья плоховато, и, главное, служба меня волнует и тревожит 4, а оставить ее не решаюсь отчасти по недостатку материальных средств, хоть имею уже в настоящее время тысячи четыре годового дохода, но с семь-

имуществу хочется, чтобы был переведен мой роман «Взбаламученное море», затем, чтобы в Европе явилась в истинном свете наша революционная партия, хуже и мерзей которой, я думаю, мир ничего не представлял.

Об наших общественных новостях вы, я думаю, уже слышали и знаете, что в Университете московском вышла новая история: на 4-м курсе медики перестали ходить слушать Полунина за его маленький для профессора недостаток — за совершеннейший идиотизм, и их за это ни много ни мало выгнали 17 человек, и все это, говорят, сделано по приказанию того же прежнего заводчика, в доме у которого Полунин лечит 2.

Обнимаю вас и низко вам кланяюсь.

Писемский

Из текста письма ясно, что оно является ответом на письма Тургенева от 9/21 ноября и 14/26 ноября 1869 г. («Новь», 1886, № 23, стр. 185, 187). Датируется на этом основании.

1 В письме от 27 сентября/9 октября Тургенев сообщил Писемскому о том, что его роман «Тысяча душ», переведенный на немедкий язык Кайслером, «имеет очень значительный успех в Берлине — и вообще в немецкой публике» («Новь», 1886, № 23, стр. 185). Тургенев прислал Писемскому хвалебную статью берлинского критика К. Френкеля («National Zeitung», 1869, № 501). Высоко оценивая роман Писемского, Френкель сопоставлял его с романами Тургенева.

² Речь идет о так называемой «полунинской истории». 17 октября 1869 г. студенты IV курса медицинского факультета Московского университета отказались слушать лекции профессора А. И. Полунина, «найдя, что Полунин проявляет недостаточное знакомство с предметом, читать который он взялся». Решением Совета университета 20 студентов были исключены из университета. Общественное мнение, как свидетельствует статья «Из современной истории Московского университета» («Вестник Европы», 1870, № 1, стр. 483—488), было на стороне студентов, находя решение Совета слишком жестоким. О связи этой истории с нечаевским делом — см. в кн.: В. И. О р л о в. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 171-172.

Алексей Иванович Полунин (1820—1888) — доктор медицины, профессор Москов-

ского университета, декан медицинского факультета. Прежний заводчик— П. М. Леонтьев, См. о нем прим. 5 к письму 35.

37

(Москва. 16/28 декабря 1869 г.)

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Спешу отвечать на ваше письмено и поблагодарить за ваше дружественное участие в моем немецком успехе¹, который в настоящее время дороже для меня чем когда-либо мог быть, потому что в своей литературе вот уже несколько лет я, кроме брани, ничего себе не слышу. Салаев доставил мне ваши сочинения, за которые и приношу вам мою великую и великую благодарность 2. По поводу ваших воспоминаний я слышу очень много толков и что мне досадно, — так это то, что и ваши друзья, и ваши враги не так их понимают; на первом плане, разумеется, стоит ваше объяснение касательно Базарова 3. Зная вас хорошо и зная как вы вообще искренни и не трусливы в том, что пишете, я глубоко убежден, что вы это написали потому только, что это так было на самом деле; но в публике, кажется, это иначе понимается: одних это объяснение огорчило, других порадовало; при личном свидании, впрочем, подробнее об этом потолкуем.

В Петербург я съездил очень дурно: приехал туда, заболел, пролежал больной в трактирном номере и возвратился в Москву, и вообще состояние моего здоровья плоховато, и, главное, служба меня волнует и тревожит 4, а оставить ее не решаюсь отчасти по недостатку материальных средств, хоть имею уже в настоящее время тысячи четыре годового дохода, но с семьей этого мало, а кроме того, боюсь, что от бездействия еще более усилится во мне хандра, которая и без того уже мною иногда до того овладевает, что боюсь помешательства. До свидания, мой дорогой Иван Сергеевич!

Кайслеру я уже послал мой роман «Взбаламученное море» и «Горькую судьбину», а вместе с этим письмом высылаю оттиск и последнего моего романа «Люди сороковых годов» 5. Да хранит вас бог!.. Когда пере-едете в Веймар, напишите ваш адрес 6.

> Bam Писемский

Москва. Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом. Декабря 16 1869

1 Это письмо является ответом на письмо Тургенева от 9/21 декабря 1869 г.
 («Новь», 1886, № 23, стр. 187).
 2 В 1868—1869 гг. вышло новое собрание сочинений Тургенева в издании бр. Са-

лаевых (в семи томах).

- ³ Статья Тургенева «По поводу "Отцов и детей"», вошедшая в состав «Литературных воспоминаний», была опубликована в первом томе салаевского издания сочинений ных воспоминании», была опубликована в первом томе салаевского издания сочинении Тургенева (ноябрь 1869 г.). Она вызвала много противоречивых разговоров, особенно фраза: «Я разделяю почти все его убеждения». Тургенев писал Писемскому в следующем письме (27 декабря 1869/8 января 1870 г.): «Уж как же ругают меня за статейку по поводу "Отцов и детей"! Беда! Даже Анненков вознегодовал. Вы одни взглянули прямо, сказавши, что "верно так оно на деле произошло". — Могу уверить вас, что каждое слово в этой статейке — непреложная истина; а впрочем — пускай делают и думают, что хотят» («Новь», 1886, № 23, стр. 188).

 4 25 декабря 1869 г. приказом по Министерству внутренних дел Писемский был утвержиен стариим советником Московского губериского правления и служил в этой
- утвержден старшим советником Московского губернского правления и служил в этой

должности до июня 1872 г., когда вышел в отставку.

O романе «Люди сороковых годов» — см. прим. 2 к письму 35.
 В Веймар Тургенев выехал (из Баден-Бадена) 26 января/7 февраля 1870 г.

38

«Москва. 16/28 февраля 1870 г.»

Поварская, Борисоглебский пер., свой дом.

Мой дорогой Иван Сергеич!

Не могу и выразить вам, какую великую радость приносят мне всегда письма ваши; я хотел уже писать к вам в Веймар, но не знал вашего адреса—из письма вашего я вижу, что вы здоровы — да сохранит это благо бог на долгие и долгие годы для вас; но я никак этого не могу сказать про себя — здоровье, особенно со стороны желудка, кажется, керкнуло навсегда, а к этому положению прибавилась еще довольно сильно действующая в Москве холера, так что я теперь ни о чем ином и не помышляю, как сижу и жду смерти! За присылку отрывка из «Saturday Review» несказанно благодарю 1 — спасибо еще иностранным критикам, а то своя-то фельетонная челядь совсем уже заплевала!

Как вам понравилось извинение Каткова!.. Зачем и для чего оно ему понадобилось — он этим нанес себе большой вред. Все очень хорошо тут поняли, о каком государстве он хлопочет и какое положение хочет занять в этом государстве.

Здесь затевается новый журнал на деньги Кошелева и под редакцией одного моего приятеля Юрьева 3, человека отличнейшего, умного, но в высшей степени непрактичного. Что из этого журнала выйдет, трудно заранее сказать. Боюсь больше всего, чтобы он не принял славянофильского направления, сего старого и удушающего запаху, морящего теперь петербургскую «Зарю» с каждым номером все более и более.

Остаюсь, крепко пожимая вашу руку.

ваш Писемский

18 $\frac{16}{2}$ 70

P. S. Мои все вам кланяются.

Ответ на письмо Тургенева от 10/22 февраля 1870 г. из Веймара («Новь», 1886. № 23, crp. 188).

¹ Тургенев писал Писемскому в упомянутом письме: «Посылаю вам, любезнейший Алексей Феофилактович, прилагаемый отрывок из "Saturday Review", самой уважаемой критической газеты в Англии». Видимо, это была положительная рецензия

на перевод романа «Тысяча душ».

² В январе 1870 г. распоряжением министра внутренних дел А. Е. Тимашева «Московским ведомостям» было объявлено «первое предостережение». Поводом для этого явились передовые статьи газеты (1870, № 2 и 3, 3 и 4 января), в которых Катков, обозревая события прошедшего года, указывал на «хронически острые недуги» русского общества и обращал внимание правительства на рост главного «зла», то есть революционной опасности в России. Как указывалось в предостережении, эти статьи «изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положение дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству» («Московские ведомости», 1870, № 8, 11 января). Катков ответил на предостережение передовыми статьями в № 8 и 20, 11 и

25 января. Он заявил о своем беспрекословном подчинении «авторитету правительства», признавая вместе с тем, что «тон глубокого уныния» в его статьях был «погрешностью» и не выражал «общего состояния» его души. Эти «извинения» Каткова вызвали в обществе много толков. А. В. Никитенко в своем дневнике писал об «отзыве» «Московских ведомостей»: «...он наполнен таким смирением, покаянием, извинениями, которые совершенно несвойственны всему прошедшему этой газеты и характеру ее редакторов. Тут, верно, кроется какая-нибудь, как говорится, штука. Но какая? Вот в этом-то и штука. Не дано ли знать редакции под рукой от высшей власти, чтобы она не смущалась и не устрашалась и отнюдь не прекращала своих действий, только в более умеренном тоне?» (Запись 13 января 1870 г.— А.В. Н и к и т е н к о. Дневник в трех томах, т. III, стр. 166).

3 Александр Иванович Кошелев (1806—1883) — публицист славянофильского

направления; в 1871 г. стал издавать журнал «Беседа», просуществовавший до конца

1872 г.

Сергей Андреевич *Юрьев* (1821—1888), редактор «Беседы», бывший университетский товарищ и друг Писемского. Примыкая к славянофилам, Юрьев относился с симпатией и к западничеству, что вызывало нарекания на его журнал с обеих сторон. Юрьевым написан некролог Писемского («Русская мысль», 1881, № 2, стр. І—ІІ).

4 Журнал «Заря» выходил с января 1869 г. по февраль 1872 г. под редакцией

Н. Н. Страхова, издатель В. В. Кашпирев.

39

(Москва. 18/30 апреля 1870 г.)

Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом.

18 $\frac{18}{1V}$ 70

Мой дорогой Иван Сергеевич!

У меня уже изготовлено было письмо, чтобы отправить его к вам, как получаю письмо от вас с препровождением разных отзывов из немецких газет, за каковые и благодарю вас 1. Меня одно ужасно удивляет тутэто какая-то неудержимая ненависть к русским. Давно ли это появилось?.. В бытность мою за границей я ничего подобного не замечал, особенно между немцами. Или, может быть, они только в глаза русскому скрытничали. Все критики в ужас приходят от разного рода гадостей людских,

которые я описываю, и неужели же они думают, что если бы я так же хорошо знал их Германию, как Россию, так меньше бы этой дряни между ними нашел?

Что о себе вам сказать? Прежде всего то, что я все лето остаюсь в Москве и на дачу не переезжаю, а потому, как вы приедете в Москву, то сейчас пришлите мне сказать. Пописывать я пописываю мало² — старость уж приходит и недуги тела одолевают, кромеспокойствия, ничего уж, кажется,

ВЕЙМАР — STERNBRÜCKE (ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ)

Гравюра Г. Бринкмана

Из книги: A. Deizman. Weimar-Album. Blätter der Erinnerung an Carl-August und seinen Musenhof, Leipzig, s. a.

не желал бы другого в мире. «Пристани, пристани!» — вопию я моим духом, а пристани еще далеко не предвидится; да вряд ли я попаду когданибудь в нее до конца дней моих. Больше всего мне омерзела служба, а оставить ее нельзя, потому жить будет нечем! Утешаю себя единственною мыслию теперь, что в нынешнем году повидаюсь с вами, авось, вы недельки две пробудете в Москве 3. Здесь было распространился слух, что вы тяжко больны, так что я писал уже к Анненкову и спрашивал его об этом, и он меня уведомил, что вы здоровы, веселы и пишете ваш новый роман «Степной Лир» 4, вероятно. Одно уже название меня радует — дай бог вам успеха. У вас с годами все больше и больше прибавляется остроумия и соли, что так превосходно выразили в «Дыме».

Про кошелевский журнал я сам тоже ничего не могу сказать! Подождем,

что будет 5.

Дружески обнимаю вас.

Ваш Писемский

1 Тургенев сообщал Писемскому 3/15 апреля 1870 г.: «Посылаю вам 5 отрывков из разных газет, которые я для вас выпросил у Кайслера. Вы увидите из этих рецен-

зий, что и немецкие критики умеют иногда врать не хуже русских (в одной из них говорится о гениальном (!) Кукольнике), притом и вражда против России сказывается: ворится о зениальном (1) пукольнике), притом и вражда против России сказывается; но все-таки талант ваш признается всеми, успех романа подтверждается — и в конце концов вы можете быть весьма довольны. Отрывок а — из "Volkszeitung", № 274 за 1869 год; b — из "Vossische Zeitung", № 233, 1869; с — из "Börsen-Zeitung", № 463, 1869; d — из "Magasin für die Literatur des Auslands", № 47, 1869; е — из неизвестной газеты — вероятно из венской "Die Presse"» («Новь», 1886, № 23, стр. 188). Речь идет о рецензиях на роман «Тысяча душ».

² В это время Писемский работал над романом «В водовороте». См. о нем прим. 3

к письму 41.

³ В Москве в 1870 г. Тургенев был дважды: проездом из Петербурга в Спасское (с 30 мая/11 июня по 1/13 июня) и обратно (27—28 июня/9—10 июля). Виделся ли он с Писемским - неизвестно.

⁴ Повесть «Степной король Лир» Тургенев окончил в конце марта 1870 г. (см. «Ле-

топись», стр. 192). Она была опубликована в «Вестнике Европы», 1870, № 10.

⁵ О кошелевском журнале — см. прим. 3 к письму 38.

40

(Москва. 13/25 октября 1870 г.)

Мой дорогой Иван Сергеич!

Письмецо ваше я получил 1 и, видя из него, что вы поработываете и здо ровы, до души обрадовался тому. Повесть ваша уже вышла в «Вестнике Европы»², но я еще не могу достать этого номера журнала — доказательство, что все спешат читать вашу повесть.

Один мой знакомый, Сергей Андреевич Юрьев 3, редактор будущего московского журнала «Беседа», просил меня переписаться с вами об одном его частном деле: у вас есть в Тверской губернии в Калязинском уезде отрезки земли от крестьянского надела в деревне Кузнечкове. Эти отрезки он желает купить у вас и просит меня спросить вас: желаете ли вы их продать и что просите за них? Обо всем этом уведомьте меня, а я ему передам.

Что касается лично до меня, то здоровье мое хоть и улучшилось, но нравственное состояние по-прежнему скверное: писать я почти ничего не пишу, служу с мучениями, так что даже хочу перейти в судебное ведомство, а если это не удастся, так и совсем выйду, потому что этой административной толкотни решительно не в состоянии переносить, хоть мне сдедалась теперь и поприятиее несколько служба, потому что вместо прежнего губернатора Фонвизина сделан губернатором Ливен 4, мой хороший приятель, и которого вы видели у меня. Обнимаю вас заочно и остаюсь всей душой вас любящий

Писемский

1870 г. октября 13

Москва, Борисоглебский переулок, на Поварской, свой дом.

1 Это письмо Тургенева не дошло до нас.

² «Степной король Лир». См. о нем прим. 4 к письму 39.

³ О С. А. Юрьеве см. прим. 3 к письму 38.

⁴ Иван Сергеевич Фонеизин (ум. 1889 г.) — московский губернатор (1869—1870);
Андрей Александрович Ливен (1839—1913) — московский губернатор (с сентября 1870 г. по 1872 г.).

41

(Москва, 17/29 мая 1871 г.)

Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом. 1871 года, мая 17 дня

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Я очень обрадовался полученному от вас письмецу 1, из которого вижу, что вы здоровы — а это пуще всего. Ложным слухом о смерти m-me Виардо я действительно встревожился, но, к великому своему удовольствию, через несколько дней прочел в газетах опровержение ². Что вам сказать об себе? Роман мой я кончил и завтрашний день отвезу в типографию последнюю половину последней части ³ и думаю переехать вскоре на дачу. Здоровье мое, по-прежнему, очень плохо, и к этому холода и дожди здесь стоят ужасные.

Что такое творится в Париже? Вы, вероятно, скоро поедете туда. Напишите мне, пожалуйста, оттуда поподробнее: кто, за что и во имя чего была вся эта междуусобица? Париж, как пишут в газетах, наполовину, если не больше, сожжен. Я сильно тут подозреваю, помимо безумств и развра-

щенности Коммуны, тайные проделки Наполеона 4.

Когда вы будете читать «Беседу», то, пожалуйста, не смешивайте ее с прежней «Русской беседой»⁵, доказательством тому может служить мой роман, которого я, конечно, никогда бы не поместил в прежней «Беседе», как не помещал я там ни одной моей строки. Юрьев вовсе не лампадочный господин, напротив, весьма широко смотрящий на вещи!

Больше пока решительно писать нечего; летом нынешним, может быть, вы снова вздумаете побывать в России, тогда все-таки пошлите сказать в мой дом, что вы приехали, а мне уже дадут об этом знать немедля. Жена

и сыновья вам кланяются.

Ваш Писемский

1 Письмо Тургенева от 10/22 мая 1871 г. («Новь», 1886, № 23, стр. 190).

 2 В «Московских ведомостях», 1871, № 86, 24 апреля появилось ложное сообщение о смерти П. Виардо; опровержение было опубликовано там же — № 88, 27 апреля.

³ Роман Писемского «В водовороте» был напечатан в «Беседе», 1871, № 1—6.

4 С 8/20 апреля 1871 г. правительственные войска начали военные действия против Парижской Коммуны. Ворвавшиеся в Париж 9/21 мая версальцы встретили упорное сопротивление коммунаров, дравшихся за каждый квартал; весь город был покрыт баррикадами. 16/28 мая пали последние опорные пункты коммунаров, и началась жестокая расправа с ними.

Наполеон III, после поражения Франции во франко-прусской войне, был в немецком плену и пытался сговориться с Бисмарком о восстановлении своей власти с помощью немецкой армии. После того как эти планы потерпели неудачу, он уехал в Англию. Тургенев в это время был в Лондоне. В Париж он приехал 9/24 ноября

1871 г.

⁵ «Русская беседа» А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова выходила с 1856 по 1860 г.— О «Беседе» — см. прим. 3 к письму 38.

42

<Москва, 2/14 февраля 1872 г.>

Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом.

18 $\frac{2}{11}$ 72

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Я хочу еще раз повторить вам, что статья «Московских ведомостей» против вас ¹ возбудила всеобщее негодование и сильно повредила и без того уже сильно упавшему авторитету издателей ², так что надобно удивляться каким образом у них подписка держится в весьма приличной, как говорят, цифре. Вообще в истекшем и в начале нынешнего года Каткову мало удачи; он бранит всех: и судей, и адвокатов, и присяжных; на днях разругал дворянство за самаринское предложение, о котором вы, вероятно, уже читали, и за все это ему сыплются со всех сторон проклятия! ³ Но, впрочем, бог с ним! Что вам сказать о себе: здоровьишко мое лучше несколько, чем прошлого года, и теперь строю я себе еще дом, который, если я благополуч-

но вершу его, даст мне, наконец, возможность кинуть мою поганую службу! Жена и дети у меня здоровы и усердно вам кланяются. Сыновья мои идут отлично в Университете. Старший Павел в прошлом году кончил курс кандидатом и оставлен при Университете с содержанием 600 рублей серебром в год с тем, чтобы готовился на магистра, а через два года, вероятно, будет послан за границу и затем займет кафедру по гражданскому праву 4. Этой карьере его я крайне рад: не говоря уже о благородстве самого служения науке, самая-то должность профессора вряд ли не самая независимая из всех должностей Российского государства: профессора по капризу начальства выгнать нельзя! Второй сын Николай тоже отлично занимается и тоже, может быть, оставлен будет при Университете 5 — все это меня, полуразбитого старика, бесконечно радует и утешает за все понесенное мною и до сих пор еще несомое в жизни. Дай вам небо всего лучшего; с нетерпением всей семьей нашей ожидаем вас в Москву, а затем до свидания.

Ваш Писемский

18 $\frac{11}{2}$ 72

1 Писемский имеет в виду статью Л. Н. Антропова «Новая повесть Тургенева "Вешние воды"», напечатанную в «Московских ведомостях», 1872, № 9, 12 января (за подписью: Л. А—ов). О ее характере и содержании можно судить хотя бы по заключительным строкам: «...в этой повести все отрицательные свойства таланта г. Тургенева выступили особенно заметно, ничем не прикрытые: чувствуется какая-то фельетонная, дилетантская легкомысленность; бедность вымысла и в то же время недостаток "трезвой правды", плохо заменяемый элегантностью изобретения и парфюмерностью языка; чувствуется, наконец, полный разрыв с русской жизнью, не восполняющийся прилеплением себя к европейской».

Резкий тон статьи и уничтожающая оценка повести вызваны были тем, что Тургенев к этому времени разорвал с Катковым всякие отношения; последний на протяжении 70-х годов не раз печатал в своей газете подобные отзывы о произведениях писа-

ля.

² Издатели «Московских ведомостей» — М. Н. Катков и П. М. Леонтьев.

³ Речь идет, вероятно, о такого рода сообщениях «Московских ведомостей» (1872, № 18, 21 января), как «Неловкий защитник», «Череповецкие адвокаты», в которых приводились случаи неубедительной защиты, неправильного оправдания, критикова-

лась медлительность следствия и т. д.

На заседании Московского губернского дворянского собрания 22 января Ю. Ф. Самарин внес предложение: «Войти с ходатайством о том, чтобы высочайше утвержденные 19 мая 1871 г. правила о порядке производства дознания о государственных преступлениях» были дополнены статьей, ограждающей дворян от мер административного прозвола. Это предложение обсуждалось на заседании 22 января (см. «Московские ведомости», 1872, № 26, 29 января). Катков «разругал» это предложение: «Вместо того, чтобы проектировать новые статьи закона, основанные на недоразумении,— писал он в «Московских ведомостях»,— вместо того, чтобы пускаться в прения, не ведущие ни к какому результату, вместо ходатайств никому не понятных, не лучше, не полезнее ли, не согласнее ли было бы со значением и преданием дворянства сделать демонстрацию против общественного слабодушия и растления, которыми и порождаются и поддерживаются наши государственные преступники» (1872, № 27, 30 января).

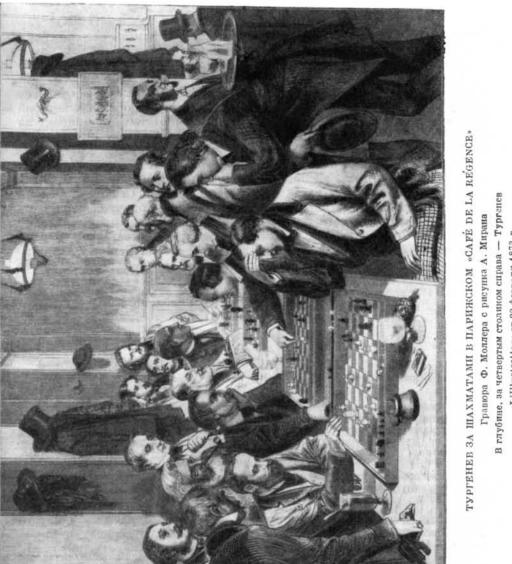
Характеризуя позиции Каткова начала 70-х годов, Б. П. Козьмин писал: «Свою

Характеризуя позиции Каткова начала 70-х годов, Б. П. Козьмин писал: «Свою задачу как журналиста он видел не только в поддержке правительства, но и в предостережении его—или,как выражался сам Катков, в том, чтобы "будить будочника, когда он заснул". Катков настаивал на подчинении органов земского самоуправления строгому контролю со стороны бюрократии, он требовал уничтожения даже последних остатков независимости суда, рекомендовал пересмотреть университетский устав и т. д. <... > Катков пользовался большим влиянием в правительственных сферах. Ему было предоставлено право писать непосредственно к царю; Александр III внимательно прислушивался к его мнениям. Катков умел пользоваться этим в своих целях» (Б.П. К о з ьм и н. Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1948, стр. 47).

4 Павел Алексеевич *Писемский* (1850—1910) защитил магистерскую диссертацию в 1876 г. и был приват-доцентом кафедры гражданского судопроизводства и судоустройства Московского университета до 1882 г. Вышел в отставку в связи с психическим заболеванием.

⁵ Николай Алексеевич *Писемский* (род. в 1852 г.) — математик, кандидат Мо-

сковского университета, покончил с собой 13 февраля 1874 г.

«L'Illustration» or 22 февраля 1873 г.

<Mосква. 13/25 марта 1873 г.>

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Я каждодневно все сбираюсь и сбираюсь писать вам, но все сие время был в разных треволнениях: писал, хандрил, читал с успехом, был помят цензурой и, наконец, напечатался в «Гражданине» и экземплярчик этого моего творенья посылаю вам при сем письме.

Сверх того я написал еще комедию под именем «Ваал», которая тоже не в долгом времени напечатается в «Русском вестнике» и по поводу которой я еду в половине Святой в Петербург, чтобы обхлопотать ее постановку на сцену 2. Что вы, мой милейший Иван Сергеевич, поделываете, что пописываете? Андреев мне сказывал, что он был у вас в Париже и нашел вас больным 3. — Господи! за что вас мучит подагра — мы пьянствовали, а вы за нас мучаетесь. — Когда вы приедете в Москву? 4 Бывают минуты, когда неистово хочется повидать вас и побеседовать с вами. Старший сын мой Павел держит экзамен на магистра и из двух предметов уже (один) отлично выдержал, и остается теперь только один, римское право, кафедру которого он, вероятно, займет впоследствии. Работает день и ночь. Младшего тоже, кажется, оставят при Университете. Все сие меня несказанно радует и утешает. Буду ждать от вас письмеца и еще лучше того, если бы сами приехали в Москву.

Душой вас любящий Алексей Писемский

 $18 \frac{111}{13} 73$

Поварская, Борисоглебский персулок. Собственный дом

¹ Речь идет о комедии «Подкопы». 5/17 октября 1872 г. Писемский читал ее у А. В. Никитенко. Последний отметил в своем дневнике: «Писемский превосходно читает, и мне кажется, что кто слышал его комедию из его уст, тому не следует идти в театр на ее представление: она, наверное, будет сыграна там гораздо хуже, чем в чтении автора» (А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. II. $\langle JI. \rangle$, 1956, стр. 254).

Первоначально комедия была напечатана в сборнике «Гражданин», 1872, ч. 2, но по требованию цензуры вырезана из него. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев объявил Писемскому, что пьеса «может пройти, если он спустит действующих лиц пониже, то есть директоров и товарищей министров оставит в покое» (там же, стр. 262). Комедия появилась в печати в 1873 г. в газете «Гражданин» (№ 7—10).

Тургенев считал «Подконы» «слабой вещью» (письмо к Я. П. Полонскому от 22 мар-

та 1873 г. — ПСП, стр. 215).

² Драма «Ваал» напечатана в «Русском вестнике», 1873, № 4. Впервые поставлена в Москве на сцене Малого театра 15 ноября 1873 г., в Петербурге — Александринским театром 12 октября 1873 г.

Писемский был в Петербурге в первой половине октября 1873 г.

³ Александр Николаевич Андреес (1830—1891), инженер и литератор, редактор журнала «Картинная галерея Европы», друг Писемского и Островского. Писемский рекомендовал его Краевскому в письме от 19 сентября 1864 г. (Писемский, стр. 173).

4 В 1873 г. Тургенев в Россию не приезжал.

«Москва, 5/17 сентября 1874 г.»

Четверг, 5/17.74 г.

Поварская, Борисоглебский переулок, свой пом.

Мой дорогой Иван Сергеевич!

Вот я уже и в Москве; доехали мы здравы, хотя и крайне утомленные 1. Напишите мне, когда вы переедете из Буживаля в Париж², и не оставьте вашим вниманием моего сына ³. Был ли он у вас в Буживале, если еще не был, то напишите ему, чтобы он явился к вам.

Из Парижа мы проехали через Вену, и оба с женой по сих пор остаемся в недоумении, за что сей город приравнивают к Парижу и даже некоторые называют его красивее Парижа. Как-то ваше здоровье и затихла ли, наконец, ваша подагра? Буду ожидать с нетерпением весточки от вас.

Душевно и искренно вас любящий и уважающий

Писемский

¹ В письме к Анненкову от 8/20 сентября 1874 г. Писемский сообщал: «К 1-му сентябрю мы возвратились из нашего заграничного путешествия» (Писемский, стр. 270).
² Тургенев переехал на зиму из Буживаля в Париж 30 сентября/12 октября

1874 г. ³ Старший сын Писемского — Павел Алексеевич был командирован Московским магистерской диссертации. университетом за границу на два года для подготовки магистерской диссертации. О встречах с ним Тургенев писал Писемскому 25 сентября/7 октября 1874 г. (Писем. ский, стр. 709).

45

(Москва. 5/17 октября 1874 г.)

Суббота. 5/17 октября 74

Дорогой и почтеннейший Иван Сергеевич!

Письмо ваше я получил ¹ и поручение ваше касательно Родиславского исполню². Я вот уж шестой день не получаю от сына писем, что меня крайне беспокоит—здоров ли он; потому что я все последнее время аккуратно получал от него письма через 3 и 4 дня, а тут вдруг целую неделю нет! Бога ради, мой дорогой Иван Сергеевич, спосылайте к нему или выпи (шите) его к себе. Словом, повидайте и будьте милостивы: сейчас же меня уведомьте, здоров ли он и тем успокойте мое истерзанное сердце! Извините за помарки в письме, пишу его после ночи, проведенной совершенно без сна. Ла хранит вас бог и ниспошлет вам поправление вашего здоровья.

Писемский

Москва. Поварская, Борисоглебский пер., свой дом.

Речь идет о письме Тургенева Писемскому от 25 сентября/7 октября 1874 г., в котором он сообщал: «Я получил от г-на Родиславского от имени Общества драматических писателей разные циркуляры и пр. Я отвечал ему, что передаю свой голос вам о чем спешу известить вас, в надежде, что это не будет для вас отяготительно» (П исемский, стр. 709).

² Владимир Иванович Родислаеский (1828—1885) — драматург, театральный критик, секретарь Общества русских драматических писателей, крупный чиновник. Писемский весьма невысоко денил драматические произведения Родиславского (см. его письмо к директору имп. театров А. М. Борху от 10 января 1864 г.— П исе м с к и й, стр. 165) и поддерживал с ним лишь официальные отношения (см. там

же семь небольших писем к Родиславскому).

¹³ Литературное наследство, т. 73, кн. вторая

(Москва. 7/19 февраля 1875 г.)

Мой дорогой Иван Сергеевич!

По случаю хлопот о постановке пиэсы моей «Просвещенное время»¹ я не успел до сих пор поблагодарить вас за ваше приветствие ко мне как юбиляру², что и исполняю в настоящем письме моем и вместе с тем не могу умолчать, что не было бы большей радости для меня, если бы и вы хоть на будущий год дозволили отпраздновать в Обществе любителей русской словесности вашу литературную деятельность, чего также несказанно желают и прочие члены сего Общества ³. Обо всем этом я, впрочем, лично буду беседовать с вами по приезде моем в Париж и упрашивать вас 4. Пиэска моя «Просвещенное время», сыгранная 30 генваря, получила огромный успех, в особенности 2-й и 4-й акты. Да хранит вас бог здравым и бодрым.

Ваш Писемский

1875 г. февраля 7

1 Прама «Просвещенное время» была впервые поставлена в Москве на сцене Малого театра 30 января 1875 г.; напечатана в «Русском вестнике», 1875, № 1.

² В 1875 г. исполнилось (считая со времени появления «Тюфяка») 25 лет литературной деятельности Писемского. 19 января на публичном заседании Общества любителей российской словесности был отпразднован его юбилей. Писемский получил по-здравительные адреса московских и петербургских писателей, письма, телеграммы (см. Писемский, стр. 722—723). 10/22 января 1875 г. Тургенев писал Бисемскому из Парижа: «Радуюсь вашему юбилею — и с своей стороны посылаю вам мое задушевное поздравление» (там же, стр. 714).

³ Узнав о намерении Общества любителей российской словесности праздновать

его юбилей, Тургенев послал секретарю Общества П. А. Бессонову 21 ноября/ 3 декабря 1875 г. официальный отказ от празднования. «Одному потомству доступна настоящая оценка и правильная разверстка литературных талантов»,— утверждал в этом письме Тургенев (XII, 483—484).

4 Писемский приехал в Париж 6/18 апреля 1875 г. (см. письмо Тургенева к Писемскому от 7/19 апреля — Писемский, стр. 730—731).

47

«Москва. 3/15 марта 1879 г.»

Посылаю вам, почтеннейший Иван Сергеич, самовернейший адрес г. Дерели ¹, а вместе с этой записочкой я пишу ему, что вы ему в свою очередь тоже будете писать.

Bam Писемский

 $18 \frac{3}{2} 79$

Виктор Дерели (ум. после 1888 г.) — переводчик произведений русских писателей на французский язык. Дерели перевел произведения Писемского: «Тысяча душ», «Мещане», «В водовороте», «Старческий грех», «Горькая судьбина», «Капитан Рухнев», «Ваал», «Виновата ли она?». О переписке Писемского с Дерели за 1878—1880 гг. см. Писемский, стр. 856.